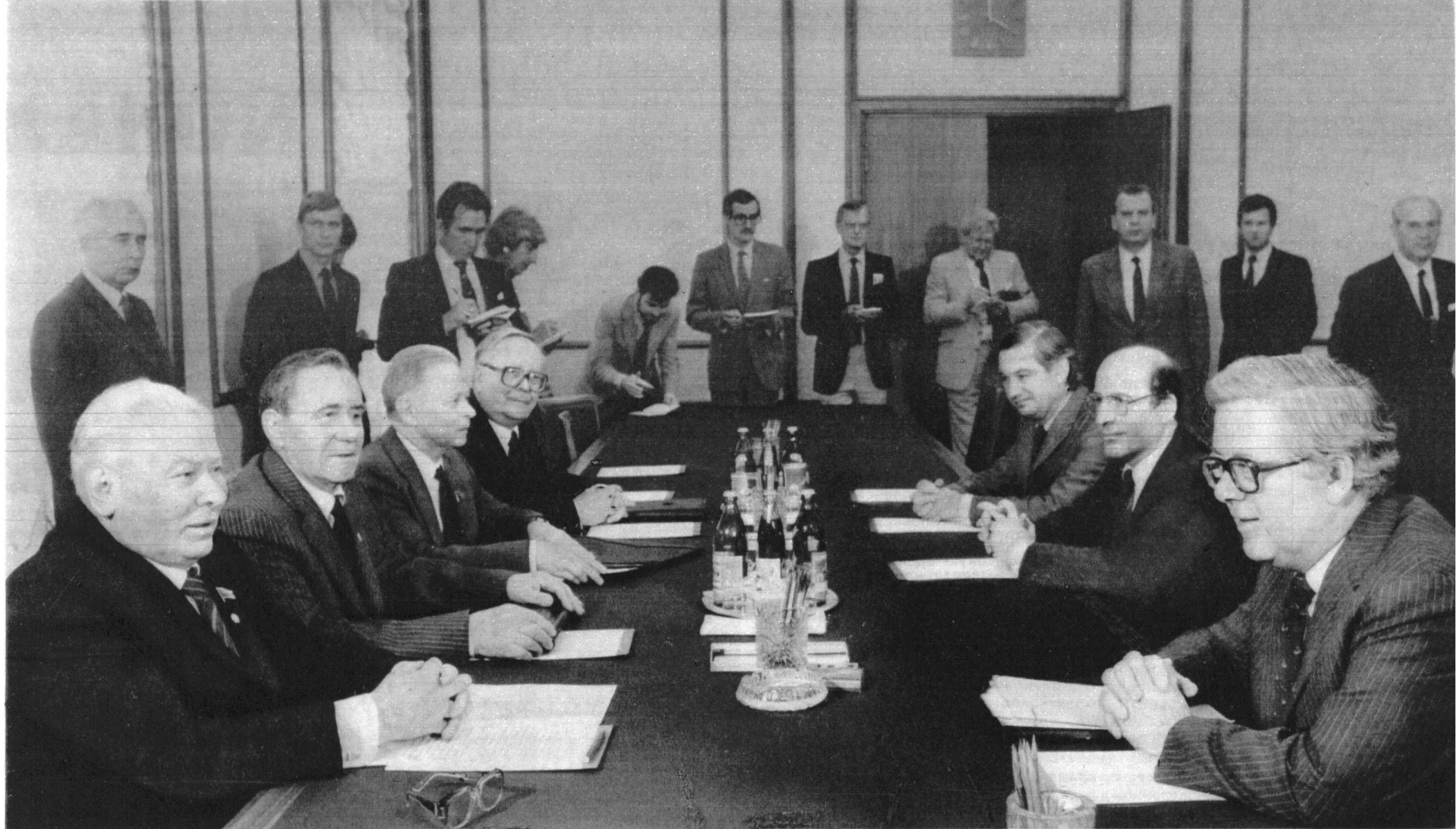

**5 МЕТРОВ
88 САНТИМЕТРОВ—
РЕКОРДНЫЙ ПРЫЖОК
СЕРГЕЯ БУБКИ**

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС)

Беседа К. У. Черненко с Дж. Хау

3 июля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко принял министра иностранных дел и по делам Содружества Великобритании Дж. Хау, находившегося в Советском Союзе с визитом.

В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

В деловой обстановке обсуждены некоторые актуальные международные проблемы и вопросы советско-британских отношений.

Внешнеполитический курс СССР, подчеркнул К. У. Черненко, был и будет направлен на устранение военной угрозы, укрепление мира, развитие отношений доверия и взаимовыгодного сотрудничества между государствами.

Советский Союз не допустит ломки сложившегося в мире военно-стратегического равновесия, к чему стремятся США и военный блок НАТО. Мы вместе с нашими союзниками по Варшавскому Договору вынуждены принимать ответные меры оборонительного характера, о чем нами было объявлено. Необходимость в них отпала бы, если бы США и идущие за ними страны НАТО прекратили размещение американских ракет и приняли меры к выводу из Европы уже размещенных ракет. Одновременно и Советский Союз осуществил бы шаги по отмене своих ответных мер. Все это открыло бы путь к переговорам по ядерным вооружениям как средней дальности, так и стратегическим.

К. У. Черненко привлек внимание и выдвинутому Советским Союзом комплексу далеко идущих предложений по оздоровлению международной

обстановки, по ограничению гонки вооружений и разоружению. Было подчеркнуто значение предложения Советского правительства безотлагательно начать переговоры по комплексу вопросов, решение которых обеспечило бы предотвращение милитаризации космического пространства.

Ответ по всем этим вопросам — за Западом. Достижение договоренностей по ним, несомненно, оказало бы положительное воздействие на всю международную обстановку.

Советский Союз, отметил К. У. Черненко, выступает за то, чтобы советско-английские отношения поступательно развивались. Но это зависит от обеих сторон. Мы, как и прежде, готовы содействовать развитию двусторонних отношений с Англией на основе взаимной выгоды, равноправия, невмешательства во внутренние дела, в интересах народов обеих стран, мира в Европе и во всем мире.

Дж. Хау, со своей стороны, изложил точку зрения британского правительства по обсуждавшимся вопросам. Он заявил о заинтересованности Англии в улучшении отношений с Советским Союзом, в продолжении политического диалога.

На беседе присутствовали с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, посол СССР в Великобритании В. И. Попов; с английской стороны — посол Великобритании в СССР И. Сазерленд, заместитель постоянного заместителя министра иностранных дел М. Дженнингс, старший помощник министра иностранных дел Л. Эпплард.

поле-84

СТРАДА ШАГАЕТ ПО СТРАНЕ

Ласкает ветер золотую ниву. Под жарким солнцем наливаются колосья. А в южных районах страны уже началась для земледельцев ответственная и счастливая пора — уборка урожая.

Каков он будет, урожай нынешнего года? Это ведь зависит не только от погоды, но и прежде всего от самих хлеборобов. Какой труд вложишь в ниву, такой и хлеб получишь.

Старательно и споро ведут уборку хлеба труженики государственного специализированного хозяйства Батненского района Ошской области (Киргизская ССР). С каждого гектара здесь получают по 46 центнеров пшеницы.

Полным ходом идет жатва зерновых и на полях Кахетии. По 30 центнеров на круг намолачивают земледельцы грузинского колхоза села Джапаридзе Цителцаройского района.

Жатва набирает темп, включая в свою орбиту все новые и новые регионы страны.

Киргизская ССР. Батненский район Ошской области. Идет уборка хлеба.

Телефото А. Кадыркулова (ТАСС)

Грузинская ССР. Колхоз села Джапаридзе. Дорог глоток прохладной воды в жаркий день.

Телефото И. Давиташвили (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 28 (2973)

7 ИЮЛЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1984

ЗА ТРУД И ПОДВИГ

27 июня в Смоленске состоялось торжественное заседание городского комитета партии, городского Совета народных депутатов совместно с представителями партийных, советских и общественных организаций, коллективов трудящихся, воинов Смоленского гарнизона, посвященное вручению городу высокой награды Родины — ордена Ленина.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

На заседании, тепло встреченный присутствующими, выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

М. С. Горбачев огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении города Смоленска орденом Ленина и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил награду к знамени города.

Выступавшие на торжественном заседании выразили глубокую признательность партии и правительству, товарищу К. У. Черненко за высокую оценку вклада трудящихся города в победу советского народа в Великой Отечественной войне, в успехи коммунистического строительства.

С подъемом было принято приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

На снимке: во время вручения награды.

Телефото Г. Калагьяна и В. Кузьмина (ТАСС)

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Начало

Никто торжественно не объявлял о начале работы первой в истории человечества атомной электростанции. Ленточки не разрезали.

В Обнинском музее висит за стеклом страничка из рабочего журнала Физико-энергетического института. На ней слова: «Пар подан на турбину». Директор института академик Д. И. Блохинцев обвел их тогда, 27 июня 1954 года, в квадратик и поставил время (17 часов 45 минут). Дмитрий Иванович делал обычную рабочую запись, на бессмертный музейный экспонат не рассчитывал.

Перед пуском Игорь Васильевич Курчатов почти переселился в Обнинск, жил в маленьком домике, что и теперь стоит близ станции. Приехал Анатолий Петрович Александров. Рабочие с удивлением поглядывали на прославленных академиков, что сами «лазили во все щели», все проверяли вплоть до вентиляции, проходили по подземным коридорам, осматривали переплетения труб.

Первого июля 1954 года из газеты «Правда» мир узнал, что человечество вступило в новый век —

век мирного применения атомной энергии.

— Рабочие и инженеры внесли в создание станции большой вклад, — вспоминает теперь, тридцать лет спустя, академик А. П. Александров. — Например, у турбины, доставленной с какой-то разрушенной станции, как выяснилось при монтаже, был погнут вал. Я не помню, к сожалению, фамилии умельца, который наварил на этот вал по полукругу несколько наплавов и за счет остаточной деформации при наварке буквально за два часа выправил вал полностью.

В Обнинске в Физико-энергетическом институте только закончилась научная конференция, приуроченная к 30-летию пуска станции. Съехались с докладами специалисты не только со всей страны, но и из-за рубежа. Из маленького поселка в Калужской области мирный атом смело зашагал по всему миру. В сентябре 1956-го заработала Маркуская АЭС во Франции, в октябре — в «Колдер-Холле» в Англии, через год — в США в Шиппингпорте. Но первая была здесь, в Обнинске.

— На середину 1984 года в 25 странах мира введено в эксплуатацию немногим более 300 АЭС общей электрической мощностью около 200 тысяч мегаватт, — отметил председатель Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР А. М. Петросьянц. — Много ли это или мало? Для сравнения скажем, что это равно мощности электрических станций всех видов и назначений таких стран, как Великобритания, Франция и Италия, вместе взятых. Значит, немало!

В СССР сейчас строительство АЭС идет на двадцати площадках страны. Каков прогноз на 2000 год?

— Оптимисты считают, что АЭС дадут 50 процентов всей энергии, — пошутил А. М. Петросьянц, — а пессимисты, что 30 процентов. Я не оптимист и не пессимист — думаю, что процентов 40.

Много говорили специалисты о проблеме безопасности АЭС. Уже накоплен большой опыт. 300 станций, три десятка лет работы, и ни в одной стране ни одной серьезной аварии. Неполно, конечно, бывает, как во всяком деле: может отказать техника в машинном зале, скажем, насосы, но нигде ни разу это не приводило к радиационной опасности. Сказывается тройная система защиты.

— Мы даже опасаемся, что это может подействовать расслабляюще, — вполне серьезно предположил после окончания научной работы на пресс-конференции А. М. Петросьянц. — Поэтому обслуживающий персонал на АЭС должен непрерывно проходить обучение в аварийных ситуациях, через тренажеры. С ростом числа станций такая подготовка специалистов необходима.

Опыт эксплуатации атомных станций доказал, что они наиболее экологически надежны. На тепловых станциях, например, на каждый выработанный киловатт-час электроэнергии в атмосферу выбрасывается 30 граммов вредных примесей, на АЭС выбросов в де-

сят тысяч раз меньше, то есть ничтожные доли грамма! А сколько ТЭЦ сжигают кислорода атмосферы! Для работы атомных станций кислород вообще не нужен.

И, конечно же, говорили на конференции о новых работах Физико-энергетического института, основного «родителя» первой в мире. Сегодня в ФЭИ разрабатываются атомные реакторы на быстрых нейтронах для будущих АЭС.

— Самый новый из них — БН-600, — рассказывает директор института, лауреат Ленинской премии О. Д. Казачковский. — Институт руководит проблемой так называемых реакторов на быстрых нейтронах. Они в отличие от реакторов на тепловых используют весь добытый уран, а не лишь один процент. Пока БН-600 — самый мощный в мире.

Прощаясь с Обнинском, участники конференции посетили реакторный зал «первой». Экскурсию вел начальник АЭС Виктор Сергеевич Северьянов. Все строилось на его глазах. Он приезжал сюда еще в 1952-м студентом-практикантом, а после окончания МИФИ поселился навсегда. При нем закладывали фундамент, налаживали и пускали станцию. Ее мощность нажмет теперь ничтожной — 5 тысяч киловатт. У одного только реактора атомохода «Ленин» — 15 тысяч киловатт, и таких реакторов на атомоходе два.

Около пульта управления висят портреты тех, кто получил Ленинскую премию за пуск Обнинской АЭС: Д. И. Блохинцев, Н. А. Доллежал, А. И. Красин, В. А. Малых.

Академик Н. А. Доллежал, единственный, кто сегодня остался в живых из этой четверки, очень хорошо сказал:

— Пройдут годы, и людям будущего поколения первая АЭС будет казаться такой далекой от современности, какими сейчас кажутся машины Ползунова или самолет Можайского, но для человечества они всегда будут памятником науки и техники, символом победы творческой мысли.

КАКОЙ ТЫ ЕСТЬ, ЧЕЛОВЕК?

А. НИКУЛЬЧИКОВ,
начальник участка объединения
«Куйбышевбурмаш»

Цветок из стали. У буровиков, разведывающих и добывающих «черное золото», есть такая поговорка: «Нефть находится на кончике долота». Мы как раз и делаем эти самые буровые долота. Кто не видел их, может подумать, что это нечто вроде деревообрабатывающего инструмента. Если бы так! Буровое долото предназначено для разрушения твердых горных пород при проходке скважин и представляет собой сложнейшее устройство. Достаточно сказать, что в том, которое мы делаем в нашем цехе — оно называется шарошечным,— более двух десятков деталей, выполненных из хромоникелемолибденовых и других легированных сталей по самому высокому классу точности.

Журналисты называли наше долото цветком. И действительно, внешне оно напоминает полураспустившийся бутон розы, в котором чашелистики — это лапы, или цапфы, их изгибляет наш участок; а лепестки — сами шарошки, продукция соседнего участка. Остается добавить, что весит такой «цветок» в собранном виде от 30 до 50 килограммов. И что каждые четыре из пяти нефтяных или газовых скважин — это не считая скважин на рудниках и в угольных разрезах, — пробуренных в нашей стране, делают с помощью долот родного мне Куйбышевского объединения. Направляются они еще в 18 стран мира.

Более двадцати лет я уже на заводе. Начинал токарем после ГПТУ, служба в армии, потом наладчик в этом же цехе. Он был в другом помещении, старом. Много переменилось с тех пор. Завод раздвинул свои границы, благоустроился. Вот эти голубые ели, что возле проходной, с Кавказа и из Карелии привозили; яблоны, вишни, что возле нашего корпуса, все сами сажали, фонтаны и газоны делали. Вместе с заводом и я рос. Поступил в вечерний техникум. Работал мастером и учился, в ту пору как раз озеленением занимались. Защитил диплом — технологом назначили, и вот уже несколько лет старший мастер, начальник участка.

За последние годы в объединении происходили большие перемены. Строился громадный красавец корпус для совершенно нового производства — долот другого типа. Теперь он уже заселен самым современным оборудованием, станками с числовым программным управлением.

Задачей номер один стало подготовить рабочих для этого производства. Но где было их взять? На всех заводах висят объявления: «Требуются, требуются...»

Не числом, а умением. Очень хорошо помню одно собрание на нашем участке. Слово взял партгрупорг Петр Рыжков, наш наладчик.

— В одиннадцатой пятилетке программа завода с пуском нового производства увеличивается в полтора раза,— сказал он.— Нам,

коммунистам, комсомольцам и беспартийным, ее выполнять. И выполнять не числом, а умением, значительно людей нам никто не пришлет. Значит, надо искать резервы. Вот давайте и высвободим с каждого участка, из каждого цеха квалифицированных станочников и наладчиков.

Рыжкова поддержал И. Н. Тарабин, начальник цеха, и заверил, что технологи, конструкторы, мастера — все инженерно-технические работники включатся в это дело.

Было это три с половиной года назад. На нашем участке работало тогда 178 человек. Петр Рыжков, как инициатор, и еще пятнадцать лучших токарей, сверловщиков, шлифовщиков ушли в цеха нового корпуса. Потом мы высвободили еще восемь человек. Сегодня нас сто пятьдесят пять. План стал больше и усложнился, номенклатура изделий меняется, больше времени уходит на переналад-

Горячий разговор... В центре А. Никульчиков.
Фото А. Бочинина

ку, но все же мы с планом справляемся и даже перевыполняем. А в этом году к лозунгу «Возросшую программу без дополнительных работников!» присоединили, сверяя свои дела с намеченной партией программой дальнейшего развития экономики, новые обязательства. Решили повысить на один процент производительность труда и снизить на полпроцента себестоимость продукции.

Успеху способствует прогрессивная форма организации и оплаты труда по бригадам, по конечным результатам. У нас четыре сквозные бригады, и все работают по единому наряду. Это благотворно отразилось и на качестве изделий.

Снижения себестоимости мы добиваемся, экономя прежде всего металл, режущий инструмент, смазочные материалы.

Перед майскими праздниками мы подводили итоги. Они оказались радостными: наш участок лучший по объединению, социалистические обязательства выполнены по всем двенадцати пунктам. На демонстрации знамена несли. А главное, круто пошла вверх кривая роста производительности труда. Прирост получился не на один процент, а на 1,3 процента. В два раза против ожидаемого снизилась себестоимость — на целый процент, что в денежном выражении составляет 24 тысячи рублей. Об этом рассказывают красочные стенды, что во всю стену в торце цеха. Наглядная агитация — наш помощник. А на оперативном экране соревнования пишем результаты каждого дня по бригадам.

Иногда появляются и такие вот «черные молнии», как было после майского праздника. В первый день кое-кто не выполнил задания, где-то вышел станок из строя, где-то были непредусмотренные переналадки. Но на следующий же день отставание было перекрыто. Тут сказывается не только моральный урок, но и материальный стимул. Ведь рабочим за ритмичность добавляется у нас до десяти процентов тарифной ставки. Сказалась и ответственность всей бригады.

Дело в том, что в каждом ЧП, каким бы оно ни было по масштабам, проглядывает состояние дисциплины в данный момент: то ли организационной, то ли технологической, то ли трудовой. Что же касается дисциплины труда, то у нас на участке по этому поводу действует свой закон коллективной ответственности — важный рычаг в воспитательной работе. В чем он состоит?

Отвечает коллектив. Если совершенно грубое нарушение трудовой дисциплины, помимо непосредственного виновника — самого прогульщика, весь коллектив бригады или сменных мастеров несет не только моральную, но и материальную ответственность — лишается части премии. Пусть эта часть незначительная, в пределах трех рублей, важен сам факт.

Некоторые говорят, что нельзя так поступать, это нарушает якобы закон об оплате труда... Но ведь речь идет о премиальных, которые распределяет сам коллектив, да и никто нас к этому не принуждает. Дело это сугубо добровольное, порядок такой установлен самим коллективом. Когда поступает к нам новый человек, мы ему о своем уставе подробно говорим, чтобы не было потом никаких претензий. Заведен специальный журнал, в котором каждый ознакомившийся с уставом расписывается. Администрация цеха и объединения поддерживает коллективную форму борьбы за повышение дисциплины труда. Она нам помогает определить: какой же ты есть, человек?

Если на протяжении года не было прогулов, то все рабочие получают дополнительное вознаграждение.

Как тут не вспомнить слова из доклада Константина Устиновича Черненко на июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС о том, что «где права и возможности трудовых коллективов используются в полную силу, не только выше производственные показатели, но и чище моральная атмосфера, меньше нарушений законности и порядка».

В качестве примера, иллюстрирующего эти слова, хотел бы привести одно заседание нашего товарищеского суда. Кстати, товарищеский суд нашего цеха пользуется большим авторитетом, весьма эффективна действенность его решений. Цеховой конференц-зал во время заседаний всегда переполнен. А виновные, чьи «дела» должны обсуждаться, умоляют председателя суда и его членов, чтоб не вызывали их, что готовы понести любое наказание...

Тогда слушалось дело о приписке. Некоторым станочникам, зарекомендовавшим себя квалифицированными специалистами, доверены личные клейма, которыми они помечают сделанные ими изделия, и те идут мимо контролера. Было такое клеймо и у В. К. Человек он опытный, шесть лет проработал в цехе. Вдруг обратили внимание на то, что маловато деталей, как раз тех, которые он делает. По накладной сопроводилровке 860, а фактически 340. Куда же девались остальные? Да и были ли они?

Проверка показала, что не было. Оказывается, он срезал резцом клейма деталей и сдавал их по второму разу.

Вся смена — двести человек — пришла на суд. Яблоку, как говорят, негде было упасть, так всех взбудоражил обман, недобросовестное поведение В. К. Немало пришлось ему выслушать горькой правды и слов гневного осуждения товарищей. Не знал, куда глаза девать...

Решение суда было такое: «На основании статьи 16, пункта 5 оштрафовать К. на сумму тридцать рублей и ходатайствовать перед администрацией о лишении его индивидуального клейма». Деньги эти были возвращены в заводскую кассу. Рабочий суд — самый строгий суд и самый справедливый воспитатель. Больше таких случаев не было.

ТЕРРОРИЗМ В РАНГЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВАШИНГТОНА

В. ЧЕРНЫШ

В октябре 1980 года Р. Рейган, еще будучи кандидатом на пост президента, высказался о том, что «Соединенные Штаты должны взять на себя руководящую роль в борьбе с международным терроризмом». После прихода в Белый дом он сразу же приступил к практической реализации своей идеи, существенно расширив права и поле деятельности спецслужб США. 3 апреля 1984 года «новый курс» Рейгана получил статус закона: президент подписал секретную директиву Совета национальной безопасности № 138 по «борьбе с международным терроризмом».

В директиве идет речь о политике нанесения упреждающих и репрессивных ударов по «террористам» во всем мире, о создании в этих целях специальных отрядов истребителей, ведении широкой разведывательной деятельности, открытых и тайных боевых акций под предлогом «защиты интересов США».

Против кого же направляется вся эта деятельность? Кого официальный Вашингтон зачисляет в ранг «террористов»? Американское руководство не скрывает, что под «международным терроризмом» оно подразумевает революционные и национально-освободительные движения, освободившиеся от колониального гнета страны, и прежде всего государства, избравшие социалистический путь развития, а также всех, кто не желает идти в фарватере Вашингтона, подчиняться его гегемонистским претензиям.

Рейгановская директива предоставляет администрации США право на неограниченное, бесконтрольное со стороны американского конгресса применение силы в борьбе против всего прогрессивного в мире. ЦРУ, Пентагон, ФБР и другие спецслужбы США получают полную свободу в проведении любых грязных, бесчеловечных акций.

США осуществляют терроризм и геноцид против целых народов. С особым размахом и жестокостью это было продемонстрировано во время войны во Вьетнаме. По признанию американского генерала К. Лимзя, США ставили целью «вбомбить вьетнамцев обратно в каменный век». За годы «вьетнамской авантюры» янки убили свыше миллиона мужчин и женщин, стариков и детей, отравляющими веществами было поражено более 2 миллионов вьетнамцев.

Объектами империалистического вмешательства, террора и агрессии со стороны США и их стратегического союзника Израиля являются страны арабского мира. Вторжение израильских агрессоров в Ливан, учиненная ими резня в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила потрясли весь мир. Самолеты американских авианосцев бомбили, а корабельная артиллерия линкора «Нью-Джерси» обстреливала мирные ливанские населенные пункты.

Растоптав суверенитет и независимость Гренады, администрация Рейгана показала, что она намерена «строить отношения» с малыми странами, порядки в которых ее не устраивают, с позиций государственного терроризма. Необъявленная война против Никарагуа, которую ведет США, свидетельствует о патологической ненависти рейгановской администрации к революции, о возможности прямой агрессии США против этой страны.

По указке Вашингтона с территории Пакистана ведется необъявленная война и против афганского народа наемными бандами, на вооружение и содержание которых администрация Р. Рейгана с 1980 года, только по официальным данным, затратила свыше 300 миллио-

нов долларов, не считая сотен миллионов долларов, которые идут на те же цели по тайным каналам ЦРУ и Пентагона.

Грубо попирая волю международного сообщества, Рейган назвал «преступной организацией, связанной с террористическими акциями», Организацию Освобождения Палестины, которую официально признали 115 государств мира, ООН, другие международные организации.

Жертвами террора, организованного ЦРУ, стали премьер-министр Конго Патрис Лумумба, президент Чили Сальвадор Альенде, борец за свободу африканских народов А. Кабрал, многие другие политические и общественные деятели.

Достоянием гласности стали и попытки неудавшихся чудовищных преступлений. Так, ЦРУ готовило покушения на президента Египта Г. Насера и архиепископа Макариоса. Предпринимались неоднократные попытки организовать убийство вождя кубинской революции Фиделя Кастро.

В 1981 году нынешний директор ЦРУ У. Кейси лично утвердил план физического уничтожения лидера ливийской революции М. Каддафи. Были раскрыты организованные при участии ЦРУ заговоры против премьер-министра Индии Индиры Ганди и президента Народной Республики Мозамбик С. Машела, предпринималось покушение на президента Замбии К. Каунду.

Даже этот далеко не полный перечень организованных ЦРУ и ставших достоянием гласности политических убийств, заговоров и покушений свидетельствует о том, какого размаха достиг государственный бандитизм Вашингтона, террор против неугодных ему руководителей иностранных государств, других видных деятелей. По данным американской прессы, только за период с 1961 по 1976 год, когда стали известны многие кровавые преступления ЦРУ, оно провело около 900 тайных операций против «нежелательных» деятелей и правительств.

Применения тех же самых методов Вашингтон требует от своих союзников по Североатлантическому блоку. Секретный документ НАТО 1979 года «Документ АС/276—Д/79/1» предписывает усиление террора и диверсий. «Совершать государственные перевороты в других странах, нарушать их нормальную жизнь, вести подкуп под их руководителей или убивать их» — такие, по сообщению газеты «Нью-Йорк таймс», инструкции давались и даются тайным агентам империалистических разведок.

В октябре 1983 года Рейган во время одной из своих пресс-конференций заявил: «Я думаю, что тайные операции являются составной частью деятельности правительства, входят в круг обязанностей правительства с тех самых пор, как появилось первое правительство... Я действительно считаю, что страна, полагающаяся, что ее интересы наилучшим образом обеспечиваются проведением тайной деятельности, имеет право на такую деятельность». Следуя этому «курсу», Рейган за время своего президентства в пять раз увеличил ассигнования на тайные подрывные операции ЦРУ — ведомства, являющегося, по свидетельству бывшего его сотрудника Р. Макги, «органом тайных операций президента США, включающих поддержку диктаторов и свержение избранных демократическим путем правительств».

Расширяются другие американские спец-

службы — в их распоряжении сейчас имеется 200 тысяч сотрудников, а их годовой бюджет превышает 10 миллиардов долларов.

Пентагон в дополнение к имеющимся многочисленным силам и средствам специального назначения ведет форсированную подготовку новых диверсионно-террористических формирований. «Возрождение наших войск специального назначения является первоочередной целью нынешней администрации», — заявил министр обороны США К. Уайнбергер. — Мы стремились создать войска, способные нести глобальную ответственность».

Средствами империалистического разбоя становятся не только карательные, диверсионные и шпионские подразделения. В роли главного действующего лица в выполнении задач государственного терроризма США все более активно выступают вооруженные силы Соединенных Штатов, и прежде всего интервенционистские «силы быстрого развертывания», численность которых планируется довести до 400 тысяч человек.

Особо опасный компонент новой американской политики, узаконенной в директиве № 138, — это открытая претензия на вмешательство не только тогда, когда где-то в мире происходят «нежелательные» для США события, но и на «право» превентивных ударов. Сам Рейган призвал к тому, чтобы «предугадывать», откуда может исходить угроза для США. Во исполнение этого в США уже ведется подготовка «списка целей» для нанесения «упреждающих» ударов.

Диверсионно-подрывная и террористическая деятельность США, разумеется, нацелена своим острием против Советского Союза, социалистических стран, развивающихся стран социалистической ориентации. Вместе с тем она практически угрожает всем странам, подрывает их безопасность, способствует росту напряженности в мире.

Апологеты рейгановской философии и практики международного разбоя сейчас запустили на полную мощь машину обработки американской общественности и конгресса, требуя от них, по выражению государственного секретаря США Дж. Шульца, «настроиться философски», чтобы «переступить порог» и предоставить Белому дому безграничные полномочия на претворение в жизнь «новой доктрины» государственного терроризма и необузданного разбоя США. «Доктрина Рейгана» (так окрестили на Западе директиву № 138) — это мина под всю структуру сложившейся системы межгосударственных отношений и международного устройства. Претендуя на мировое господство, встав на путь безудержного милитаризма и нагнетания напряженности, вмешательства в дела суверенных государств, Вашингтон вновь и вновь пытается запугать свободолюбивые народы, сломить их волю к борьбе.

«Но никому не дано повернуть колесо истории вспять», — сказал в своей речи в Кремле 29 марта с. г. товарищ К. У. Черненко. — Нельзя победить народы, которые прониклись идеей подлинной независимости и твердо отстаивают право самим определять свою судьбу. Это одна из исторических закономерностей нашего времени».

Международный терроризм американского империализма — это оружие обреченных. Остановить вашингтонских поборников кулачного права — общее, безотлагательное дело всех государств и народов.

АПН — специально для «Огонька»

Звучат из Штатов громкие слова
Про равные «гражданские права».

Но что о них сказал бы, например,
Индейский лидер — узник Пелтиер!!

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Приглашены недаром в Вашингтон
Бандит Пастора, изверг д'Обюссон.

Они во всем с патроном в унисон,
А он безмерно чтит таких персон.

ВСЕГДА ВМЕСТЕ

Зигмунд ХИРЕН

Дважды видел я этих людей и оба раза в боевых условиях. Сперва дома у них среди бескрайних монгольских степей, солончаков, желтых песчаных барханов. Гул орудий нарушил вековую тишину пустыни. Сотни самолетов в небе. Черные столбы дыма и пламени от горящих на земле вражеских машин. Длинные караваны верблюдов и грузовиков со снарядами, оружием, провизией. Лавина танков, мчащихся в атаку... Это было в 1939 году на Халхин-Голе. Затем увидел их в середине февраля 1942 года у нас под Москвой. Вьюжной, метельной выдалась зима. Такие сугробыща образовались — ни пройти, ни проехать. Но надо было, во что бы то ни стало надо было попасть на огневые позиции одного из артиллерийских полков Западного фронта. И, наконец, добрался.

Огонь велся по закрытым целям, боевые команды не умолкали. Заряжающие, несмотря на лютый мороз, обливались ручьями пота, поднося к стволам орудий один за другим тяжелые снаряды. И тут словно из густого облака возникли незнакомые женщины и мужчины в слишком белоснежных по сравнению с натуральным снегом маскировочных халатах с высокими, словно накрахмаленными, обледеневшими капюшонами. Дуга

на окоченевшие пальцы, вооружившись кусками мела, что-то писали на снарядах. Одни помногу, другие всего одно слово. Писали, как я убедился, по-монгольски. И тут, вижу, молодая женщина в кожаной цигейке пишет по-русски.

— Нет здесь, к сожалению, Ильи Ефимовича Репина, иначе Третьяковка пополнилась бы еще одним шедевром в духе знаменитого письма запорожских казаков... — сказала и засмеялась.

То была москвичка, инженер-экономист Евдокия Николаевна Горюнова.

— Что тут происходит? — спросил у нее.

— Прибыла из МНР делегация с эшелонном подарков для фронтовиков. Все хотят, чтоб на снарядах были их послания гитлеровским голворезам.

Как она сюда попала? Задолго до войны пригласили работать в МНР. А началась война — как и все ее соотечественники, домой захотела. Но пришлось задержаться. «Специалисты и тут, — сказали ей, — нужны...» И вот совершенно неожиданно предложили сопровождать монгольскую делегацию из Улан-Батора в Москву с подарками для фронтовиков.

— А чьи снаряды полетели в стан врага?

— Это вот Бассан, член мон-

гольского правительства, стахановка Улан-Баторского промкомбината. Среди подарков есть вещи, сделанные ее руками. Послала снаряд и Янжима — она третий секретарь ЦК партии.

Тут передали по телефону с наблюдательного пункта: снаряд, надписанный Дамбой, старым монгольским партизаном, поразил цель! Как тут не захлопать в ладоши, не закричать «ура»! Этот человек воевал в 1921 году под Ургой (нынешний Улан-Батор), воевал бок о бок с Рокоссовским.

Знаю, немало советских полководцев причастны к победе народной революции в Монголии. Начинать надо, наверное, с маршала Блюхера, командарма Уборевича, ну, разумеется, маршала Рокоссовского, а после победы на Халхин-Голе обязательно вспомнят маршала Жукова.

Именно от Георгия Константиновича Жукова я впервые услышал о причастности советских военачальников к освобождению совместной с народно-революционной армией Сухэ-Батора Монголии от банд барона Унгерна. Сохранился приказ, подписанный Василием Константиновичем Блюхером, в то время главнокомандующим Народно-революционной армией Дальневосточной республики, об обеспечении Ургинской операции. Есть боевое донесение, из коего явствует, что в плен барона Унгерна брала кавгруппа, которой руководил К. К. Рокоссовский. А командарм И. П. Уборевич, сыграв большую роль не только в очищении Монголии от белогвардейских банд, но в зарождении и укреплении Монгольской народно-революционной армии. Ведь недаром в конце августа 1945 года Москва салютовала войскам маршала Чойбалсана, а в приказе Верховного Главнокомандующего было сказано, что в боях на Дальнем Востоке отличились кавалеристы Монгольской армии генерал-майора Доржи-палан, полковников Цедендаш, Даржи, Отсурэна.

...Но тогда еще был февраль 1942 года. Напомню, что лишь за первый год войны из Монголии было доставлено сто сорок вагонов подарков стоимостью 65 мил-

лионов тугриков, на банковский счет поступило 2 миллиона 500 тысяч тугриков, 100 миллионов американских долларов, 300 килограммов золота. Наряду с тушами мяса, бочками сливочного масла, вина, варенья, ящиками конфет, папирос, валенок, полушубков, меховых жилетов, теплых мягких тапочек для раненых, для них же шерстяные свитера, меховые одеяла, передали монголы Красной Армии колонну танков, авиаэскадрилью...

Георгию Константиновичу Жукову, командовавшему тогда Западным фронтом, встретившаяся делегация преподнесла два особых подарка: теплые стеганые дели (монгольский халат) и вещь, произведшую на Жукова сильное впечатление, — новенькую пишущую машинку «ундервуд».

— Ну знаете, — начал Жуков, — доведись мне месяца четыре назад получить подобный подарок, понял бы: мои старые монгольские друзья без обиняков предупреждают, что пора тебе, Жуков, переквалифицироваться из генералов в машинистки. Дела шли из рук вон плохо, даже потребовали, чтоб из Перхушкова переселился. А куда, спрашиваю вас, в Москву? Но «переселение», как вы сейчас увидите, состоялось. Мы вам покажем кинофильм «Разгром немцев под Москвой», и вы убедитесь, что переселились не мы, а гитлеровцы, и большей частью... на тот свет. Словом, «ундервуд» пригодится, дайте только срок, еще отпечатаем на нем приказ о капитуляции гитлеровской Германии. Правда, сам я неважно печатаю, одним лишь пальцем... Да, а нельзя ли узнать фамилию того, кто «ундервуд» этот прислал?

Среди монголов и монголово произошло замешательство. Никто не знал, лишь Янжима запомнила: машинку принесла в последнюю минуту молодая женщина, спросить фамилию ее не успели, а сама та не назвалась и тут же исчезла.

Георгий Константинович выразил сожаление, сказал, что хотелось бы написать благодарность.

— К себе вернетесь — узнайте, пожалуйста, и черкните мне на фронт. Ведь подарок от женщины,

«Три сестры» — так назвал их полководец Жуков: Янжима, Е. Н. Горюнова, Бассан.

скажу по правде, первый за войну.

Тут объявили, что из Москвы приехал киномеханик и привез заказанную картину.

— Вот здорово,— обрадовался Жуков.

Свет погас, и комната наполнилась гулом орудий, свистом сотен авиабомб, криками. Однажды промелькнула на экране комната, где сидели сейчас монгольские гости, сам Жуков в бекеше и генеральской папаше среди солдат на передовой. Когда на экране показался Волоколамск, Жуков, обращаясь к партизану Дамбе, сказал:

— Обратите внимание, этот город отвоевал у врага ваш «однополчанин» по боям за Ургу в 1921 году — Рокоссовский.

Было далеко за полночь, гости заволновались, что отняли у Жукова столько времени.

Расстались под утро. Жуков, выйдя на крыльцо, обнялся с каждым в отдельности. Заметив, что женщины оробели, сказал: «Не вижу женского приветия», — и тут Янжима, Бассан и Горюнова все вместе обняли и поцеловали Георгия Константиновича.

— Три сестры,— улыбнулся Жуков.— Вы увидите в натуре все, что было вчера в кино, разгром фашистов продолжается. Но чур, дайте слово, на обратном пути вновь заедете сюда, хочу знать впечатление своих братьев и сестер из Монголии о нашем Западном фронте.

...На этом, собственно, я должен был завершить свой рассказ. Но недавно я встретился с той самой русской женщиной, Евдокией Николаевной Горюновой. Она узнала себя на фронтовом снимке тех незабываемых лет, опубликованном в «Огоньке». Сперва прислала обстоятельное письмо, и ее пригласили в редакцию. Пусть посидела, уже бабушка, но все такая же быстрая, энергичная, стремительная, так же звенит задорный голос комсомолки двадцатых годов. Старая коммунистка, кавалер монгольского ордена «Полярная звезда», она и сегодня не теряет связи с Монголией.

Спросил у нее, удалось ли тогда разыскать женщину, приславшую Жукову на фронт пишущую машинку в подарок.

— Не знаю наверняка,— ответила.— Однако уверена, адрес отыскали для Жукова. Монголы — точные люди, верные люди.

Мне же посчастливилось вновь увидеть «ундервуд» летом 1945 года в одном из пригородов Берлина, Ванденшлоссе, где стоял штаб 1-го Белорусского фронта, штаб Жукова. Один из помощников, знакомый еще по боям на Халхин-Голе, кивнув на машинку, спросил:

— Помните?

— Нет,— признался я.

— Чуть было американские корреспонденты не увели как сувенир, заладили, что на этой машинке печатался текст капитуляции, подписанный Кейтелем. С трудом отнял, объяснив, что «ундервуд» — единственная личная собственность одного нашего военного, подарок от женщины. Вам-то могу сказать, американцы не ошиблись. Все получилось, как тогда зимой в Перхушкове Жуков говорил монгольским гостям. Разве что печатал не сам маршал. В тот момент войска 1-го Белорусского фронта вступили под его командованием в Берлин.

СССР — глазами друзей

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОЛОДОСТЬ

Януш Пшимановский — известный польский писатель, полковник в отставке, депутат Сейма ПНР, общественный деятель. Многие его книги, самая известная из которых «Четыре танкиста и собака», издавались в СССР. Неоднократно выступал на страницах «Огонька». Данная публикация подготовлена специально для нашего журнала.

ЯНУШ ПШИМАНОВСКИЙ

СВЕТЛАНИНА ПЕСНЯ

Обычный авиарейс — Москва — Ставрополь. На лицах пассажиров спокойствие и легкий налет усталости. Для них этот будничнейший рейс «Ту-154» наподобие поездки в пригородной электричке. Скоро они приземлятся дома постаревшими на неполные два часа, а я же вернусь в свою двадцатилетнюю молодость. Эту поездку мне помог осуществить «Огонек».

Впервые я приехал сюда в продырявленном осколками товарняке. Третья эвакуация... В сентябре 1939-го пешком и на велосипеде добрался до Бреста, где взял в руки карабин. В июне 1941-го уходил от гитлеровцев уже с Вольни — пешком, поездом, пароходом за Днепр. В августе, чтобы снова не попасть в руки фашистов, уехал на Ставрополье. Полтора года работал в колхозе.

Вместе с нахлынувшими воспоминаниями почудились мне в самолете запахи созревшей, прогретой солнцем пшеницы, горячего промасленного металла тракторов и крутой махорки. Машинально потянулся за сигаретами, но вспомнил, что курить нельзя, тем более сейчас, когда стюардесса объявила о заходе на посадку. Выхожу из самолета. Ко мне подходит молодая женщина, загорелая и темноволосая.

— Лукьянова Вера Викторовна. Из отдела культуры.

Торопливо улаживаем дела, намечаем программу на ближайшие дни, выходим прогуляться по вечернему городу, освеженному недавним дождем. Хорошо бы найти главную улицу, здание, в котором когда-то была аптека. И сейчас она там? Тогда на улицу Маркса. Отсюда это далеко?

— Стоим на ней.

Так хотелось возразить, но от растерянности смешались в голове необходимые русские слова. Откуда деревья, с пышных крон которых срываются редкие капли? Посадили после войны, им всего за тридцать, вот и все. Узнаю аптеку, она кажется несколько помолодевшей. Вокруг овальных окон — лепные украшения, новая крыша и ограда. И витрина запомнилась мне другой, с

плакатами, призывающими санитаров на фронт. Сразу над ней должна жить... Нет, сейчас там никто не живет, помещение занимает одно из подразделений отдела здравоохранения.

Первая нить оборвалась со звоном лопнувшей струны... Думаю о том, как в выступлении по местному радио скажу: я здесь и разыскиваю Светлану Вадимовну.

...Светлана, а вместе с ней стайка студенток в разноцветных платьицах приехали на жатву в наше хозяйство. В пахнущей цветами степной долине заготавливали сено — девушки в креслах механических граблей и я на тракторе. Пятро и один. Когда солнце садилось, молодежь собиралась вместе, и не было равной Светлане в пении и игре на гитаре. Однажды весь вечер она танцевала со мной танго, фокстрот и вальсы. Лунными ночами устраивали мы купание в пруду, долго и безуспешно пытались горстями выловить из воды призрачные блики. Расстались, когда гитлеровцы прорвали фронт под Ростовом и началась срочная эвакуация. Вместо объятий на прощание — только три слова на клочке бумаги: «Ищи после войны».

СТАЛА ГОРОДОМ СТАНИЦА

Едем в станицу Новоалександровскую. Я бывал прежде в тамошней МТС, когда случались серьезные поломки нашей колхозной техники. Грунтовую дорогу, стрелявшую камнями из-под колес, сменило асфальтированное шоссе. По обе его стороны — убранные, подготовленные и посею озимых поля. Желто-серый пейзаж каждую пару километров сменяется полоской леса.

Въезжаем, наконец, на зеленую улицу. Нечто сродни пригородным курорту с кирпичными домами-коттеджами для одной семьи. Монотонность типового проектирования скрашивают резные наличники на окнах, оригинальные веранды. А еще гаражи во дворах — тоже разные и красивые, чем-то напоминавшие мне казачьи амбары. Зеленеют сады, огороды спрятались в глубине за домами, а со стороны улицы — яркие, нарядные клумбы с цветами. Море цветов.

— Это и есть станица Новоалександровская?

— Нет,— отвечает Алла Тимофеевна Лисун, секретарь райкома по пропаганде,— город Новоалександровск, административный, промышленный и культурный центр района.

— Где же ваш Большой театр? — пытаюсь пошутить.

— Большого не имеем. В клубе зал на восемьсот мест. Приглашаем эстрадные ансамбли, театральные коллективы, иногда приезжает симфонический оркестр, сцена большая, позволяет.

Прошу подъехать поближе к зданию, посмотреть, как оно выглядит. Хорошо выглядит. (Не помешал бы такой клуб нашим селам Остроленцам или Седлинцам, где я часто бываю, а может, даже иной столице воеводства!) Средств здесь достаточно, чтобы приобрести то, что пожелает общественный клубный совет. Больше всего хлопот с покупкой музыкальных инструментов. Да и диск-жокея нет.

Встреча происходит в зале, куда собрались все свободные от работы. Спрашивают меня, как здесь было в годы войны. Пытаюсь представить себя в промасленном ватнике. Если бы не местные словечки, оставшиеся в памяти с той поры, может, мне бы и не поверили. Две минуты спустя с первой шуткой официальная атмосфера сменяется обычным разговором. Интересуются ситуацией в Польше, спрашивают об экономических и политических трудностях с душевной простотой и неподдельным интересом, чувствую их своими, кровными. Находим время поговорить и о моде: девчат интересует, как у нас одеваются.

Получаю в подарок сумку с инструментами — бывший тракторист, неверное, догадается, как их пристроить к делу.

ВНУКИ СОЛДАТ

Во время этой поездки у меня было много встреч со школьниками, читателями и зрителями «Четырех танкистов», снятых по моей повести. В одной школе я принял участие в... судебном заседании. На «съемке обвиняемых» — империализм. Юные судьи, прокурор, защита. Эту неблагоприятную роль играет задиристый, уверенный парень. И хотя он занимает заведомо проигранные позиции, ведет «борьбу» грамотно и толково. Приводит примеры из десятков различных книжек. «Прокрутор» не на шутку нервничает, терзает длинную носу с огромным белым бантом, покрывается румянцем и говорит о вещах, которые предпочла не упоминать «защита».

Я беру на себя роль свидетеля. Рассказываю, что видел собственными глазами в США, других странах. Слушают с интересом.

После приговора: «Осуждаем им-

Одна из встреч на Ставропольской земле.

Фото А. Гостева

периализм, миру — мир!» — благодарю всех, особенно «защиту», которая так оживила игру.

Прощаясь, гляжу на своих новых знакомых свозь огромный букет цветов. Мне очень нравится школьная форма у ребят. Ее носят почти все. Никакой тебе конкуренции между родителями в попытках одеть свое чадо непременно в американские джинсы, модную куртку или свитер.

Во второй школе дети также в форме, в гимнастерках защитного цвета. Я в гостях у «красных следопытов». Это внуки тех, кто воевал. Очень много знают о минувшей войне! Не только о военном прошлом тех мест, где они живут, но и о наших краях.

Все понимают, почему я пошел в сентябре 1939-го добровольцем в армию, ведь и у них на родине два года спустя так поступали семнадцатилетние парни. Рассказываю, как в январе 1943 года пошел добровольцем в Красную Армию. Тогда польская дивизия, которая позже приняла бой под Ленино, еще не начала формироваться. Мне было стыдно прятаться за «белый билет», стрелять ведь можно и в очках. И если армия становится больше на одного бойца, значит, война длится на одну секунду меньше. Рассказал ребятам, как прошел от их родной Кубани до Азовского моря, потом от Оки до Вислы и Одера, далее до самого Берлина и Эльбы. А они вывесили огромный, в полстены, план своей станицы и подробно объяснили мне, откуда наступала 317-я пехотная дивизия, освободившая Новоалександровск. Потом надели пилотки с красными звездами, обрамленными двумя золотыми веточками, и предложили пройти на окраину городка.

За последними домами на возвышении я увидел воинское кладбище. Скромное, прибранное семейному, нет огромных венков, но на каждой могиле по три астры.

Среди фамилий погибших нахожу старшего лейтенанта Луковского и сержанта Добровольского. Они могли быть русскими, их имен я никогда не узнаю. А может, были они с Буга, либо с Волыни, или Подола? Лишь случай ведает, почему в таком списке на окраине другой кубанской станицы не значится моя фамилия, которую мог бы сейчас читать мой земляк Луковский. Не знаю, поляк он или русский, знаю только: все, кто пал во время боя за Новоалександровск, — все они для меня земляки. Пытаюсь высказать эту мысль юным следопытам.

— Ваши на нашей, наши на ва-

шей земле полегли, защищая свободу, — говорит девушка, которая возглавляет группу поиска. — Это и есть настоящий интернационализм: «За вашу и нашу свободу».

На прощание она снимает звездочку с пилотки и дает мне на память. Буду помнить. Не только об этих двух, но и о десятках тысяч поляков, которые сражались в рядах Красной Армии, буду помнить о более чем полумиллионе советских солдат, павших между Бугом и Одрой за свободную Польшу.

ПОЛ-ЛОМТЯ ХЛЕБА

Едем в Кармалиновку. Уже давно нет здесь «моего» колхоза имени Чапаева, хозяйства объединены и входят в крупный агропромышленный комплекс. Дорога спускается на дно степной балки. Вот она, моя станица! На месте мазанок стоят кирпичные дома, каждый для одной семьи. Зеленые квадраты садов заняли все свободное место, но я узнаю улицы и даже места, где в годы войны располагались убогие базарчики.

Из-за деревьев виднеется широкая крыша новой школы. В декабре 1941 года, чтобы послушать сводки с фронта, мы собирались в тесных избах и при свете керосиновой лампы читали вслух газету.

Перед школой много людей, пионеры с цветами, хор казаков в народных костюмах. Красавица в зеленом платье подает мне на вышитом рушнике хлеб-соль. В душе я смущен — так встречают государственных деятелей, а ведь сейчас приехал только бывший тракторист. Опять обе руки заняты огромным букетом цветов. Пока люди проходят в зал на встречу, телеоператоры ставят меня на фоне деревьев, и я должен говорить, кто такой, зачем приехал.

И вот я один на один с десятками глаз. Кланяюсь в пояс, согласно здешним обычаям.

— Приношу извинения, станичники дорогие, что так долго меня не было, что приехал навестить вас спустя четыре десятилетия. Сейчас пишу книги, а на ваших полях работал в бригаде Ефима Семеновича Павлова...

— Мир его душе, — отзывается кто-то из зала.

— Когда я первый раз подошел к деревянному вагончику бригады, один из трактористов, загорелый, черноволосый, пригласил отведать борща. «Еще не имею права, не заработал», — ответил я ему. «Садись, наработаешься. Нет ложки? Что за человек? И хлеба нет, наверное?» Отломил половину испеченного на сковороде пшеничного карая и протянул мне. Именно тогда я понял, что хотя и далеко нахожусь от Варшавы, но все-таки среди своих...

В зале тишина. Слышен только мелодичный перезвон овечьих колокольчиков за окном.

— Тот тракторист через две недели уходил на фронт. Он меня просил переселиться к нему в дом, где оставалась его жена с полугодовалой дочкой. «Место есть, за печкой. Хотя немного поможешь бабе — стены растрескались, замажешь их глиной, на зиму дровишек заготовишь». Звали его Петр Маслов.

Из первого ряда поднялся мужчина. Правый рукав его был пуст.

— Я Петька Маслов.

Не выношу мужских сантиментов, слез тем более, но когда через сорок лет встречаешь того, кого можешь называть братом...

Обнимаю меня одной рукой, Петр говорит:

— Живу. И баба моя живет. И дочка, которой ты вырезал ножиком игрушки из дерева.

Смотрю на женщину в белом платке, на другую в цветастом платье. Конечно, я бы их не узнал. Петр приглашает к себе домой... Выходим на улицу. Седая женщина протягивает ко мне руки, пытается придержать за рукава.

— Глаза мои угасли. Но я тебя по голосу узнала. Помнишь кухарку из вашей бригады? Тебе я специально оставляла тарелку борща без острой приправы. Нашим это привычно, а ты все никак не мог приспособиться...

Другая женщина крепко пожмает мне руку.

— Мария Земцова я. Помню, как ты рассказывал о Польше. А у нас после войны одни бабы остались и всего шесть тракторов... Сейчас совсем другая жизнь. И главное, вода в степь пришла. В Новотроицкой большое озеро... Наверное, ты на фронте орденов получил много, так ведь и мне орден Трудового Красного Знамени дали.

Возле ограды хор поет что-то веселое. Одна из частушек адресована непосредственно гостю. Особо старается девушка с белым платочком в руке, вот она пускается в пляс и приглашает в круг. С элегантною медведя подпрыгиваю, имитирую нечто среднее между казачком и пляской разбойника, чем вызываю бурные овации.

К Маслову иду с камешком в ботинке и в настоящей кубанке, вылинявшей от времени, неизвестно как оказавшейся на моей голове. Большой новый дом. Дрова на зиму уже не нужны, отопление газовое. От гостей в комнате сделалось тесно, и цветной телевизор пришлось передвинуть к холодильнику. Быстро накрывают на стол, но еды столько, что ее хватило бы на неделю.

— Эх, знал бы я раньше, что ты приедешь, зарезал бы овечку в честь такого гостя, — сокрушается Петр.

И вот пора уже собираться.

— До встречи. Не откладывая ее на сорок лет. Приезжай к следующим осени, побудешь с нами хоть неделю, — говорит человек, поделившийся хлебом с тем, у кого не было ни хлеба, ни родины.

ПОЛУНДРА!

Вдоль восточного побережья Азовского моря тянутся широкой полосой непролазные плавни. Сейчас на месте их раскинулись рисовые поля. Система каналов позволяет в нужное время подавать воду или отводить ее. Тогда на поля выходят комбайны и собирают урожай.

Все это началось после войны. Специально для этих мест выведе-

ны высокоурожайные сорта риса. Меня это радует, но где-то в глубине сердца теплится надежда — увидеть заросли камыша, с которыми связаны особые воспоминания.

В феврале 1943 года я был водчиком противотанкового ружья в 4-м батальоне 62-й бригады морской пехоты. Воевали мы в приазовских плавнях. По пояс, а то и по грудь в воде. Ожидали рассвет в покрытом ледяной коркой заливе, чтобы бесшумно высадиться на берег, ударить по флангам фашистов и с первым их выстрелом пойти в атаку с флотским криком «Полундра!». За пять недель не обсохнуть, не поесть по-настоящему — кухи не осталось на другом берегу. Там, в плавнях, мы узнали, что такое голод, усталость, страх. Вместе с нами сражались моряки Тихоокеанского флота. Мужество, сила, выдержка моих боевых товарищей беспримерны.

Целых восемнадцать дней наша бригада выбивала гитлеровцев из станицы Черноерковской. Их оборона растянулась на добрых два десятка километров вдоль болот Приазовья. Они постоянно ее укрепляли, устанавливали орудия и танки, у нас же было только то оружие, что мы несли на себе. Никогда не забуду ночные атаки в глубоких вязких болотах...

А теперь только рисовые поля вокруг. Однако нет. Оказывается, со стороны моря оставлена десятикилометровая полоса болот как заповедник для птиц и другой живности. Черноерковская стала границей этого заповедника.

Приехали мы с «немецкой» стороны. На месте старых развалюх — домов из глины и камыша стоят новые, каменные. Зеленая кипень садов. Дорога та же самая, по косе, которая то расширяется, то сужается. Несколько раз прошу остановить машину, выхожу то вправо, то влево. Вроде бы места, похожие на те, где шли бои. Проехали ровно двадцать три километра, если верить счетчику «Волги», и шоссе закончилось.

Там дальше, возле моста, я могу точно указать место, где погиб наш командир, боцман Степан Волков. Он спас мне жизнь — закрыл от пули собственной грудью, когда поднимал нас в атаку. Не хотелось покидать первые за много дней сухие окопы, но надо было наступать под шквальным вражеским огнем. Степан первым выскочил на бруствер, и пуля попала ему в висок. Мстя за убитого товарища, мы бросились с криками «Полундра!» вперед...

Срезал перочинным ножиком несколько веточек, положил их в траву, на которой давно не осталось следов крови. Потом в школе попросил детей, чтобы помнили об этом месте. Они обещали. Память... Братство по оружию... Об этом очень хорошо говорила девушка из выпускного класса той школы. Говорила не по бумажке, искренне, от души.

— Приезжайте к нам еще. Ведь на этой земле пролилась и ваша кровь...

И тут я снова услышал крик «Полундра!», увидел пробитую пулей шинель и капли крови, падающие в траву. Девушка-школьница не видела этого, но говорила она правду.

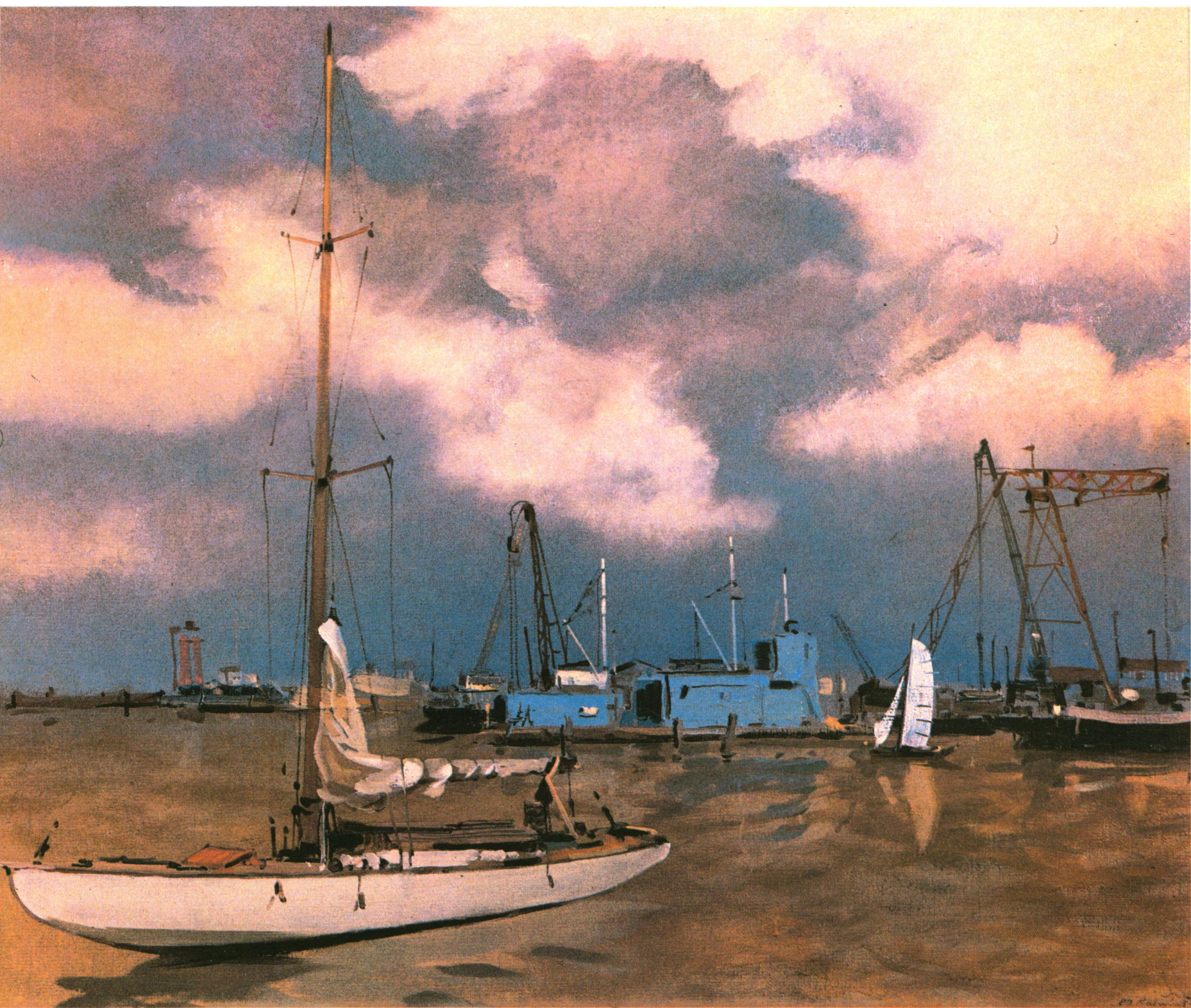
Как хотелось бы мне, чтобы память о советских солдатах, погибших между Бугом и Одером, жила не только у ветеранов второй мировой, умирающих ныне по одной дивизии ежегодно. Хочу, чтобы память эта осталась у всех молодых поляков.

Перевод с польского
В. КОВАЛЕВА.

Москва — Ставрополь — Краснодар — Варшава.

Э. Каллыньш. Род. 1904. ЛАТЫШСКИЕ РЫБАКИ В АТЛАНТИКЕ.

Э. Калныньш. В ПОРТУ.

СПЕКТР ЖЕМЧУЖИНЫ

Людмила МАКАРОВА

На огромном старинном столе, заваленном альбомами, рисунками, каталогами, стоит модель парусника, закрывающая треть окна. По стенам развешены корабельные фонари, старые штурвалы, барометры. Это мастерская народного художника СССР Эдуарда Калныньша. Она напоминает кают-компанию неведомого корабля.

— Почему в нашей прибрежной Латвии художники почти не занимались морем? — размышляет Эдуард Фридрихович. — Его можно изучать вечно и все равно до конца не понять. Я стараюсь постичь его многие годы, а оно помогает мне понять себя.

Художник сидит, повернувшись к окну, всматриваясь в перламутрово-серое небо, и глаза у него тоже перламутрово-серые. Рядом на мольберте почти законченное полотно. Стройные хрупкие яхты скользят по сумрачному темно-серому морю. Можно было бы сказать: типичный для Калныньша колорит.

— «Балтийская регата», — кивает Эдуард Фридрихович в сторону работы. — Кто-то назвал меня, еще очень давно, «поэтом серой краски». Ничего не имею против такого определения. Жемчужина тоже серая, а содержит весь спектр.

Его палитру составила сама природа Прибалтики. Насыщенный влажный воздух, в котором предметы кажутся чуть расплывчатыми, чуть нереальными. Капризное солнце. Бесконечные облака и ленивые дожди, блеклые закаты и туманные рассветы. Неласковое, но все же прекрасное море. А морей художник видел в своей жизни немало. После окончания Академии художеств в Риге Эдуард Фридрихович побывал и в Голландии, и в Бельгии, и в Германии. Получив Римскую премию за картину «Плотовщики», он едет на год в Италию, где ходит на этюды к Венецианской лагуне, любит сапфировыми водами Адриатики.

— Под конец пребывания в Италии, — улыбается Калныньш, — мне так надоели эти яркие локальные краски, что я уже буквально грезил о дождях и туманах, а по ночам мне снились тяжелые, разбухшие от влаги облака. Я еле вытерпел до конца положенный год в Италии. Даже сейчас, полвека спустя, отчетливо помню тот, первый после разлуки латышский пейзаж: по земле стелется молочный туман, в нем едва различимы контуры типичного латышского строения — сарая или конюшни. Низко опустив голову в траву, пасется белая лошадь, а чуть поодаль неподвижно застыли аисты. Все тихо, недвижимо, слегка размыто... Пожалуй, ничего более пронзительного я после так и не видел. Всю жизнь готовлюсь написать это и все не решаюсь.

Странно услышать слова «не решаюсь» из уст признанного художника, классика латышской живописи, академика. Его работы находятся во многих музеях мира. Альбомы издаются на разных языках, среди учеников — виднейшие художники республики. И вдруг — «не решаюсь». Кажется, какая живописная задача может быть ему не под силу? Но требовательность к себе всегда была характерна для Калныньша, и того же он всегда хотел от своих учеников.

Вот, например, картина «Латышские рыбаки в Атлантике». Наверное, мало найдется в мире людей, знающих, как Калныньш, тяжелую, полную опасностей жизнь рыбаков. Много лет он жил возле них в рыбацком поселке, вставал в четыре утра, чтобы не пропустить выход в море, не раз и сам ходил на рыболовецких судах... Бурные, зловещие волны наваливаются на суденышко, грозят накрыть, уничтожить, смять, в сизом, клубящемся небе мечутся чайки, все полотно как будто пронизано гулом и ревом взбесившейся стихии. Каждый миг полон опасности, но люди на корабле все равно продолжают делать свое дело — они должны вытянуть эту сеть, спасти улов — и вот уже серебряная лавина рыбы струится на суденышко. Калныньша считают певцом бури, страстей, борьбы. Даже монография о нем, готовящаяся к выходу в печать, так и называется — «Круто к ветру».

Но есть и другой Калныньш. Эдуард Фридрихович плавал по морю не только в качестве пассажира. Вместе с другом, тоже художником, они купили как-то потрепанную яхту. Долго чинили, доставали свинец, приглашали мастеров. Через несколько месяцев яхта была готова. Художники получили капитанские права и стали выходить в море, сначала недалеко, потом все дальше. Не раз попадали в шторм.

— По глупости, конечно, — смеется Калныньш. — Никто не хотел выглядеть трусом, никто не хотел сказать первым: «Не пойдем сегодня — опасно». Вот и рисковали отчаянно. Зато мы видели то, что удастся в жизни не каждому: страшную, но невысимо красивую бурю, когда поверхность моря вдруг поднимается на высоту многоэтажного дома, а затем опускается в бездну... Или когда волна накрывает судно и через миллиарды брызг вдруг просвечивает солнце...

Картина «В порту» была написана в Пярну. Калныньш не раз само-

стоятельно ходил на яхте в этот город, подолгу стоял в его живописном порту. Однажды художник вышел на палубу подышать воздухом и увидел, что порт дремлет. Дремлют неподвижные корабли, прильнувшие к пристани. Спит море, обнимающее город, спит небо, баюкающее, обволакивающее и порт, и суда, и весь этот маленький кусочек Вселенной. Даже отошедший от причала корабль все равно казался застывшим, недвижимым. Покой, обьявший душу, и захотел воплотить мастер в этой небольшой и неэффектной на первый взгляд картине.

Большие художники часто создают нечто вроде своей школы. Посмотришь на работы учеников, и сразу ясно, у кого они учились. Эдуард Фридрихович все тридцать пять лет своего преподавания в Рижской Академии художеств придерживался другого метода.

— Я всегда старался преподавать так, чтобы студенты мне верили. От себя же я требовал главного — понимать их и не навязывать своего мнения, своих принципов, своей манеры. Единственное, о чем я их настойчиво просил, — это не гнаться за аплодисментами. Не понимаю тех, кто гонится за славой. Когда я вижу иные стремительные взлеты, когда кто-то из начинающих мчится на гребне быстрорастущей славы в счастливом нетерпении, мне хочется спросить: «Зачем? Зачем это тебе? Хочешь быть первым? Успеешь, если заслужишь. Отойди, пережди. Взгляни на себя со стороны. Нехорошо будет, если время, представляющее все по местам, уберет тебя жесткой рукой со слишком легко завоеванных позиций». Есть среди учеников такие, что достигли большого мастерства, «потолка», как они это называют. И решают, что лучше им уже не сделать, и начинают размножать, «клонировать» однотипные произведения. Что ж, я не против. Но мне больше нравятся те из них, которые стараются пробить «потолок» и посмотреть: что же там, дальше, еще выше? К таким я отношу Миервалдиса Полиса. Он проучился у меня год в мастерской, предназначенной для художников, окончивших академию и желающих совершенствоваться дальше.

Работы Миервалдиса почти всегда невелики по формату, но тонкий и отчетливый рисунок позволяет различить мельчайшие детали и нюансы. Картина «Портрет актрисы...» не исключение. Мы видим прекрасную юную женщину в нежно-розовом платье, празднично выделяющемся на однотонном сером фоне. Актриса уже, как говорят, «в образе», осталось лишь мгновение до поднятия занавеса. Момент ответственный. Собранный и серьезный, она смотрит мимо зрителя в одно лишь ей видимое нечто. И страх, и воля, и решимость сошлись в этом прелестном женском облике. Художник исследует здесь психологическое состояние актера.

На первой выставке, в 1974 году, Полис с женой, художницей Лигой Пурмале, демонстрировали свое творчество в здании Рижского фотоклуба... «Испорченные фотографии» — так шутливо называют они теперь работы того периода — пользовались успехом. Но вскоре Лига обращается к пейзажу, а Полис начинает заниматься сложными и противоречивыми поисками. Он то моделирует фантастические пейзажи, наполненные невиданными предметами, то пишет талантливые копии с полотен мастеров Возрождения, то обращается к простым, реальным предметам и создает натюрморты с древними книгами, семейными альбомами. Одновременно в его работах отчетливо проявляется тяга к латышскому фольклору, в картинах часто зашифрованы народные сказания и легенды.

...Под цветущим кустом, на фоне некоего идеального пейзажа спит девушка. Руки ее обнимают колени, нежные припухлые губы сжаты, лоб слегка напряжен, как будто во сне ей беспокойно, будто видит что-то, нарушающее безмятежность ее грез. Девушка в национальном курляндском костюме, подле ног лежит бисерный веночек — непременно принадлежащий девичьей одежде: в латышском фольклоре венкам уделялось особое место. Падающий веночек — это замужество, расставание с безмятежной юностью. Картина так и называется — «Грезы».

Полис берет подчас за странные на первый взгляд заказы. То оформляет каталог грибов, то детскую «Азбуку». Но в каждой такой работе находит нечто занимающее его внимание, некий новый виток поиска. Недавно он сделал для Музея истории медицины серию картин: «Алхимик», «Мандрагора», «В средневековой аптеке» и еще несколько, с не менее увлекательными названиями. Чтобы лучше понять дух средневековья, он читает философские труды того периода, изучает историю и культуру, копирует старинные гравюры. Даже быт Полиса соответствует его нынешнему настроению. Но чем бы ни увлекался Миервалдис, какая бы эпоха ни вдохновляла его кисть, у него всегда есть основа для любого эксперимента: высокая техника, безупречное владение цветом — Мастерство!

8 июля исполняется 40 лет со дня опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР об установлении высшей степени отличия — звания «Матери-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и «Медали материнства»

Виктор ЖУК,
фото автора

— А сколько ж деток у вас! — встретили меня вопросом.

— Одна, дочка... — говорю и замечаю, что ответом разочаровал.

Ждали в полесской деревне Ольманы совсем другого «товарища корреспондента», у которого если и не двенадцать детей, как у Софьи Шубич, то уж пять-шесть, не меньше. Иначе как же поймет он, чем Мать жива, как про нее расскажет!..

Есть такое определение: жизнь — это долг, который берем мы у родителей, но возвращаем детям.

Конечно, не могла об этом и думать девочка Соня в свои четырнадцать лет, когда окружили ее родную деревню немцы, и всех односельчан в здание школы согнали. Напротив дверей и окон пулеметы поставили.

— Мама, жить, я жить хочу, — пряталась она за спиной у Прасковьи Трофимовны.

— Ты будешь жить, — отвечала та. — Как начнут стрелять, так сразу падай. Мы на тебя. Глядишь, и живой останешься...

— Не, мама, я хочу жить с тобой!..

Они остались жить: ни партизан, ни оружия фашисты в партизанской деревне не нашли. Погрузили награбленное и уехали. А другого их наезда ждать в деревне не стали — ушли в лес.

Они остались жить. Но с того дня, как Соня постояла под пулеметом, поглядела в лицо смерти, все чаще думала: а что ж это такое — жить по-настоящему? Чтоб и тебе и всем людям оттого, что ты есть, хорошо было? Что же для этого делать-то надо?

— Перво-наперво учись хорошо работать, дочушка, — наставляла ее мать. — А если еще и терпеливая будешь, вежливая, так всем придется по нраву.

И она ткала вместе с матерью на кроснах, вышивала «крестиком», вязала, племянников нянчила... А сама все свое думала: что ж такое жить? Неужели только это? Все казалось, что жизнь настоящая пока где-то там, впереди, вот-вот придет-накатится... Спокойные сны ее кончились, когда зачастил в Ольманы с ближнего хутора молодой, красивый Павел. Гулял он с хлопцами и девочками по деревне да все на Софью поглядывал.

Для начала пригласил он Софью к себе на хутор... помочь сеять просо. И сам весь день рядом работал. Вечером сказал: «И красивая ты, Софья, и работающая. Выходи за меня...»

И стали они вместе жить-поживать. Как наживали добро, Софья Николаевна не помнит. Зато о том, как дети рождались, — до мельчайших подробностей. Даже дни недели. Про одну из дочек

сказала: «Родилась во вторник. Я в тот день картошку еще полола».

Время-то послевоенное было — нелегкое, полуголодное. Да только рядом с Павлом она этого как бы и не замечала. Чувствовала: та самая жизнь, которую так долго ждала, началась. Любила мужа и очень хотела родить ему сына. Но первенцем оказалась Мария. Второй родилась Нина...

— Ничего, — рассуждал Павел Степанович. — Всем будет место, всем хлеб. Дойдет очередь и до хлопцев.

И третьим родился Михаил. В колхоз на работу шла — колыбель на плече несла. Бригадир ее в пример ставил: «Поглядите, бабы, на Софью. Хотя и дети у нее малые, а как работает!»

Знала она много песен. На свадьбах ее запевать просили. И в поле женщины часто: спой, Сонечка... Присаживалась она передохнуть, склонялась над колыбелью:

Ой, журавка, журавка,
Чего кричишь, чоранька?..

Издавна говорили на Полесье, что если детей в семье меньше чем трое-четверо, значит, муж и жена друг друга по-настоящему не любят. А сколько будет у нее? Спросила у цыганки. Та нагадала: пятеро.

Когда ж родились еще Николай и Анна и стало детей действительно пятеро, молодых не поняла даже ее родная мать.

— Ой, Павлик-Павлик, что ж ты делаешь? Зачем столько? Соне ж тяжело. И картошки накопать, и накормить всех, и обмыть-обшить... А я думала, ты хороший зять.

Теща подобрела, когда родилась Паша — Прасковья. Сначала вроде как не понимала, что называли так дочку в ее честь, спрашивала, зачем имя такое старое откопали. А потом растаяла:

— Моя ж ты внучка, какая ж ты у меня добрая да красивая удалася...

И до сих пор любит «свою Пашечку» больше других.

Находились и такие, которые судачили:

— Во детей наплодили...

Да только большинство односельчан были на стороне Шубичей.

Когда в доме случалось трудно, Павел Степанович говорил:

— Не горюй, Соня. И рыбки наловлю и грибков соберу...

Лишнего не имели, но и не нуждались. И катилась дальше семейная телега, перед которой шли они — муж и жена — в одной упряжке.

Тем временем друг за другом рождались, подрастали Александр, Елена, Валентина, Василий, Наталья и, наконец, Татьяна. И ни у кого в Ольманах уже не поворачивался язык сказать про Шубичей дурное слово. О другом задумывались ольманцы: как так получается, что Пашка да Сонька ни на день работу в колхозе не бросают, а все дети их одеты чисто, и учатся хорошо, и после школы продолжают учебу, иные в институты поступают? Гляди-ка, какие они разумные да работающие...

И неспроста так говорят. Не тому удивляются, что детей у Шубичей двенадцать. Есть в Ольманах семьи, где детей родилось не меньше. Да только родить — это ведь еще не воспитать...

...Иду я по Ольманам с Софьей

Николаевной к ее дому — у каждой хаты с ней здороваются, все про детей спрашивают.

— Сердце от радости чуть не выскакивает, — говорит она, — когда от людей мне такое уважение. Аж запеть хочется...

А хата ее на улице Полесской под номером один добротная, просторная.

— Всем колхозом навалились, когда строили, — вспоминает Софья Николаевна.

Не забывает о Шубичах колхоз и теперь, завезли вот шифер для новой крыши, кирпич, чтоб печку переложить, бревна на сарай...

Лицо дома — лицо его хозяйки. Цветы заглядывают в окна, как улыбки лета. В какую из просторных комнат ни зайдешь, на каждой стене «иконostas»: рамки, где под стеклом собраны любительские карточки ее детей, внуков. А над рамками — рушники, руками хозяйки да дочерей ее расшитые, все с цветами, с пожеланием: «Доброй раницы!»

Так что на какую лавку ни сядет Софья Николаевна, все под такой вот рамкой оказывается, все вроде вместе с детьми.

Дом ее я таким и представлял по дороге в Ольманы. Другого не мог угадать: каким событием станет для деревни сбор сразу всех Шубичей. Дело это, кстати говоря, непростое, потому что живут их дети не только в разных районах Белоруссии, но и далеко от нее. Нина, например, на Сахалине, Александр — в Запорожской области. Но вот курьез: самая нелегкая дорога к дому не тысячи, а какие-то два десятка километров — от Столина до Ольманов. Пески тут такие, что пригородные автобусы часами буксуют, а мост через речушку с ласковым и грозным именем Льва отваживаются преодолеть разве что вездеходы.

Вот и снова в эти дни колхозный «уазик» между деревней и райцентром, свозил гостей... Хозяину «челнока» — председателю местного колхоза Владимиру Николаевичу Конопаткому машина и самому была нужна позарез. Но он рассуждал так:

— Как семью хороших работников не уважить? На них всегда опираюсь...

Ждали гостей не только в родительском доме. Так, к Михаилу Шубичу, корреспонденту Брестского радио, один за другим потянулись ольманцы: кто за советом, а кто и с жалобой...

Говорят: человеку в жизни должно повезти в трех случаях — от кого родиться, у кого учиться, на ком жениться. В остальном можно обойтись и без фортуны.

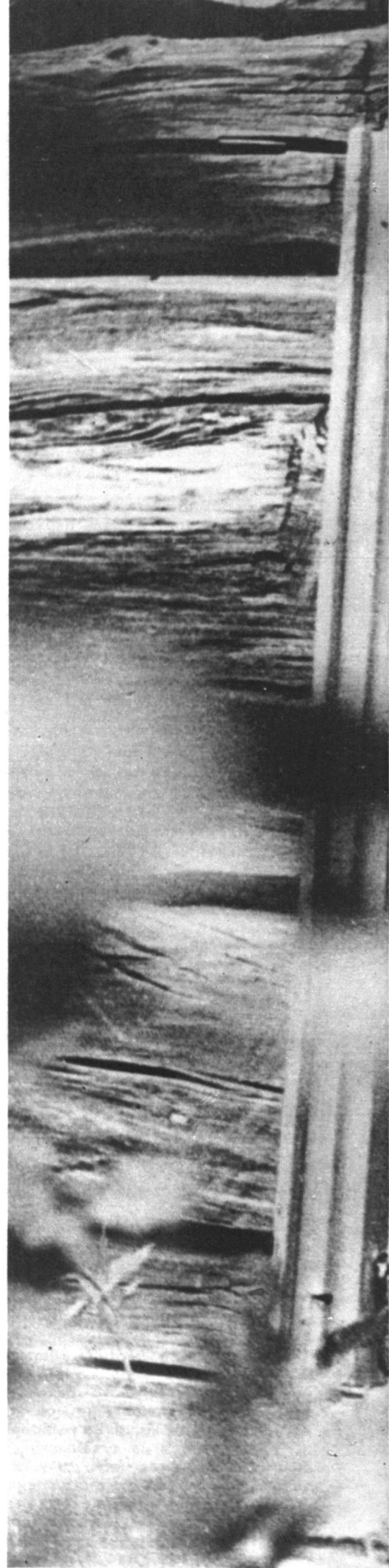
— Повезло ли вам? — спросил я братьев и сестер Шубичей.

Им повезло — в этом все единодушны.

Чем обязаны матери? В своих ответах они не искали мудреных определений, что есть в наставлениях по семейной педагогике. Просто вспоминали случаи из детства...

Жили Шубичи скромно, не дарили детям драгоценностей и фирменной одежды. Правда, сегодня у старших братьев и сестер эти вещи есть. Купили они их сами, на свои заработанные деньги. А дарили им родители то, что имели, — трудолюбие. Значит, свою любовь к детям с трудом соединяли.

— Не ленитесь, — повторяла им Софья Николаевна слова своей

Лицо дома — лицо его хозяйки.

МАМА

ИНЫ РУШНИКИ ▶

Раскинулись рушники, как пути-дороги каждого из Шубичей.

матери.—Тогда и люди уважать будут.

А ничего она детям вроде и не приказывала. Говорила только: если дров не наколоть, то печку нечем будет топить и поест не сварим. После слов таких сыны спорили за право первым взять топор. Или еще:

— Дети, если травы не собрать, то свинки останутся голодными.

Всем становилось жалко свинок.

По очереди дежурили в хате. В огороде каждый имел свою грядку. И, конечно, каждый хотел, чтоб в его дежурство чистота в доме была идеальная, чтобы урожай на его грядке был самый большой.

Детям тут не говорили, что труд — это трудно. Им давали это познать. О том, что одни колхозные коровы доятся лучше, другие хуже, дети Софьи Шубич знали, когда еще выводили в школьных прописях первые буквы.

Мать почти ничего не делала за них, все вместе с ними. Без всякого педагогического образования она своим умом знала, что именно в детстве засеивается душа человека. А потом ростки пойдут: то ли цветы, то ли сорняки... Главное — научить детей работать и жить честно, остальное прило-

жится. И учила их строить жизнь, как дом, фундамент под которым должен быть заложен собственными руками. Вот и оказались ее дети готовыми к тяготам жизни куда лучше многих сверстников. (Об одном ольманце, горьком пьянице, услышал я в эти дни: «Пропавший человек. А учился ж вместе с хлопцами Шубичей».)

Игрушек в доме было мало, и забавы становились как бы продолжением домашних хлопот. Заводитель многих игр была сама мать. Готовила целые домашние представления с песнями, танцами, розыгрышами. Младшая, Таня, свои стихи читала. Как артист оригинального жанра отличался Миша — такие замысловатые фокусы показывал, что никто в Ольманах раскусить их не мог.

Долгими осенними и зимними вечерами учила Софья Николаевна дочек вышивать.

— А то как же вы замуж пойдете? Рушников надо столько, чтоб всю хату завесить.

Ложился на полотно стежок за стежком, «крестик» за «крестиком», а мать им при этом все случаи из жизни рассказывала. И заканчивала словами:

— Ты к людям с добрым сердцем, и они к тебе с добрым.

Трудно сказать, рушники тому

помогли или что другое, да только все дочки Шубичей (кроме школьниц Наташи и Тани, конечно) вышли замуж, и зятьями родители довольны.

В бога Софья Николаевна не верует. И слово «грех» звучало в доме лишь тогда, когда кто-то ронял на пол хлеб. Сама она резала его над миской, чтоб и крохи не пропало. Была бережливой, но жадной — никогда.

Заехали однажды в село солдаты, попросили у детей напиток. Прибежали те домой: «Мама, дай солдатам молочка». Подала кувшин Софья Николаевна. Так торопились его отнести, что по дороге разбили. Испугались страшно. Вернулись: «Что делать, мама?» «Если пообещали, надо отнести». И достала другой кувшин. Было то молоко в доме последним...

Дом был началом и продолжением школы. Тут прошла всю науку взаимовыручки. Когда разъезжались дети в институты, техникумы, училища, родители помогали им деньгами и продуктами: только учитесь! Утешали: это лишь на первых порах трудно. Чем могли, помогали друг другу и дети. Так, когда четверо сестер Шубичей учились в Бресте, Михаил всех их приютил в своей

однокомнатной квартире, где и сам живет с женой и маленьким сыном.

...Так или иначе, а каждый из двенадцати сказал, что всем лучшим в себе он обязан матери. Не думаю, что это обидно для отца. Просто сегодня наш рассказ о матери. А Павел Степанович — хороший воспитатель уже потому, что жил согласно старой мудрости: самое большое, что может сделать отец для своих детей, — любить их мать.

После такого семейного университета их дети за родным порогом иной жизни, как в семье, и не представляли. Наблюдал я за молодыми семьями, когда съезжались они в Ольманы. И отмечал те же «родовые» приметы: любовь да согласие.

Глубокие духовные связи с родителями приводят их в родной дом. Пусть не всех сразу, но раз в году всех.

И вьется в такие дни по Ольманам за Софьей Николаевной новый «табунок» — внуки. Сегодня их у нее уже десять. Мне доверительно сообщили, что скоро будет двенадцать...

В детстве у детей Шубичей была такая игра: заберется кто-нибудь на высокий забор и мать зовет. Та подойдет, а он посмотрит

сверху вниз и спросит: «Мама, а кто больше — ты или я?»

Вот и я думаю: а кто больше? Когда мы судим о людях, что годятся нам в родители, с «высоты» своего положения, то чаще замечаем то, чего им не хватает с нашей сегодняшней точки зрения. И редко, очень редко думаем, чего не хватает нам по сравнению с ними. С тем, что дети почти всегда идут дальше родителей, еще ведь поспорить можно. Хоть мы и наследники, хоть и приобретаем что-то новое, да многое и теряем тоже...

Масштаб человека, его личности определяет цель, к которой тот стремится. А сколько сегодня людей, главная цель которых — семья, дети? Будь их много, вряд ли поехал бы я в гости к Шубичам. Чему бы тут было удивляться? А удивляемся, ведь семей таких не густо. Может, потому еще, что и цель-то эта сама по себе стала вдруг выглядеть не очень высокой. Какой-то слишком немудреной, непрестижной, «нетворческой». Не только в большом городе. Вот и у многих замужних доярок, что работают с Софьей Николаевной, детей по одному, по два, а у некоторых и совсем нет.

Да только на какой шкале искать точку отсчета, согласно которой человек, что растворяется в детях, оказывается в чем-то ниже, скажем, художника, который пишет романы или картины?

«Мое самое великое произведение» — так надписал однажды А. М. Горький фотографию, на которой он рядом с сыном. И это тогда, когда мир уже знал его как гениального писателя.

Выходит, на авторитетный взгляд ничем оно не ниже — «творчество в собственном доме». Мать — тот же художник, только замыслы свои воплощает не на холсте, не в мраморе... Редки же семьи, как у Софьи Николаевны Шубич, видимо, еще и потому, что для такого образа жизни нужен особый дар. А он, как и всякий талант, распределяется природою скуп, неравномерно...

...Рожала она, растила детей для своей же радости. Давно уже минули в полесской деревне те времена, когда дети нужны были в доме как работники, что обходились дешевле батраков, или как наследники семейной собственности. Просто другой, более высокой цели Софья Николаевна не видела.

А если думать о карьере ее женской, то добилась она, быть может, самого большого из всех возможных успехов. Не о звании высоком тут речь. Хоть и уважила она корреспондента, разыскала в сундучке, надела для снимка ордена «Материнская слава» трех степеней и орден «Мать-героиня», но видно было: не ордена ей главные награды, а дети...

Есть у меня ровесники, которые предпочитают жить «для себя», иметь в семье «жигуленка» вместо ребенка.

Это их личное дело, конечно. Да только после знакомства с Софьей Николаевной знаю, что права она. Человек, близкий к могучей полесской природе, лучше многих она понимает, что есть ценности истинные, а что — мнимые. Ближе она к философии общего дела: тогда люди себя спасут, когда одной большой семьей жить научатся в своем общем до-

ме. И дети нужны нам именно для того, чтоб род людской оказался сильнее любого рода оружия.

...Как-то старшая дочь перед ней повинулась:

— Вы уж простите, мама, что я вам мало помогаю. Больше должна была бы...

— Доня, у тебя ж свои детки, — ответила она. — Ты их расти так, чтоб настоящие люди вышли. Вот и весь долг.

Собрались Шубичи на встречу, конечно, не ради общей фотографии. Да как ее не сделать, коль собрались. Вышли мы в сад, посаженный родителями. Останови-

лись под яблоней с звонким названием «малиновка», усыпанной сочными плодами. Софья Николаевна сходилась в хату и рушники, своими руками вытканые и расшитые, вынесла, на траве перед семьей разложила. Рушники она постелила так, что только два — от нее и от мужа — легли рядом. Остальные — от детей — в разные стороны разбежались. Тоже символическая получилась картинка: раскинулись рушники, как путидороги, что кольцом у семейного древа замыкаются.

Когда все затихли, глядя в объектив, стало слышно, как глухо падают в траву яблоки. Далеко от

родного корня они не катились, так как их быстро подхватывали и грызли проворные внуки. Некоторые ж яблоки, самые зрелые, раскалывались от удара, как орехи. И коричневатые семечки брызгали летели на землю.

«Вся моя родня в расев идет...» Вспоминаю эти слова Софьи Николаевны Шубич и думаю, что так должно быть всегда:

чтоб все семена прорастали, чтоб крепили молодые побеги, и чтоб землю бомбили только эти звонкие яблоки...

Деревня Ольманы.
Столинский район,
Брестская область.

Хорошо, что нас много!

Искусственный интеллект

Термин «искусственный интеллект», уже давно ставший привычным на слух, тем не менее продолжает вызывать споры. Приверженцы этого направления науки отдают ему ключи практически от всех лабораторий не только будущего, но уже настоящего, твердо связывают его с научно-техническим прогрессом. Противники же отводят искусственному интеллекту место лишь на страницах научно-фантастических романов.

Кто же прав? Об этом наша беседа с членом-корреспондентом Академии наук СССР, заведующим лабораторией теории и проектирования больших систем Вычислительного центра АН СССР Г. С. ПОСПЕЛОВЫМ.

— Сразу скажу, что вокруг термина «искусственный интеллект» до сих пор возникает много вздорных представлений и нездоровых сенсаций, которые ничего, кроме вреда, не приносят,— так начал беседу ученый.— К сожалению, термин этот многими понимается буквально, как синоним искусственного разума. На самом деле искусственный разум создать будет невозможно даже в отдаленном будущем.

Вы спросите, почему? Через две-три пятилетки мы будем иметь вычислительные машины с десятью миллиардами транзисторов. В мозгу человека примерно столько же: десять—пятнадцать миллиардов клеток... Но, достигнув количественного уровня сравнительно с мозгом человека и даже превзойдя его, ЭВМ никогда не сможет сравниться с ним в отношении качественном. Транзистор—очень простой элемент, полупроводник, который может иметь всего два состояния: включен, отключен. А клетка—сама по себе сложнейшая система. Есть небезосновательная гипотеза, сравнивающая ее с небольшой вычислительной машиной. Но ведь клетка—живая материя, а транзистор—мертвая... Человеческий мозг сложен на элементарном уровне. Машина же на элементарном уровне проста, в этом все дело.

— Гермоген Сергеевич, но ведь возможно создание сложнейших электронно-вычислительных систем, которые будут заметно отличаться от сегодняшних? Не составят ли они конкуренцию нашему мозгу?

— Я с этим категорически не согласен. Кто говорит, что возможно создание машин, подобных человеческому мозгу, впадает в механицизм. Успехи физики и микроэлектроники многим вскружили головы, и им показалось, что в области биологии, разума, интеллекта можно добиться того же. Но это не так. Президент Международной ассоциации психологов

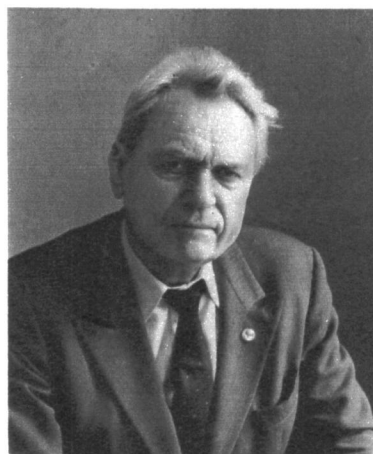
Ф. Кликс дал определение человеческого интеллекта, лучше которого мне не встречалось: «Мышление—это процесс. А интеллект—качество этого процесса». С такой точки зрения сам термин «искусственный интеллект» звучит совершенно нелепо—искусственное качество!

И дело здесь не в конкуренции компьютеров с мозгом, а в использовании человеком компьютеров в своих интересах, для интенсификации собственной творческой деятельности. Те же, кто считает возможным создание искусственного разума, понимают термин «искусственный интеллект» в буквальном смысле. Большой вред приносит бытующая сейчас антропоморфная фразеология, очеловечивающая машину. То и дело приходится слышать, читать: машина «посоветовала», «поставила диагноз», «выдала оптимальный план» и тому подобное. Споры среди специалистов о том, могут ли машины думать, давно кончились. И вопрос решен отрицательно.

Понимая термин «искусственный интеллект» буквально, незнакомые с существом проблемы люди, естественно, относятся к ней скептически. А это иногда выливается в медленное разрывание работ в этой важной области, которую президент АН СССР А. П. Александров в своем приветствии международному симпозиуму по искусственному интеллекту, проходившему в Ленинграде, назвал передовым фронтом математического и программного обеспечения ЭВМ. Однако менять термин «искусственный интеллект» уже поздно. Каждые два года созываются международные конференции по искусственному интеллекту, в них принимают участие тысячи ученых. Под названием «искусственный интеллект» издаются журналы, выходят монографии, читаются университетские курсы.

— Итак, искусственного разума нет...

— Самое время нам снять ка-

Г. С. Пospelов,
член-корреспондент АН СССР.

вычки (но только на бумаге) с термина «искусственный интеллект». Надеюсь, ни у кого уже не вызывает сомнения, что это лишь метафорическое название важнейшего научного направления, объединяющего инженеров, математиков, специалистов по ЭВМ и электронике, лингвистов, логиков, психологов, философов. Их цель—создание специальных программно-аппаратных средств компьютеров. Компьютеры, оснащенные такими средствами, обладают свойством имитировать творческую деятельность человека. Точнее, они способны давать те же результаты, которые рождаются в процессе творческой деятельности человека. Но не следует творчество человека и «творчество» машины уравнивать. Мы, люди, работаем с интересом, радостью, увлеченностью, если все идет хорошо, и огорчаемся при неуда-

чах. Такими качествами ЭВМ не обладает. ЭВМ выполняет свою функцию чисто механически. Способность компьютера выдавать творческие результаты—это не что иное, как овеществленные в машине знания и интеллект человека, и не более.

Кроме того, оснащенная программно-аппаратными средствами искусственного интеллекта ЭВМ является высокоэффективным электронным средством передачи знаний людям, потомкам, как книги. Специалисты по искусственному интеллекту называют это представлением знаний.

— В каких направлениях развивается здесь работа?

— В трех взаимосвязанных направлениях. Первое—имитация творческих процессов. Второе охватывает теорию систем общения неподготовленного программиста с ЭВМ, как говорят,—теорию комплексного диалогового интерфейса. И третье направление связано с разработкой теории целенаправленного поведения роботов.

— Хотя ЭВМ лишь имитирует творческий процесс человека, хотелось бы узнать, на что еще машина способна.

— Имитация творческих процессов в области игр (шахмат, шашек), музыки, доказательства теорем и так далее практиковалась чуть ли не с начала использования ЭВМ для решения вычислительных задач. Сегодня уже никого не удивляет способность машины синтезировать музыкальные произведения. Освоили ЭВМ и составление шаблонных текстов. В частности, машины умеют сочинять волшебные сказки. Сюда же относится моделирование мышления.

Существует расхожее представление, что машина составляет для руководителя наилучшие варианты решений. Здесь опять крупное недоразумение. Генерация вариантов, решений—прямая обязанность руководителя, если он лидер или претендует на такую роль. Другое дело, что уже в процессе отбора вариантов и анализа последствий того или иного решения он будет использовать ЭВМ.

— Пожалуйста, дайте разъяснение других направлений работ по искусственному интеллекту.

— Решение проблемы целенаправленного поведения роботов сейчас встречается с трудностями принципиального характера. Иное дело интеллектуальные человеко-

машинные системы — теория их довольно далеко продвинута, и системы эти имеют очень большое практическое значение для проектирования, планирования, программирования, автоматизации научного поиска.

До недавнего времени да и сейчас взаимодействие конечного пользователя осуществлялось через посредников: аналитиков-математиков, программистов и операторов. После решения задачи на ЭВМ ее результаты по той же цепочке с соответствующей интерпретацией возвращаются пользователю. Все это очень долго и громоздко.

— Как же решает проблему посредников искусственный интеллект?

— Проблема решается за счет использования комплексного диалогового интерфейса. Внешне очень просто. Конечный пользователь, не выходя за пределы языка своей предметной области, языка медика, химика, биолога, инженера, плановика, управленца, напрямую общается с ЭВМ и через дисплей решает свои задачи в диалоговом режиме с машиной. Однако за этой внешней простотой скрывается колоссальная работа математиков, программистов, специалистов по математической структурной лингвистике, логике и прочее и прочее. Сервис для конечного пользователя стоит больших трудов. Но зато открываются возможности массового использования вычислительной техники, что является крайней необходимостью в эпоху научно-технической революции.

— Каковы устройство или структура такого интеллектуального интерфейса?

— Если говорить коротко, то можно назвать четыре взаимосвязанных основных компонента. Во-первых, смысловая модель предметной области, без которой ЭВМ не «поймет» запроса. Во-вторых, лингвистический процессор, осуществляющий морфологический, синтаксический и семантический анализ и синтез вопросов, ответов. В-третьих, программа — планировщик решения задач. И, наконец, мощные средства логического вывода. Все эти сложнейшие компоненты создают специалисты, о которых я говорил.

— Ну и какими же свойствами будут обладать ЭВМ, оснащенные таким интеллектуальным интерфейсом?

— Поясню на примерах. Возьмем хорошо известные информационно-справочные системы, к которым уже теперь станет можно обратиться за справкой на нашем родном, привычном, а не машинном языке. На клавиатуре дисплея печатается, например, такой запрос: «Какие вычислительные машины имеются в московских институтах АН СССР?» После прохождения запроса через лингвистический процессор и поиска в базе данных ответ будет высвечен на экране дисплея в виде таблицы, и, если нужно, машина напечатает таблицу на бумаге.

Второй класс систем — это расчетно-логические системы. Они решают вычислительные задачи по их постановкам, описаниям и исходным данным на языке конечного пользователя. Такие системы хороши для планирования, проектирования, научных исследований. Специалист, знающий великолепно свою предметную область, все

ее особенности и тонкости, напрямую в диалоговом режиме работает с ЭВМ.

Особая ценность расчетно-логических систем, кстати, разработанных у нас, в СССР, заключается в том, что все достижения прикладной математики в области планирования, проектирования, научных исследований становятся доступными для широкого использования.

Теперь об экспертных системах, применяемых в медицине, биологии, химии, геологии. Скажем, в медицине веками накапливались знания по диагностике заболеваний и по их лечению. От квалификации и памяти врача зависит очень многое. Один помнит больше и благодаря этому лучше определяет болезнь пациента, другой — меньше. Представьте, что все подобные сведения помещены в пространство памяти вычислительной машины. Введя в ЭВМ еще и программу логического вывода, мы получим экспертную систему для врача. При этом врачу, поставившему диагноз и назначившему план лечения, должно быть объяснено, почему он вместе с машиной поставил именно такой диагноз и почему назначил именно такой план лечения. Это исключает как недоверие к машине, так и чрезмерное упование на ее всемогущество. Врачу как бы помогает консилиум коллег самого высокого класса, помогают знания, заключенные в монографиях, учебниках, инструкциях, а теперь зафиксированные и упорядоченные в памяти ЭВМ.

— Я слышал, что ваше выступление на Президиуме АН СССР было озаглавлено «Искусственный интеллект — основа новой информационной технологии». Поясните, пожалуйста, в чем здесь дело?

— Новая информационная технология будет, на мой взгляд, характеризоваться, кроме прямого доступа пользователя к ЭВМ и возможностью машины понять его, безбумажной информатикой. Так, кстати, озаглавлена последняя книга покойного академика В. М. Глушкова. Сейчас во всем мире в деловой сфере тратится поистине чудовищное количество бумаги. Если так пойдет дальше, мы скоро израсходуем на бумагу все леса планеты. А ведь без чертежей при составлении даже очень сложных проектов в дальнейшем можно будет обойтись. Машина выдает координатные точки узлов необходимого проекта, которые могут быть введены в станки с программным управлением или в системы гибкого автоматизированного производства.

— И когда это произойдет? В далеком будущем?

— Это в принципе возможно уже сейчас... К сожалению, имеется много «но».

— Видимо, сильна привычка?

— Дело не только в привычке, хотя и консервативность, конечно, здесь себя, несомненно, проявит. Но многие наши специалисты рассуждают так: а как же без подписей руководящих работников, без согласований? Конечно, такой переход — дело непростое. Ну так пусть над тем, как его осуществить, подумают правые! Ведь переход на новую информационную технологию — это по своему значению такая же революция, если не большая, какой явилось изобретение книгопечатания.

Беседу вел А. КОБЕЦ.

К 60-ЛЕТИЮ ПРИСВОЕНИЯ КОМСОМОЛУ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

...Составляя планы на ближайшую пятилетку и вплоть до начала следующего века, мы в значительной мере рассчитываем именно на мастерство рук, на дерзание мысли, на трудовую совесть нынешней молодежи. Ведь основную работу по выполнению этих планов предстоит вести именно тем, кто сегодня находится в комсомольском возрасте.

К. У. ЧЕРНЕНКО

ЗАВОД, КОМСОМОЛ И «МОСКВИЧ»

Б. С М И Р Н О В, фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Молодежь... Слово само по себе и многозначное и емкое, но как трудно найти в нем тот верный оттенок, который характерен для коллективного портрета наших сегодняшних молодых современников! Например, о московском заводе АЗЛК обычно говорят, что это в основном молодежное предприятие, что из двадцати пяти тысяч его работников почти половина — в возрасте до тридцати лет. Но... Цифры — это только цифры. Вот они, создатели «Москвича», спешат мимо меня к метро от проходной завода и сплошной живой лентой заполняют собой всю площадь: словно движется дальше лента конвейера, который только что там, на заводе, остановился в короткой пересменке. Но там машины, пусть даже разнообразно пестрые, пусть даже не совсем одинаковые по своим техническим «душам», но все же машины, а здесь сотни лиц, походок, привычек, характеров, судеб. Веселые и задумчивые, молчаливые и шумно-голосистые... Можно ли, просто взяв хорошее, в сущности, слово «молодежь», сказать тем самым сразу все об этих людях? Я бы не рисковал.

Может быть, потому, что в потоке идущих рабочих я уже невольно высматриваю глазами своих новых знакомых. Не этот ли парень в разрисованной майке стоял в узловой точке конвейера — там, где сияющие краской коробки кузовов «сблизжаются» с непривычно

вой части машины? Нет, тот, кажется, выглядел взрослее, и был в рабочем халате, и держался как-то солиднее, озабоченнее, как того требовала работа, а, впрочем, кто знает... Эту женщину, вероятно, я видел в информационно-вычислительном центре — а может, в цехе шасси, у автомата?.. За несколько дней завод для меня перестал быть безликим предприятием, и я даже понял, кажется, главное: здесь, на «Москвиче», нельзя только лишь работать — пусть даже неплохо работать, не отдавая делу чего-то большего, выходящего за рамки обычных требований. «Мы создаем коллектив единомышленников», — не раз произносили при мне в различных кабинетах автомобильного производственного объединения «Москвич», но и эта весомая фраза не дает, по-моему, полного представления о коллективе азэлковцев. И здесь нельзя не вспомнить о пятидесяти-шестидесятилетней истории завода, о том, что одной из главных сил АЗЛК был и остается комсомол.

...1929 год. На окраине Москвы, на болоте за Симоновским монастырем, развернулась стройка автосборочного завода. Из Подмосновья, из ближних деревень и городов, съезжались сюда молодые рабочие, привлеченные необычными в те времена словами «автомобиль», «монтаж», «конвейер». Но не только к технической грамотности — к новым методам труда, к новому образу жизни приучались парни и девушки, даже не слышавшие до сих пор о таких стройках. Эту сложнейшую задачу вместе с партийной организацией

взял на себя комсомол. Лучшими воспитателями молодежи стали проценты выполнения норм, горячее горнило социалистического соревнования, призы: даешь срочно! 1930 год — собран первый автомобиль. 1932 год — началась первая реконструкция: завод переходит на сборку автомобилей отечественных марок. 1936 год — новая реконструкция, и это становится как бы традицией завода, он постоянно живет в переменах и нововозрождении. Новый цех, новое оборудование, новая марка машины... И так уж повелось, что в первых рядах зачинателей нового всегда шли комсомольцы, это отразилось даже в тогдашнем названии завода — имени КИМ (Коммунистический интернационал молодежи). Теперь уже не многие помнят, что предшественником «Москвича», известного во всем мире, был в начале сороковых годов малолитражный автомобиль с тем же «молодежным» названием: «КИМ-10».

...Испытательная кольцевая дорога завода со скоростным виражом и смотровыми эстакадами. Здесь обязательно проезжает первые в своей жизни несколько километров каждый из сошедших с конвейера «Москвичей». Мы сидим в кабине одного из них. За рулем — бригадир испытателей — комсомолец Сергей Колин. Статный, красивый парень, легкий и изящный в каждом движении. Руль держит необычно, в прямых вытянутых руках, но не «как игрушку», выражаясь языком иных новеллистов, а так, словно ведет по дорожке готового споткнуться малыша. Скорость — 60, на счетчике километража выскакивает цифра 00001...

— Каждый из испытателей должен обкатать за смену не меньше шестидесяти машин; если выявляем дефекты, то отмечаем их в контрольной книжке, — ровным голосом поясняет Сергей, беря поворот с «повизгиванием» шин по асфальту. — Потом дефекты устраняются в цехе доводки...

— А если, например, одно из колес «захочет» отвалиться, не доехав до этого цеха?

— Случалось и так. Раньше... Бывает, срывается карданный вал, или полуюет вывалывается, или заклинивает двигатель. Такие дефекты у нас называются критическими, испытатель должен ощутить их появление заранее — по характеру вибрации, по звуку и тому подобное — это уже наши профессиональные тонкости. Мы обязаны не только установить причину, но и точно классифицировать характер неисправности...

— ...И самому остаться невредимым вместе с машиной?

— Это условие обязательное, за это нам деньги платят! — смеется Сергей, с ходу загоня машину на узкую и высокую, в человеческий рост, эстакаду. — Одну минуту, я должен осмотреть машину снизу.

Пока Сергей осматривает и ощупывает «брюхо» автомобиля, делая какие-то пометки в контрольной книжке, я размышляю о том, что в его руках, по сути, все огромное заводское производство: он последнее и решающее звено всех цехов, станков, поточных линий и конвейеров, он выносит приговор работе десятков тысяч людей, а от его собственной работы зависит то, как отзовутся о заводе сотни тысяч потребителей, что вообще скажут в мире о «Москвичах»...

— Поехали! — пригласил Сергей. — Вот видите, в этом автомобиле нет никаких дефектов. Теперь, после цеха доводки, он пой-

дет в цех отгрузки, там будет погружен на железнодорожную платформу — и до свидания...

— Как, на ваш взгляд, «Москвич» — надежная машина?

— За последний год качество «Москвичей» значительно улучшилось. Это я утверждаю и как испытатель с восьмилетним стажем, и как перворазрядник по автоспорту, и как председатель штаба «Комсомольского прожектора», и, наконец, как член общезаводского комсомольского штаба качества. Надежнее стала машина. Вот мы, например, испытатели, не только за рулем сидим: если замечаешь, что какой-то дефект в машинах проявился, то сам прежде всего обейши весь конвейер, на всех постах все проверишь, пока не разберешься, где этот дефект зарождается! Сознательное, неформальное отношение к делу — вот, громко говоря, наш девиз, который завтра должен стать нормой для всех на заводе...

Слова звучали от души, с горячностью, которой невозможно было не верить и которая убеждала лучше всяких лозунгов и обязательств. Что в нем говорило: заводской патриотизм? Но сейчас не то время, чтобы рабочий человек из одного желания «поддержать марку» стал кривить душой. Заводов много, для специалиста шансов навалом, не нравится в одном месте — всегда есть варианты... А для Сергея его место — единственное. Конечно, быть испытателем и почетно и романтично, но не всякий знает, сколько труда и терпения требует эта профессия. А на заводе ко всем сурпризам испытательского труда прибавляется жесткий ритм главного конвейера, который ощущим здесь повсюду — от директорского кресла до вахтерского поста у ворот. Но Сергей ничего не говорил о всех этих сложностях — наверное, потому, что в любимой работе их просто не замечаешь... Он пришел сюда после школы, вернулся сюда после армии, здесь останется после института, который он вскоре окончит, а почему — пожалуй, ясно и без дополнительных объяснений.

— Лазер? Нет, это совсем неопасно, — подчеркнуто равнодушно заверил мастер и для наглядности протянул руку к узкому лучу: на ладони его заиграл небольшой, с двухкопеечную монету, рубиновый световой «зайчик». Видно было, что такое панибратство со знаменитым прибором мастеру очень льстит. Потом с видом опытного демонстратора он прикоснулся к тумблеру, в приборе что-то сухо, как выстрел, щелкнуло, и на толстой металлической пластине появилась заметная выщерблина.

— Что же вы здесь изобретаете? Лазер, кажется, давным-давно известен...

— ...Но раскрыты еще далеко не все его возможности применения в технике. Мы, в частности, разрабатываем один из аспектов лазерного упрочнения деталей, вернее, приспособляем этот процесс к нуждам нашего завода...

Мастер-механик энергетической службы центральной заводской лаборатории Александр Новый. Ему двадцать четыре года. Комсомолец. Почти четверть его жизни тесно связана с АЗЛК; а если не быть формальным — вся его жизнь, потому что сознание чело-

века по-настоящему рождается только в его деле, в его призвании... Высшее образование Александр получил здесь же, в заводском ВТУЗе (есть такое высшее учебное заведение при заводах ЗИЛ, ГПЗ-1 и АЗЛК), и гордится тем, что начал заниматься конкретными производственными делами прямо с первого курса. «У нас каждый с самого начала выбирает свою колею», — улыбается он. Наверное, это и есть идеальное решение связи института с производством, а пример Александра может послужить хорошим тому подтверждением. Молодой специалист чуть ли не с институтской скамьи получает серьезную тему из самых насущных планов завода...

— Как сделать, чтобы детали автомобиля меньше изнашивались? Один из путей, как уже говорилось, упрочнение металла лазерным лучом. Деталь служит значительно дольше! Лазер есть, метод известен, но нет заводской технологии, точнее говоря, нужен своеобразный автоматизированный комплекс на основе лазерной установки. Этим вопросом заняться бы заводским конструкторам, но у них высокая загруженность, взяться за эту тему смогут лишь через полтора года. И тогда решили поручить работу нашей молодежной группе... Через месяц должны представить чертежи установки, через полтора — приступить к опробованию.

— Справитесь? Александр выразительно посмотрел на меня. Позже, через несколько минут, я услышу от других ребят из его мастерской, что Александр — член заводского совета молодых специалистов, знает каждого молодого изобретателя и его работу — будь то оснастка для автоматической линии или туристский примус из разряда заводского ширпотреба. Поэтому для Александра не справиться с собственной работой просто невозможно, просто немыслимо уронить авторитет своей группы в глазах всего завода! И я тогда понял, почему так сухоато-сдержанно ответил молодой мастер на мой вопрос:

— Все идет по плану. Мы же не новички...

Подшло время, и наступила пора менять конструкцию «Москвича», делать его более надежным, более комфортабельным, экономичным, безопасным — короче, более современным. В жизни любого автомобильного завода рано или поздно наступает этап, когда очередная модель, «устоявшаяся» на конвейере, требует замены. Лучше рано, чем поздно. Но сказать легко, а вот не бить с таким трудом налаженный ритм производства... О том, что автозавод шагнул вперед и выпустил новую модель, обычно сразу узнает весь мир, но лишь на заводе знают, чего стоил ему этот шаг. Вот и сейчас: АЗЛК — в который уже раз! — должен родиться заново.

«Форд-А», собранный из иностранных деталей, потом собранные из деталей Горьковского автозавода «ГАЗ-А» и «ГАЗ-АА», потом уже собственный «КИМ-10», потом «Москвич-400», «четырееста первый», «четырееста второй» — более полутора десятков моделей малолитражек вышло с завода. И с каждой новой моделью завод развивался, модернизировался — иначе говоря, взрослел. Сейчас он

занимает две огромные площадки, разделенные Окружной железной дорогой. Скоро площадки почти сойдутся: в километровом котловане новостройки АЗЛК уже строят фундаменты. Так выглядит сегодня тот будущий корпус, где завтра родится новый «Москвич».

Каким же он будет, «Москвич» образца 1986 года? С этим вопросом мы обратились к заместителю генерального директора объединения «Москвич» Валерию Николаевичу Соколову.

— Новая машина уже есть, закончена ее разработка и основные испытания. Можно сказать, очередной «Москвич» уже получил путевку в жизнь. Сейчас в полном объеме идет подготовка к его производству: строительство прессового цеха, корпуса механосборочных цехов, перестройка многих других подразделений. У этой очередной реконструкции — особый характер. Нужно так организовать заново производство, чтобы сделать его гибким, приспособляемым к новым технологическим требованиям. Сложность и в том, чтобы перестройка не стала, как это бывает, обузой для существующего производства, не отразилась на количестве выпускаемых сегодня «Москвичей» и главным образом на их качестве.

Приступая к реконструкции, мы и сами — ее, так сказать, вдохновители — должны приучиться смотреть на завод иными глазами. Нельзя приступать к перестройке без намерения использовать в ней все самые современные разработки, все возможности научно-технического прогресса. Получится, что к моменту завершения реконструкции завод уже не достигнет нового — завтрашнего — уровня и снова встанет перед необходимостью перестройки. Значит, сроки реконструкции надо максимально уплотнить, иначе новый автомобиль устареет, еще не сойдя с заводского конвейера.

— Можно ли рассказать, каким станет «Москвич»?

— К сожалению, пока нельзя — по вполне понятным причинам. Но, поверьте, мы делаем все, чтобы выпустить в серию очень хороший современный автомобиль. — Реконструкция должна совершиться в очень сжатые сроки. Реальны ли они?

— Да, сейчас основные наши автомобильные заводы — Волжский, Горьковский, Запорожский — осваивают новые модели машин. Так получилось, что мы по ряду причин стартовали позже всех, но тем более не имеем морального права срывать намеченные сроки. Задача трудная, но решать ее необходимо. И здесь многое зависит от того, готов ли наш коллектив к этим переменам? Слово экзамен: как сохранились традиции, насколько высок уровень сознания сегодняшней молодежи, как работает все, что мы хотели в ней воспитать? Реконструкция — это не только техническая, но и нравственная категория, и она в первую очередь экзаменует молодежь...

Удачно ли завершится этот экзамен? Наверняка!

Ритм конвейера * Бригадир водителей-испытателей Сергей Колин.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Ветеран завода сварщик Петр Павлович Ефремов беседует с комсомольцами и молодыми коммунистами — рабочими цеха сварки кузовов.

СУХАРЕВА БАШНЯ

Старые москвичи еще помнят, вероятно, знаменитую Сухареву башню. Стояла она там, где теперь проспект Мира и Сretenка пересекаются с Садовым кольцом.

Удивительное это было сооружение. В «Московских губернских ведомостях» за 1855 год рассказывается: «Сухарева башня славится с древнейших времен, когда, как говорили, в Москве было четыре «чуда»: Иван Великий, Сухарева башня, Москворецкий мост и Царь-колокол.

Высота башни 35 саженей и 1 аршин (только 8 саженями ниже Ивана Великого). И есть Сухарева башня поилище половины Москвы. В ней находится главный резервуар мытищинской воды — легкой, чистой, светлой».

Велел построить башню Петр Первый. Он же назвал ее Сухаревой, увековечив за верную службу полковника стрелцкого полка Лаврентия Сухарева. История сохранила имена тех, кто предупредил Петра о грозящей ему смертельной опасности во время стрелцкого бунта, стал героически на смерть в защиту царя-преобразователя — солдата-пушкаря, плотника, корабеля.

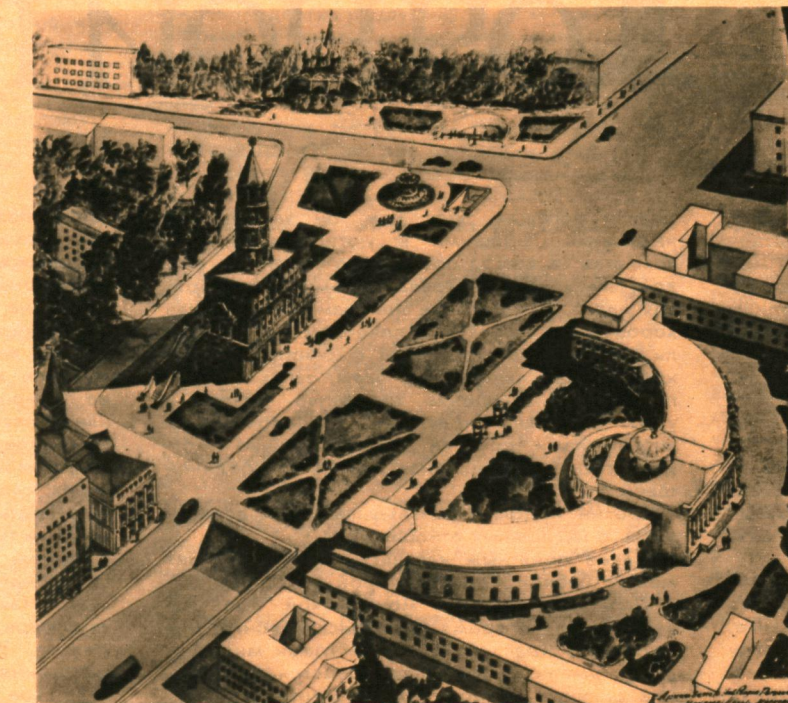
Сухарева башня — первое огромное сооружение гражданского назначения в России. Она строилась, подгоняемая нетерпеливым желанием Петра I разместить там ряд научных школ, и в первую очередь «навигационную» школу для создания морского флота. «Если страна имеет войско, она имеет одну руку, если имеет флот, то она имеет две руки», — говорил Петр.

Сухарева башня сыграла огромную роль в укреплении военной и экономической мощи России. Первые 517 человек разных специальностей из закончивших школу были направлены Петром на Неву, на Балтийское море с Кронштадтом, который во время Северной войны отражал нападения шведского флота. Именем Алексея Ильича Чирикова, выходца из этой навигационной школы, названы остров в заливе Аляска и мыс на острове Атту в Тихом океане. Его экспедицией были открыты берега Америки.

Разместились там также математическая, географическая, геодезическая школы. С Сухаревой башней связана история отечественной науки, военного дела. Именно в этом помещении создавалась географическая карта России, была астрономическая обсерватория. Позже башня стала «поилищем Москвы».

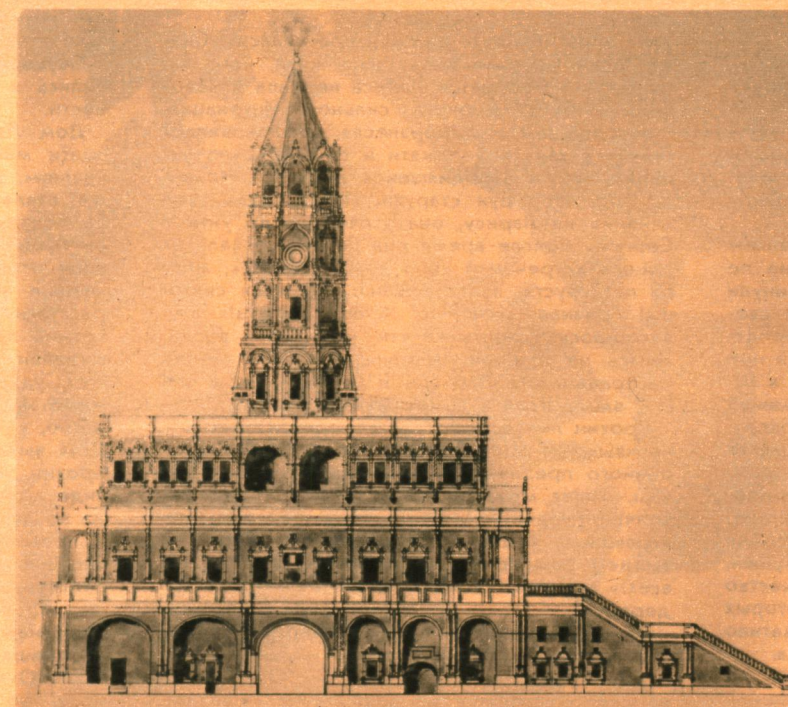
Но, пожалуй, главным достоинством Сухаревой башни является ее красота.

Зодчий, строитель башни — талантливый русский архитектор и живописец Чоглоков Михаил Иванович. О нем сохранилось мало сведений. Известно, что после окончания строительства Сухаревой башни он был переведен Петром на строительство Арсенала в Кремле. Он делал стенные

Проект воссоздания башни на Колхозной площади.

Фрагмент проекта.

росписи в царских палатах, состоял в штате Оружейной палаты. Ему же выдавались деньги на строительство математической школы.

В 1701 году ему поручается написать в хоромы царевича Алексея Петровича в Преображенском

«живописным письмом на полотне».

В январе 1704 года он посылается на двор адмирала Лефорта «для письма новозавоеванного города Шлиссенбурга». Расписывает знамена. А жил он в Москве, на Большой Покровской улице.

Дальний предок Чоглокова Михаил Пружанин, выходец из города Пружаны на западе Белоруссии, жил в поселке под Новгородом, там же и умер. Потомок его в 13-м колене Иван Иванович получил прозвище «Чеглок» или «Чоглок» и явился родоначальником фамилии Чоглоковых. Интересно, что само это слово — «чеглок» — означает птицу семейства соколиных.

Красота Сухаревой башни заключается в прекрасном архитектурном решении, строгости наряду с изумительной барочной детализацией: витых колоннах, наличниках окон, капителях, — она поражала нас даже спустя два века после ее создания. А ведь мы видели башню уже почерневшей от городской копоти и дождей, но я представляю, как она была хороша, когда сразу после окончания строительства ее увидели москвичи! И нам кажется, что именно такой она должна возродиться вновь.

Да, есть проект воссоздания Сухаревой башни. В свое время мой учитель академик архитектуры И. А. Фомин, мастерская которого располагалась недалеко от Сухаревой башни — в доме поэта Брюсова, на 1-й Мещанской улице, — проявил максимум знания, умения и энергии для ее сохранения.

Был сделан проект реконструкции Колхозной площади с сохранением Сухаревой башни. В этом проекте принимали участие известные архитекторы: И. Е. Рожин, А. П. Великанов, Л. М. Поляков и М. А. Минкус. Сейчас все эти документы находятся в фототеке музея имени А. В. Щусева в Донском монастыре.

Однако о передвижке Сухаревой башни в то время не могло быть и речи: никакого опыта по передвижке даже простых зданий не было.

На прежнем месте воссоздать Сухареву башню сейчас невозможно из-за огромных нерентабельных затрат. Но вопрос о Сухаревой башне уже перерос в другой: приведение в архитектурный и градостроительный порядок оголенной Колхозной площади при помощи одновременного воссоздания там и Сухаревой башни.

В восстановленном здании смогут разместиться военно-исторические и другие музеи, архитектурно-реставрационные мастерские. Знаменитая Сухарева башня будет опять служить людям.

По одному из вариантов реконструкции Колхозной площади два дивных архитектурных памятника — Сухарева башня и больница имени Склифосовского с расположенной между ними озелененной площадью — будут создавать объемно-контрастное решение архитектуры. Вот и будет творение Чоглокова стоять напротив творения Кваренги. Многие ученые и архитекторы считают, что лучшего места для возведения Сухаревой башни, пожалуй, нет. Проект не требует никаких сносов зданий и не затрагивает сложных вопросов транспорта.

Архитектор-художник
П. РАГУЛИН

Картина А. К. Саврасова «СУХАРЕВА БАШНЯ». 1879 г.

Вячеслав СЛАВИН

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Ночной поезд

Но она ушла, и то, что ее не было по этому адресу, мало что меняло. Он снова заметался по квартире, натываясь на предметы и моля их о помощи. Но они отворачивались от него, подтверждая тем самым, что вступили в сговор между собой: не посвящать никого в дела своей госпожи.

Однако и в этой вечере был свой Иуда. Им оказался старый кухонный нож, пользовавшийся в семье особым уважением за свой независимый вид и отточенность. Правда, на сей раз он выглядел менее уверенным: мельтешил, подергивался и, чтобы скрыть свою нервозность, то и дело слепил глаза холодными отблесками своего жалообразного лезвия.

Когда Крохин вошел в гостиную, нож залезил на столе еще больше и, подрагивая от напряжения, подобно компасной стрелке, ткнул своим острием в подоконник, где лежала раскрытая Ларисина записная книжка, заложенная пилкой для ногтей на странице с буквой «Б». «Бабушка», — прочел он и удивился, зная, что у Ларисины старухи, проживавшей в бывшем доходном купеческом доме, телефона не было.

«Ложь, ложь! Кругом сплошная ложь!» — простонал он, поднес книжку ближе к глазам, но тут же пожалел. Под словом «бабушка» в скобках стояла крохотными буквами сделанная приписка: «Сережина».

«Вот и конец истории! Все стало отвратительно ясно! Нужно было сразу додуматься до этого, а не морочить себе голову и не будить никого по ночам. Конечно, она ушла к Сергею, тому самому, с которым прошли ее детские годы», за что Крохин всегда ревновал ее, несмотря на то, что годы эти были наполнены трагедийными событиями.

В одну из морозных военных ночей совсем крохотные мальчик и девочка, закутанные по уши в последнее домашнее тряпье, покинули Ленинград на разбитой машине, оставив своих родителей в осажденном врагами городе. Дети выполнили последний наказ, данный при прощании плачущими матерями, и, сидя в открытом кузове грузовика, петлявшего между рвущимися снарядами по Ладожскому озеру, крепко держали друг друга за руки, вместе подавляя нечеловеческий ужас.

К счастью, страданиям тоже есть свои пределы. Им наконец повезло. Минувя интернат, они получили прекрасное воспитание, пройдя через мудрейший институт русских бабушек, давший нашей земле несметное количество достойнейших людей, благородства которых при экономном расходовании вполне хватило бы на всю остальную часть человечества.

В то время еще не старые женщины, но уже давние подруги, «бабушки» поспешили поделиться с внуками тем теплом, которое в молодости не успели отдать своим детям. Большую часть времени женщины проводили вдвоем и, наблюдая за детьми, втайне надеялись, что и они будут вместе.

Женившись на Ларисе, Крохин разрушил почти что сбывшуюся мечту. С крушением надежд Сергей запил, а старухи молча погрузились в свою отшельническую жизнь. После содеянного Крохин не мог рассчитывать на благосклонность и поэтому старался не встречаться с родственниками. Однако в те немногие вечера, когда ему все же дово-

дилось посещать этот дом, он заставлял их неизменно сидящими в уютной маленькой комнатке за всегда празднично убраным столом, на котором стояла огромная серебряная ладья, разделенная пополам, наполненная хорошими конфетами и печеньем. Тут же были два чайника старинного фарфора с кипятком и круто заваренным чаем, запах которого вызывал ощущение торжества чистоты и уюта. С чашек, украшенных вызолоченными медальонами, друг на друга кокетливо смотрели гусар и миловидная девица с лебединой шеей.

Крохин подолгу разглядывал их, догадываясь о несложных отношениях.

Менее понятным казались ему отношения между бабушкой Сергея, старой большевичкой, и Ларисиной, бывшей монашенкой. Было известно, что во время гражданской войны они служили в Красной Армии сестрами милосердия и имели много благодарностей за спасение раненых бойцов. Тем не менее однажды Крохин спросил их со свойственной его поколению бесцеремонностью: «Не понимаю, что общего у вас, таких, казалось бы, разных?» Старухи не удивились. «Вера», — ответила одна из них, и, переглянувшись, обе захихикали так тихо, как это бывает, когда люди уверены, что предмет веселья понятен только им одним.

На обратном пути он поинтересовался: «Скажи, если бы твоя мать была жива, кого бы ты любила больше?» Лариса не дала договорить: «Обеих, и очень сильно». Интонация, с которой она это произнесла, восстановилась сейчас в звуковой памяти и окончательно укрепила его в зародившейся догадке. «Конечно, это дело рук старухи. Используя свое влияние на Ларису, она уговорила ее уйти к Сергею. Долгое время она потворствовала их тайным встречам у себя дома и теперь, много лет спустя, взяла реванш. Мерзкая сводница! Грязная сводница! Старая карга!» Ему захотелось ударить ее так, чтобы она разлетелась на древние осколки, а с нею вместе расправиться с Ларисой и Сергеем. «Да, да! И с вами, Лариса Дмитриевна, тоже!»

Крохин почувствовал, что, перейдя с женой на «вы», он достиг наивысшей ступени изощренного презрения в обращении с неверной. «Вы, милая моя, оказывается, много лет позволяли дурачить меня, а теперь, вдоволь наигравшись, надеетесь тихонько улизнуть! Не выйдете! Вам придется платить! Я накажу вас всех!» С этими словами он направился к гардеробу.

Как только он приоткрыл дверцу, оттуда, словно стая сидевших взаперти мышей, высыпалась гора Ларисиных вещей. Очутившись на свободе, платье на узкоплечих вешалках, с крючкообразными лицами закурились в уродливом танце, размахивая пустыми рукавами. Они смеялись ему в лицо, не скрывая радости, что скоро ими будет любоваться совсем другой, более достойный, чем он. Пелена ядовитой мести затянула глаза, и он принялся изо всех сил кромсать раздражающее тряпье. Хруст разрываемого волокна, треск ломающихся вешалок распался еще больше, и он без устали сокрушал ненавистные образы, растапывая безжалостными каблукками оказавшиеся на полу интимные детали женского туалета.

Наивысшей точки приступ ярости достиг, когда Крохину на глаза попался последний обитатель гардероба — каракулевое пальто,

самое позднее и самое дорогое приобретение семьи, необыкновенно красившее Ларису. Забившись от ужаса в темный угол, оно надеялось спрятаться там от страшного разгула гнева, но увы! Крохин любил это пальто и, как водится, с наиболее дорогим в прошлом крайне жестоко обошелся в настоящем. Он выволок мехового красавца на свет, бросил на полированный стол в гостиной и с размаху нанес несколько ударов ножом по каракулевому предателю. При каждом ударе пальто вздрагивало от боли, взмывало рукавами вверх, словно прося пощады, но нож продолжал рвать лоснящиеся девственные шкурки так и не познавших жизни ягнят.

Крохин чувствовал, как каждым ударом гасит обиду, нанесенную ему, и упивался местью. Наконец, обессилев, он опустился на стул перед образовавшейся горой жалких обрезков. Угар улечивался, и горькая, бесформенная действительность вновь приобретала свои недобрые очертания.

«Надо идти!» Он встал, оделся и уже шагнул к двери, но заметил оставленный на столе нож, который так и просился в руки. «За чем он мне?» — испугался Крохин, но тут же завернул его в салфетку и сунул за пояс. «Для восстановления равновесия», — успокоил он себя. Затем достал бутылку коньяка, сделал несколько глотков, сунул ее в карман и вышел на улицу.

Неуверенность и сомнения быстро растворились в алкоголе, уступив место решительности.

Дом Ларисины бабки находился в пятнадцати минутах езды, но он предпочел идти пешком, уверенный, что только движение может отвлечь от тяжелых мыслей. Быстрая ходьба показалась недостаточно изнуряющей, и он пустился бежать. Бежал он, едва отрывая ноги от земли, задевая носками за обледеневшие неровности тротуара, без шапки, в расстегнутом пальто с дорогим воротником. Редкие прохожие, словно гуси, медленно вытягивали шеи, поворачивали головы, провожая удивленным взглядом пронесившегося мимо них безумца, и тут же вбирали их обратно, как только тот исчезал из поля зрения. Дом выскочил на него, как пес из-за угла. Крохин узнал его по арочной подворотне в виде туннеля, служившей когда-то для проезда во двор скромных упряжек в одну лошадь и превратившейся теперь в царство лютых сквозняков и жирных помойных мух. Он проскользнул вместе с очередной порцией ледящего ветра и очутился в тихом дворике, где снежинки, как на новогодней открытке, не спеша и безмятежно планировали сверху вниз. Они напомнили ему недавний вечер в лесу, но эти воспоминания вызвали только раздражение.

В слабо освещенном углу Крохин разглядывал машину Сергея. Она была по крышу занесена снегом, и только стеклянные глаза, прикрытые наполовину белой опушкой, смущенно смотрели в землю.

«Судя по тому, как занесло машину снегом, этот алкоголик проводит с моей женой не первую ночь». Подогретая хмелем кровь ударила в голову. Достав бутылку, он сделал еще несколько глотков, после чего потрогал за пояс нож, который даже через салфетку холодил руку.

«Почему машина белая? Сергей ездил всегда на яркой, как у пожарника». Крохин пошел поближе, провел по снежному покры-

Окончание. См. «Огонек» №№ 26, 27.

валу рукой, и образовавшийся след, словно кровоточащая рана, немедленно наполнился пурпурно-красным цветом глянцевої поверхности автомобиля. Он оцепенел от кровавого отблеска, как будто ему самому вскрыли вены, сделал несколько шагов вспять и наконец бросился бежать со двора.

«Не выношу крови! Я боюсь, понимаете, боюсь!» До парадного входа в дом оставалось несколько шагов. Он замер, почувствовав, как ноги примерзли к земле, дома закружились, стали менять углы по отношению к горизонту, свет в глазах потускнел, и он сполз по стене на землю.

Когда же сознание вернулось, первое, что он увидел, было подсвеченное городскими лампами небо и две склонившиеся мужские головы на его фоне. Судя по обрывкам фраз, эти двое расходились во мнениях, как отнестись к его судьбе: как к проблеме медицинской или социальной.

— Какой же это инфаркт? Разве культурный человек пойдет с болезнью на улицу, да еще без шапки? Придумал тоже.

— Всякое бывает. Вот у моей сестры муж тоже так без шапки ходил...

— Да при чем тут твоя сестра и ее муж без шапки? Видишь, интеллигентный человек, был в гостях, ну там немного...

— Вижу, — неохотно соглашался другой. — Вот у нашего соседа тоже инфаркт...

— Господи! Прости душу мою грешную! Я ему про одно, а он мне про соседа. Это что, твой сосед? — ткнул первый в сторону лежащего Крохина. — Нет, ты мне скажи, сосед?

— Нет, — после некоторого раздумья признался другой.

— То-то. Глупая твоя голова, как ты не поймешь: если он из гостей или откуда еще, то занесем его в теплое место, скажем, вот в это парадное, и пусть себе отдыхает. А если он приболел, то надо «Скорую помощь» вызывать, а где ее сейчас в такой мороз сыщешь?

Логика сильнее разума, и второй на время умолк.

— А если инфаркт? — не выдержал он все-таки после долгих раздумий.

Первый в отчаянии смачно сплюнул, встал на колени. Потом поднялся, обвел взглядом несуществующую толпу и торжественно заключил:

— Водку пил. Не веришь? Понюхай сам.

Неверящий тут же пал на колени, снял шапку и засопел, улавливая пары, поднимавшиеся изо рта лежавшего.

— Пил, но не водку, — без энтузиазма заключил он.

В этот момент Крохин шевельнулся, и из-под полы его пальто выкатилась бутылка дорогого французского коньяка. Двое долго и с уважением разглядывали этикетку, бросая время от времени неодобрительные взгляды.

Тем не менее это событие коренным образом меняло дело, и Крохин мог считать, что вытаскил счастливый билет. Даже в его помутившейся голове не ослабевала сила давней убежденности, что русский человек никогда не оставит лежать на улице пострадавшего или больного. Русского в отличие от европейца в этом порыве не остановит ни ночь, ни лютый холод. Именно в пургу или проливной дождь он без тени колебаний подставит свой хребет под тяжелую ношу. И пусть

простят его горожане, разбуженные в ненастную ночь, когда он потащит беднягу на своей спине через весь город в больницу и когда стены домов содрогнутся от слов, которые он произнесет в адрес своих родителей преимущественно по женской линии за то, что те произвели его на свет в такое неподходящее время. Другое дело пьяный. К пьяному с самого начала будет проявлен максимум сочувствия и доброжелательности. И понесут его в укромное местечко со всеми предосторожностями и в полной тишине, дабы не нарушить блаженное состояние созерцательного покоя, в которое его погрузили силы, знакомые несущим.

Лестничный пролет старого дома, в котором жила Ларисина бабушка, с закоулками и тупиками был специально выстроен для Крохина на этот случай. От приступа он очнулся, как приговоренный в утро казни — с чувством горького отчаяния перед неумолимой действительностью. Он полулежал в грязном углу под лестницей у пышущей жаром батареи. Пальто было неузнаваемо, пуговицы оборваны, промокшие насквозь туфли заляпаны грязью. Рядом на полу в некотором контрасте с окружающей средой торжественно возвышалась начатая бутылка «Наполеона» неопикуемой красоты. «Что бы подумали мои подчиненные, увидев руководителя в таком виде?» — подумал Крохин и покосился на бутылку. Великий корсиканец надменно посмотрел на беднягу у батареи и, оценив расстояние от себя до него в один шаг, приготовился было сказать ему что-то утешительное по поводу близости великого и смешного, но не успел.

Двумя этажами выше хлопнула дверь, и четыре подметки заспешили по ступенькам вниз.

— Послушай, Головкин, — донеслось сверху, — неужели ты думаешь, я не вижу, как ты смотришь на Краснову?

— Я?

— Да, ты. И после этого еще смеешь клясться мне в верности!

— Я вовсе не смотрю на нее, — неуверенно отвечал ломающийся юношеский голос.

Крохин понял, что подслушивает разговор совсем еще юных существ, и это отвлекло на какое-то время от тяжелых раздумий. Он постарался припомнить, до какого возраста мальчики и девочки обращаются в школе друг к другу по фамилии, а когда переходят на имена, как на более высокую ступень отношений. В детстве он тоже провожал девочку домой, дарил ей цветные карандаши, а позже они обменивались книгами как предлогом для встреч.

«Как же это было давно!» Крохину стало жалко себя.

«Не доведись им заглянуть сюда! Какой позор!» К счастью, юные голоса вскоре смолкли, страх улетучился, и его место заняло ощущение униженности, которое он никогда не испытывал, но отмечал в отношениях между другими. Именно наблюдая со стороны, он постоянно удивлялся несоответствию между тем, как мало приобретали унижающие и как сильно страдали униженные, в том числе и от ненависти, пробуждавшейся в них к людям. Удивлял и отвратительный финал, когда те и другие, сорвавшись с высоты человеческих отношений, стремительно скатывались вниз, туда, где, ничего не подозревая о существовании цивилизации, беззаботно прогуливались первобытные существа.

Теперь, когда унижение захлестнуло его, он почувствовал, что жгучая ненависть изжогой подступила к горлу.

«Кто позволил им так бессовестно растоптать меня? Загнать в этот угол под лестницей, чтобы, входя в дом, вытирать об меня ноги! Об меня, который должен проводить ночь в грязном подъезде, в то время как они развлекаются на чистых простынях в теплой постели!.. Конечно, старуха на радостях выделила им свою большую комнату, куда они вместо стола занесли кровать... Какой ужас!»

Яркие картины из постельной хроники двух хорошо знакомых ему людей окончательно парализовали ум, оставив в его распоряжении лишь инстинкты.

«Сволочи! — Он схватил бутылку и вылил остатки содержимого в рот. — Вы заплатите мне за все унижения! Вы узнаете, что я не такой уж жалкий, и вам станет страшно, когда увидите, на что я способен! Вы будете корчиться от страха, и вам захочется умолять меня! Да, да, умолять!»

Он бежал по лестнице, потеряв счет этажам и пролетам. Ступеньки, ступеньки, площадка, и опять ступеньки. Они мелькали, как шпалы под бегущим поездом. И вдруг стоп! Он не увидел, а почувствовал дверь. В полутьме нащупал и нажал кнопку звонка. Прислушался — никаких признаков жизни. «Не ждали? Вот вам сюрприз — неожиданный гость! Конечно, по этому случаю надо встать, соответственно одеться...» Он позвонил несколько раз длинно и требовательно. За дверь послышались неуверенные шаги. «А, засуетились, как тараканы на свету!» Прошло несколько секунд, и ему показалось, что он слышит чье-то дыхание рядом, за дверью.

«Возможно, они предпочтут отсидеться взаперти?»

«Открывайте! Мне все известно!» — неожиданно громко, на всю площадку прокричал он и не узнал своего голоса. Сразу после недолгого шуршания дверь медленно открылась, и Крохин решительно шагнул прямо на растерявшегося Сергея. Тот неловко ретировался в сторону, но тут же приблизился к стоявшей за его спиной Ларисе и, взяв ее за руку, как бы давая понять: «Мужайся, я с тобой». Свет в прихожей был весьма слаб, однако и в полутьме Крохин разглядел в конце коридора заставшие силуэты.

Итак, оба виновника, превратившиеся в жертвы, были перед ним. Сергей старался смотреть прямо, плохо играя роль невинного. Столкнувшись с жестким взглядом Крохина, он не выдержал и отвел глаза за его спину,

делая вид, что волнуется за оставленную открытой дверь.

«Хотите казаться спокойным? Что ж, похвально, но плохо получается. Внутри вас все-го колотит, и вы никак не можете справиться с чувством страха».

У Сергея действительно не получалось. Он как-то неловко разводил руками, то ли приглашая не вовремя пришедшего, то ли отгоняя его. Лицо Ларисы разглядеть было трудно. Она стояла, опустив голову, будто разглядывая носки своих туфель.

Крохину показалось, что, увидев его, Лариса подалась навстречу, но Сергей удержал ее силой, и она безвольно повисла на его руке. «Все верно. Здесь повелевают уже другие, а я всего лишь статист при чужой игре. Что ж, посмотрим, как вы сейчас запоете!» Крохин нащупал рукоятку ножа. Он никогда не пользовался оружием и теперь слабо представлял, как можно кусок заточенного железа всадить в чье-то тело. «Интересно, неужели я так просто возьму и ударю его ножом? А кстати, куда надо бить? Кажется, в сердце». Он стал прикидывать, где может быть сердце у человека, стоящего напротив. Для того, чтобы не ошибиться, он мысленно развернул и поставил себя на его место. «Ага, теперь ясно!» Затем пристально посмотрел в точку, где ему следовало продырявить пиджак Сергея, и очень растерялся, обнаружив там пуговицу. «Может быть, лучше воткнуть в горло!» На нее отчетливо пульсировала артерия. Крохин представил, как, перерезанная, она выбросит на него струю горячей, липкой крови, почувствовал ее солоноватый вкус во рту и ощутил, как тошнота поднимается к горлу.

«А что потом? Тюрьма... Ну и пусть, лишь бы не унижение!» Немая сцена встречи с изменой затягивалась. «Так больше продолжаться не может!» Рукоятка ножа плавилась и жгла ему руку. «Надо что-то делать!» Спасение пришло само.

Дверь в конце коридора неожиданно открылась, и фигура старухи метнулась из одной комнаты в другую, волоча за собой какое-то тряпье.

«Следы замечаете? Поздно!» Воспаленное любопытство толкнуло Крохина в спину, и он, проскользнув между остолбеневшими прелюбодеями, в одно мгновение очутился перед полуоткрытой гостиной.

«Вот последний мазок маэстро, последний шаг к познанию горькой правды!» — мелькнуло у него, но сделать этот шаг ему не было суждено.

То, что представилось глазам после того, как он толкнул дверь, стянуло все его нервные волокна в тугую узел, лишив способности двигаться.

Стол стоял на своем месте посреди комнаты. На нем — светлый гроб, в котором на фоне белой подушки с трудом различалось бесцветное лицо Ларисыной бабушки. Свеча, зажженная в остекневших руках, скрещенных на впалой груди, покосилась от тепла набок и, изливаясь восковыми слезами, жгла узловатые пальцы усопшей.

Профиль покойницы, заостренный светом больше, чем самой смертью, отражался на белой стене комнаты. Увеличенная в несколько раз мерцающим лучом свечи гигантская проекция подрагивала на стене, как живая.

Зеркало было затянато марлей, как будто кто-то заботился о том, чтобы покойница не увидела в нем своего печального отражения. В углу невысоко висела небольшая иконка, перед которой слабым зеленым светом едва теплилась лампадка. Фитиль в ней почти прогорел, и теперь она больше коптила, чем освещала святой образ. Нанятая для чтения молитв крохотная монашенка молча и с мирским любопытством разглядывала Крохина, решая по поведению вновь вошедшего степень его родства покойнице. Поймав на себе взгляд незнакомца, она спохватилась и заторопилась с чтением, не меняя при этом взятой с самого начала ноты. Копоть от плохого лампадного масла тут же забила легкие, и Крохин ощутил что-то близкое к удушью. Он повернулся и вышел в коридор. Там никого не было. С кухни доносилось тихое всхлипывание и приглушенные голоса. Через открытую дверь Крохин поспешил на лестничную площадку, где наконец вздохнул полной грудью и, огля-

девшись, обнаружил вдруг прислоненную к стене рядом с дверью крышку гроба.

«Господи! Как я мог не заметить ее раньше?..»

Домой собрались, когда уже стало светать. Спускаясь вниз, Крохин немного отстал, пропуская Ларису и Сергея вперед, чтобы заглянуть в укромное местечко под лестницей, где он провел, как ему казалось, самые трагичные часы своей жизни. «Наполеон» стоял все в той же позе с гордо поднятой головой и скрещенными на груди руками. Заметив Крохина, император усмехнулся и бросил новому знакомому весьма уместный для данного случая афоризм, который тот не расслышал, а переспросить не осмелился.

Возвращались в машине Сергея. Весь путь до дому Крохина попеременно одолевала весьма смешанные и крайне противоречивые чувства. С одной стороны, он на удивление быстро приходил в себя от пережитой за последние сутки драмы. Часть ее была немедленно предана забвению, другая сама по себе превращалась в сон, хотя и дурной. Даже шок от неожиданной встречи со смертью ослабевал на глазах, оставляя после себя лишь великодушие и сожаление к покойнице. Отношения с ней позволяли Крохину высказываться о ней самым неожиданным образом, но как человек суеверный, он предпочитал думать об усопшей сдержанно: «Что ж, пожила достаточно, нам бы с ее протянуть».

С другой стороны, все пережитое превращалось теперь в какое-то неприятное прошлое, с которым он не хотел больше иметь ничего общего. У него было ощущение, будто он после трудного восхождения перевалил через хребет и теперь шел под уклон быстро и легко, едва успевая переставлять ноги.

«Если гроза не сожгла ваш дом — радуйтесь грозе». Теперь он был уверен, что в жизни ничто не вызывает такого прилива сил и радости, как сознание миновавшей опасности. Он радовался прошедшей грозе и придуманному им афоризму.

Лариса поднялась наверх одна, оставив мужчин на улице распределять похоронные заботы. Когда Крохин вошел в гостиную, она сидела за столом, закрыв лицо руками. Рядом возвышалась гора обезображенных шкурок, вершину которой, как приговор безрассудству, венчал белый лист бумаги.

Он подошел к столу, взял записку и, смахнув одной рукой груды со стола, протянул ее жене.

— Что же ты не написала, где находишься? Мне пришлось столько времени потратить, чтобы отыскать тебя, чего только я не передунал за это время.

Знакомый голос с легким оттенком небрежности и едва заметными нотками упрека, прозвучавший очень обыденно, без поправок на события, вывел Ларису из оцепенения. Она долго и тупо смотрела на записку, прежде чем сообразила, что от нее хотят.

— Прости, пожалуйста, когда я начала писать, позвонил Сергей и сказал, что ЕЕ уже нет в живых... Я никак не могла сообразить, как написать, к кому же я пошла...

— Успокойся. Предстоят тяжелые дни, хорошо бы тебе как следует отдохнуть. — Он поцеловал ее в голову.

— Да, да. Я посижу здесь еще немного. Потом приму снотворное и попробую уснуть.

Войдя в спальню, Крохин широко зевнул, потянулся, затем, решив, что драматический момент освобождает его от неприятной процедуры — чистить перед сном зубы, разделся и лег в постель. Очутившись на упругом матраце, он вытянулся во всю длину и тут же почувствовал, с каким наслаждением его уставшее тело предалось расслаблению. Собиравшееся под одеялом тепло поползло во все стороны, ласково поглаживая кожу. Пух в подушке услужливо расступился, принимая в свои нежные объятия отяжелевшую от сумбурных мыслей голову.

Он закрыл глаза, но, прежде чем окончательно погрузиться в сон, неожиданно увидел знакомые очертания «ночника». В вагоне было тепло. Мягкий, приглушенный свет манил своим уютом, и ему до боли захотелось туда.

«Утро вечера...» — успело мелькнуть у него в голове, и знакомое, мерное постукивание колес убавило его.

Мой любимый образ

Анастасия ЗУЕВА,
народная артистка СССР

Сцене Художественного театра, сцене Станиславского и Немировича-Данченко я служу—подумать только!—шестьдесят восемь лет. Иначе говоря, почти всю свою жизнь.

Художественный театр так же, как и Малый, сразу стал сценой, воспитывающей публику. Оба знаменитых театра, сурово требуя от своих актеров полной отдачи, в то же время гордились своими актерами, любили и растили их. Делали из них настоящих, знаменитых Мастеров.

По сути дела, жизнь в театре была для нас всех непрерывным воспитательным процессом. Театр растил Артиста талантливого, непохожего на других, но обязательно имеющего душу и сердце, сполна отдаваемого сцене, действию, образу героя. образу всякий раз особенному. Пусть даже образ этот будет нести в себе зло—все равно он должен работать на итог, на вывод. На суть дела. Иначе говоря—заставлять самые события на сцене требовать добра, а значит, служить добру, как это происходит со старухой Матреной в толстовской пьесе, когда она разоблачает злую суть несправедливой жизни самой собою. Самим содержанием страшной, нечеловеческой судьбы Матрены, которая,—я чувствовала это, играя Матрену,—привыкает к этой судьбе...

Много от нас требовала сцена. Но мы не роптали, мы были счастливы. Мы понимали, что служим искусством людям, народу. Токи, шедшие из зала на сцену, позволяли нам ощущать, чувствовать, что искусство, рождая переживания, мысли, поднимает публику, а не забавляет и не развлекает ее; что мы—все вместе и каждый по-одиночке—делаем нечто высокое, неповторимое. И, конечно, это сплачивало не только нас с публикой, со зрителем, но еще и коллектив делало сплоченным, редкостно целостным явлением.

Думаю, что такая подлинная, внутренняя сплоченность необходима сегодня не только театрам, но и кинематографу, телевидению, эстраде; обязательно необходима самодеятельности... Да всем, кто хоть сколько-нибудь причастен к искусству! Всем нужно растить и нести в себе главное качество, главное чувство художника: ответственность за мировосприятие и настроение зрителя, за его душевный и гражданский отклик. Короче говоря—за чувство патриотизма, любви к Родине всех, кто вдруг соприкоснулся с тобой как с Артистом...

Бесконечное количество раз выходила я на сцену—навстречу публике Художественного театра... Выходила в трудные годы перед войной. В дни войны ездила с фронтовыми бригадами, чтобы воодушевить, порадовать тех, кто

жизни своей не жалел ради победы над фашизмом. Да и после войны работала все так же неустанно... А чем жила? Вот этой могучей, непередаваемо чудесной, искренней зрительской отдачей, которая и есть главная награда актера. Ведь в нем-то самом, в актере, каждая его кровинка, каждое дыхание, движение уже не ему вовсе принадлежит, а тому, кого в этот день он «играет»... Так ведь и не играет он вовсе, а живет! С небывалой силой живет, как бы даже ни была его роль «мала», «непервостатейна»... Впрочем, скажу сразу: таких, ничего не обозначающих, проходных ролей нет в большой драматургии. Значит, их нет и для артистов, взыскательных к себе.

И вот «малую» будто совсем роль няни Анфисы в чеховском спектакле «Три сестры» я ставлю, пожалуй что, даже на одно из первых мест среди всех других моих ролей.

Вы, может быть, меня спросите, почему это я в знаменитом чеховском размышлении о судьбе сестер Прозоровых так решительно ставлю на одно из первых мест свою няню, совсем простую, тихую женщину?.. Она живет долго в доме сестер, и, конечно же, больше чем старая служанка... Нет, она не служанка—она именно Няня. И для Чехова это было очень важно. Ведь няня—это народное, точнее—простонародное наименование высокого назначения женщины, няни, бывало заменяющей дитяти родившую его мать.

Няня—одно из самых первых слов ребенка. Не потому что слово легко выговорить, а потому, что всегда няня даже чаще находилась рядом с ребенком, чем родная его мать.

От няни шло к ребенку с самых ранних лет светлое, пусть наивное, но глубокое внутреннее понимание Добра и Красоты. Понимание

справедливости. Понимание будущего своего нравственного долга перед жизнью и людьми... Короче, воспитание Человека.

Именно такова няня у Чехова в его пьесе «Три сестры».

Я надеюсь, что буду еще играть эту, в «Трех сестрах», кажется, во все проходную роль, роль няни Анфисы, чистенькой, безобидной старушки, роль почти без слов... Но я высоко понимаю важнейшую, почти бесценную душевную суть своей героини,—и, думаю, так именно понимал ее Чехов. Ведь это она, няня Анфиса, отдала жизнь, судьбу, молодость трем сестрам, вырастила и воспитала их, в раннем детстве вложив в каждую девочку отзывчивую к прекрасному душу. Никому себя здесь не навязывая, она словно предстает человеком главным. Человеком с большой буквы. Ее подвиг именно в том, что она живет для людей.

Она душа дома сестер Прозоровых. Настрой его жизни. И ведь отсюда именно возникает яростная, прямо-таки звериная, животная ненависть Наташи к беспомощной старухе-«дармоедке», никому давно не нужной няньке. И когда Наташа, пышнотелая, горластая, самодовольная мещанка, станет наконец-то полновластной хозяйкой в этом доме, она разрушит в нем все. Все—и уже навсегда—сломается, рухнет здесь, перестанет быть тем, чем было. А няня Анфиса, выгнанная из дома Наташей, останется все-таки в жизни. Останется как нужный, более того, необходимый для жизни человек.

Такова суть образа. Воспитание зрителя нравственной силой добра и правды, силой той беспощадной схватки, в которой мещанство, воплощенное Наташей, уже всех одолело: и трех сестер и Андрея. А вот няньку Анфису Наташа сломить не смогла. Хотя и воцарилась в доме Прозоровых, нарожала детей, думается, затоптав их души заранее... Они уже загублены Наташей, потому что Анфисы, ее сказок, ее тихой ласки у них не будет. И вырастут они похожими на мать, хваткими, деловыми, ненасытно жадными и злыми...

Слышны, слышны и сегодня мысли и чувства Анфисы. Должны люди слышать ее советы и сегодня, сейчас, когда столько важного, нужного принимает советское общество для улучшения воспитания и обучения детей, начиная с самых малых лет до их полной гражданской зрелости.

Думается, много полезного и важного может сделать для этого воспитания настоящее, серьезное и прекрасное искусство. Не развлекательное искусство, а именно нравственно высокое.

Поэзия — ты звездное наследство

80 лет назад на чилийском юге родился мальчик по имени Нефтали Рикардо Рейес Басоальто, который под псевдонимом Пабло Неруда стал известен всему миру. Выдающийся поэт и гражданин мятущегося XX века, он прожил вместе с ним долгую, тревожную жизнь, страдал в дни его мучений, ликовал в дни побед. Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и Нобелевской премии по литературе, Неруда отдавал все свои силы борьбе за новый, справедливый мир. Величие Неруды в утверждении всечеловеческого достоинства. Его убеждения, выраженные в стихах, не расходились с его поступками. И когда, юношей, он был чилийским консулом в далеких странах Азии; и в Испании, где после поражения республики он спасал беженцев; и когда, будучи сенатором, он заклеил в своей речи «Я обвиняю» диктатора; и в чилийском подполье; и в движении сторонников мира; и на посту посла Чили во Франции, где он отстаивал дело чилийской революции. Он ушел из жизни в сентябре 1973 года, в дни страшного фашистского затмения, вместе с тысячами собратьев, и в этом трагическом совпадении — символ его жизненного и художнического подвига.

Я счастлив, что знал Пабло Неруду, не один раз видел его и беседовал с ним. В эти дни восьмидесятилетия Неруды мне дорого воспоминание о том, что в 1960 году именно «Огонек» познакомил меня, начинающего поэта и переводчика с испанского, с великим чилийцем; и на страницах «Огонька» — большой публикацией «Привет душевному хлебу и камню» и отдельной книжечкой «Гимны Кубе и другие поэмы» в «Библиотеке «Огонька» — я начал свое открытие Неруды.

Стихи гражданского смысла и нежные эпиталамы, саркастические портреты и беглые зарисовки едва уловимых состояний природы и души — таков Неруда. Самым поразительным в нем кажется присущее поэту чувство времени, а вернее, одновременная двусторонняя связь с прошлым и будущим: словно бы одна рука взвешивает былое, а на другой — невесомый голубь грядущего.

Сегодня «Огонек» публикует мои новые переводы стихов Пабло Неруды.

Павел ГРУШКО

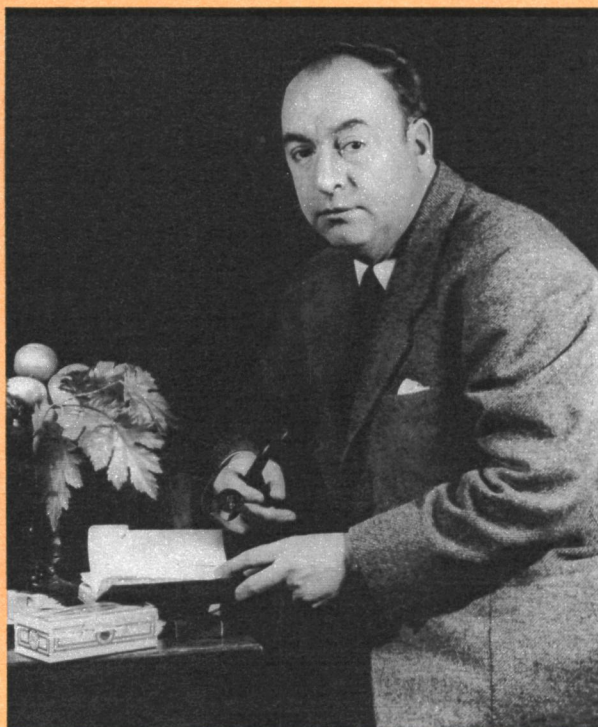

Фото Дм. Бальтерманца

Пабло НЕРУДА

СНОВА В ЭТОМ ГОРОДЕ

Скажите, зачем я вернулся?
В мертвом городе — кто я?
Где переулочек, где крыша
любившей меня сумасбродки?
Все те же вороны на ветках,
ярится зеленый муссон,
на искрошенных мостовых
плевки розоватого цвета,
и воздух влажен... Скажите,
где был я тогда, кем был?
Что ни припомню — пепел.
Юный торговец бетелем
не признал моих башмаков,
моей воскресшей улыбки.
Дед его мне сказал бы
«Салам!», но так получилось,
что дед свое отлетал —
рухнул в колодец смерти.
Вот дом: я в нем продремал
четыренадцать месяцев кряду
плюс годы этого дома,
писал о печали и грыз
девственный плод
хандры,
сейчас дверей этих нет —
здесь дождь поработал на славу.
И вот я понял, что был
не одним человеком, а разными,
что умирал многократно,
неведомо как воскресая,

я жизни менял, как будто
менял костюмы — и вот,
вернувшись, не понимаю,
почему ни с кем не знаком,
почему не узнан никем —
то ли погибли все,
а я среди забытых —
всех переживший ворон,
то ли город считает,
что я — один из умерших.
По рынкам брожу, где торгуют
шелками, по нищим базарам,
с трудом узнаю проулки.
Острые, как булавки,
агатые зрачки
буравят мои глаза.
Бледна Золотая Пагода
с ее неподвижным богом,
и нет у нее отныне
ни глаз, ни рук, ни огня.
Прощайте, трущобы времени,
потерянная любовь!
Я возвращаюсь к родному
вину, к объятьям любимой,
к тому, чем я был и есть —
к яблоням, солнцу, воде,
дням с именами и ртами,
бегу, чтоб не возвращаться,
не хочу ошибаться впредь:
опасно брести назад —
случается, что былое
засасывает, как топь.

ПРИВЕДИТЕ ЕГО, ДА ПОБЫСТРЕЕ!

Скажите, все еще жив
мой закадычный враг,
пожизненный душегуб,
всегда кипевший и кисший?
Так печально — не слышать
его гробовых угроз,
длинного перечня жалоб.
Скажите ему — пускай
и дальше дает свои залпы.
Где его новая книга,
которая вескими доводами
загонит меня в могилу?
Без этого рецидивиста —
кто меня примет всерьез?
Полезный этот субъект
ожидал моего рожденья:
я и вздохнуть не успел,
как он погнался за мной,
преследуя меня в поле,
на море, в прозе, в стихах.
С похвальным усердием взвалив
мой возраст на свой, он начал
в свою плутовскую душу
мои грехи заносить —
те, что были и не были,
те, что, возможно, будут,
и которых уже не будет.
Так бедолага и бегал
с разбухшим своим грессбухом,

занятый мной и моим
порочным образом жизни.
Отменно славный бездельник!
Потом он на это дело
потомство свое натаскал,
залез в большие долги,
уже запахло тюрьмой,
но он стоял на своем,
занятый делом жизни —
шатался по миру с мешком,
этакий странный горбун,
предрекал мои преступления,
нeminуемые неудачи.
Потом он оброс зятьями,
полюбившими его дело,
стравил их со мной, а сам
изучал пустые карманы...
Где он сейчас? Почему
три его зуба не свистят?
Почему оскаленный рот
хранит гнилое молчанье?
Кайман и зятья каймана,
заплесневелые ищейки,
где вы? Вот я — живой —
в лучах бессменного света!
Где вы, зубы? На помощь,
я жить без вас не могу!
Самое время прыгнуть
на страницы журналов
со шпильками и кувалдой!
Придумайте что-нибудь!
Бейте в свои барабаны!..
Где он сейчас заправляется
уксусом и бензином?
Скажите ему при встрече,
что без его рычанья
я давлюсь куропаткой.

ДОМ В МАНТАРАСЕ, ПУНТА ДЕЛЬ ЭСТЕ, УРУГВАЙ

Что только не роняет сосна:
зеленые усы,
напевы,
шишки, похожие на камни,
на армадиллов или книги
со страницами-чешуйками.
Еще мне на лицо упал
легчайший лепесток
с приклеившимся
черным семечком —
осиное крыло
сосны,
нежнейшая из связей
между полетом
и корнями.
Летят с верхушки
капли,
знаки препинания,
согласные и гласные,
скрипичные ключи,
дождинки,
тишина, —
все это падает с сосны,
с воздушной вертикали, —
аромат,
мгла, продырявленная
светом,
и ночь, прозрачная,
как молоко луны,

и ночь, угрюмая,
как расставание.
Светает.
Новый день
упал
с сосновой маковки,
неся минуты,
иголки
и уколы,
и в сумерках
сосновые булавки
припиливают
ночь к свету,
к ночи день.

ЗНАЙТЕ

Ложь, которой мы жили,
была нашим хлебом насущным.
Узнайте же, господа
двадцать первого века,
то, чего мы не знали,
взвесьте все «за» и «против»,
нам это не удалось,
пусть больше никто на свете
не питается пищей лжи,
которая нас вскормила.
Это столетие связи
было довольно бессвязным:
депеш, которые нес
кабель по дну океана,
были порою правдивы,
но ложь постепенно стала
бескрайнее океана,
и языки научились
сдабривать ложь притворством,
внушать ощущение страха,
длиннющие языки
кабелей, словно змеи,
плели несусветную чушь,
пока мы не встряли в битву
лжи, чтобы походя лгать,
лгать, убивая, а после
лгать, умирая от лжи.
В печали или в молчанье
мы лгали в кругу друзей,
и враг нам исправно лгал
ртом, обметанным злобой.
В мире тогда была
пора «холодной войны».
Спокойное время злобы.
Время от времени бомба
сжигала душу Вьетнама.
А бог из своей лазейки
оглядывал, как паук,
дремучих провинциалов,
с ленивой страстью спешивших
в объятья прелюбодеянья.

Поззия, ты звездное наследство,—
так получилось, что однажды мне
пришлось без провожатого,

вслепую,
испытывая голод, открывать
наследственные отчины твои,
твой тайный колосок и лунный луч.
Но нить от одиночества к народу
терялась в переулках, в поездах,
под мокрыми камнями и в лесах.
Был этот первый приступ

темной силой,
тяжелым хмелем от простой воды,
опасным пресыщением без пищи,
заносчивостью сердца-побирушки.
И тем еще, о чем ни слова

в книгах —
вместилищах безрадостного
блеска.

А тут—могильную плиту дробить
и кровью растворяешь соль

в душе,
пока не станешь тем, кто изрекает,
пока твой рот не запоет ручьем.
И это—проще беглой смены дней,
сложней, чем заново на свет

рождаться:
чуждой удел,—тебя он всюду ищет
и прячется, когда его ты ищешь,—
как будто это мрак с худою

крышей,
но в каждой из прорех —
мерцанье звезд.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ДЕЛАЙ С НАМИ?

Одноименная публикация «Огонька» (№ 2, 1984 г.) рассказывала о хлопотах, нередко достающих покупателей мебели, которых принудили собирать ее.

Радость от подобной покупки улетучивается быстро, зато заботы долго дают о себе знать. Читатели отозвались на фельетон, прислали новые примеры и факты, поддерживали журнальное выступление. Лишь В. Солтанов из Витебской области полностью не согласен ни с позицией автора заметок, ни с мнением других читателей. Он пишет: «Стыдно говорить, что современный человек, имеющий как минимум среднее образование, не может собрать стол, стул, шкаф и проч. Вот об этом бы вам следовало написать. Нелепо по любому пустяку вызывать сантехника, электрика в наш век технического прогресса...»

Ну, а кого следовало вызвать в один из омских институтов, чтобы помочь тем, кому, как рассказывает М. Тагильцева, в их лаборатории поручили собирать столы? «Собирали мы эти столы по принципу «через один», так как пакетов с шайбами, шурупами было меньше, чем надо. Две столешницы до сих пор лежат «в запасе», а часть столов без ближайшей стенки стоять не желают...» А как надо реагировать на возмутительное отношение работников новосибирской мебельной фабрики № 3 объединения «Новосибирск-мебель»? Г. А. Исакова пишет, что, получив пакет с разобранным, неукomплектованным шкафом, она никак не может добиться того, чтобы ей ответили с предприятия, сообщили о том, когда будут высланы недостающие детали...

Мы заинтересовались в Госторгинспекции РСФСР и узнали, что «Новосибирск-мебель» занимает далеко не последнюю строку в перечне поставщиков недоброкачественных изделий. Отмечено неблагоприятное положение и на других мебельных предприятиях Минлесбумпрома СССР. На Тюрмонском комбинате из 55 проверенных образцов и письменных столов было забраковано пятьдесят пять — стопроцентный брак! Это надо уметь...

Говорим мы об этом к тому, что сложившаяся ситуация, как представлялось, накладывает особую ответственность на тех, кто выпускает и продает мебель. И мы предполагаем, что проблема будет проанализирована в Минлесбумпро-

ме — головном ведомстве по выпуску мебели. Это надо было сделать еще и потому, что оптимизм, продемонстрированный бодреньким и обходящим конкретные вопросы ответом главного инженера Правдинского мебельного комбината объединения «Центромебель» В. Ларионова («Огонек» № 14, 1984 г.) оказался неподкрепленным: вопреки его утверждению, письменные столы с конвейера предприятия по-прежнему комплектуются ручками, ломающимися даже при осторожном пользовании. Однако такая реакция главного инженера Правдинского комбината на критику не взволновала руководство Минлесбумпрома.

В полученном редакцией письме член коллегии министерства А. Алексеев и не попытался объяснить В. Ларионову, что честь мундира и честь качества — понятия, не всегда совпадающие. Похоже, Минлесбумпрому не до таких тонкостей. Есть немало предприятий этого ведомства, которые гонят явно бракованную продукцию; их так много, этих фабрик, что до более или менее благополучных производств в министерстве руки просто не доходят?

О чем же письмо из Минлесбумпрома? Как и принято, оно начинается признанием: фельетон «Делай с нами?» и критические письма читателей рассмотрены, признаны правильными. «С увеличением объемов производства и поставки мебели в разобранном виде острее становится вопрос ее сборки по требованию покупателей на дому или в магазине. Магазины в большинстве случаев сборку мебели не производят из-за отсутствия площадей и трудности сборки отдельных изделий...» А собрать впрямь трудно, даже при наличии инструкции, как признает А. Алексеев и жалуется... на магазины, которые «не привлекают службы быта и тем самым вызывают справедливое недовольство покупателей». Значит, не низкое качество мебели, не сложность с ее сборкой («даже при наличии инструкции!»), а торговля во всем виновата!

Порассуждав таким образом, сообщив также о том, что все же «признано необходимым принять дополнительные меры по улучшению конструкции разборной мебели и разработке более подробных инструкций по ее сборке», тов. Алексеев информирует об очень важном решении: «В целях упорядочения расчетов с покупателями Госкомцен СССР установил: при реализации населению мебели в разобранном виде применять розничные цены со скидкой в размере 5 процентов с конечной розничной цены».

Но почему об этом не сказано ни в одной инструкции, сопровождающей продаваемую мебель? Не видел я таких объявлений и в мебельных магазинах. Хотя необходимость в гласном, широком извещении о таком порядке нужна.

Госкомцен подошел к проблеме конкретно, деловито. Такую же позицию занял Госстандарт СССР. Заместитель председателя комитета В. Юницкий сообщает об «обязательном» (подчеркнуто нами.—К. Б.) сопровождении изделий, поставляемых в разобранном виде, инструкцией по сборке, схемой монтажа и перечнем комплектующей фурнитуры.

Тов. Юницкий поднимает также вопрос о праве покупателя «на получение по его требованию мебели со сборкой в магазине или в домашних условиях...». Это должно быть определено и записано в «Правилах розничной торговли мебельными товарами», с которыми покупатель мог бы легко ознакомиться перед покупкой, чтобы принять удобное для него решение. «Однако,— продолжает заместитель председателя Госстандарта,— утвержденные Минторгом СССР правила не дают четкого ответа на вопросы, поставленные в опубликованных журналом материалах». Поэтому Госстандарт обратился в Минторг СССР с предложением дополнить правила соответствующим указанием, «четко определить право покупателя потребовать без дополнительной оплаты сборку мебели в магазине или на дому».

Такой вот поворот проблемы. Оказывается, она обозрима, решение ее очевидно и возможно; логика, и практика, да и экономика подсказывают разумные варианты; они названы в письме Госстандарта СССР, учтены и в постановлении Госкомцен СССР — им устанавливается порядок определения розничных цен на мебель, продаваемую в разобранном виде.

Теперь от Минторга СССР и от Минлесбумпрома СССР зависит, будет ли разумный порядок введен до сведения (и выполнения) каждого магазина и промышленного предприятия. Да и от покупателей кое-что зависит: следует активнее, энергичнее отстаивать свои права.

К. БАРИКИН

ДОСТАВКА БУДЕТ УСКОРЕНА

В журнале «Огонек» (№ 11, 1984 г.) была опубликована статья нашего собственного корреспондента в Грузии И. Месхи «Ямщик, не гони лошадей». В статье рассказывалось о том, как поступает в Тбилиси и районы республики и распространяется там наш журнал. Выяснилось, что путь из Москвы до тбилисских подписчиков «Огонек» преодолевает за десять — четырнадцать дней, а в розничную продажу поступает за еще более значительным опозданием. В корреспонденции указывались причины опоздания: журнал задерживается в пути по железной дороге,

затем в газетно-журнальной экспедиции Министерства связи республики, на складе городского агентства «Союзпечать».

Редакция получила ответ из Министерства связи Грузинской ССР. Факты, приведенные в статье, подтвердились. Заместитель министра М. Н. Инаури сообщает, что задержки, происходившие по вине почты и «Союзпечати», будут устранены за счет сокращения сроков обработки и пересылки внутри города. Но основная причина задержки в том, что журнал отправляется в Тбилиси почтово-ба-

гажным поездом, который находится в пути пять дней и часто опаздывает. Тут слово за МПС СССР. Специалисты Министерства связи Грузии предлагают наладить отправку журнала почтовым вагоном в составе пассажирского поезда Москва—Ереван, что сократит время в пути на три дня.

Вызывает удивление, что редакция не получила ответа из Министерства путей сообщения СССР. Для справки: от редакции до этого министерства менее десяти километров, до Тбилиси по железной дороге — 2390 километров.

ЭТА ТРУДНАЯ ЛЕГКАЯ МУЗЫКА

**Мурад КАЖЛАЕВ,
народный артист СССР**

«На удивление жизнерадостное явление музыка Кажлаева. Оптимизм Мурада выше всего. Увидев обыкновенную лужицу, он скажет не о ней и не о том, что замочил в ней ноги. Снажет он о красивых деревьях, которые отражаются на солнце, как в зеркальце, в этой лужице. И поэтому я радуюсь его светлому творчеству».

Это слова Василия Павловича Соловьева-Седого. И отнести их можно не только к симфоническим фрескам «Фархад и Ширин», первой дагестанской симфонии «Картины Дагестана», драматическим прелюдиям «Созидание», «Плач», «Протест», наконец, к первому дагестанскому балету «Горянка», написанному по поэме Расула Гамзатова... Столь же ярка, празднична, полнокровна музыка народного артиста СССР Мурада Кажлаева и тридцати шести кинофильмам, среди них «В ночь лунного затмения», «Адам и Хева», «Бархатный сезон», «Любовь моя, печаль моя» и другие. И есть еще одна область, в которой композитор по праву признан одним из ведущих мастеров нашей страны, — это эстрадные, джазовые сочинения.

Порой бывает, что в своих устных и печатных выступлениях композиторы, пишущие «легкую» музыку, и композиторы, сочиняющие «серьезную», не могут скрыть своего взаимного, так сказать, «антагонизма», неприятия... Именно поэтому столь редкая универсальность, многогранность творчества Мурада Кажлаева явилась одним из поводов побеседовать с ним о некоторых проблемах легких жанров в современной музыке. Эстрада по-прежнему волнует наших читателей, присылающих в редакцию по большей части критические отзывы.

— Действительно, бытует мнение, что написать легкую музыку гораздо легче, чем произведение симфоническое, — сказал Мурад Магомедович, познакомившись с несколькими письмами из почты «Огонька». — Боюсь, что распространению этой мысли способствуют прежде всего иные композиторы, которые категорически не признают эстраду, а сами пишут серьезную, но так называемую «резиную» музыку: поставил аккорд, он тянется пятнадцать минут, и на его фоне «полюхает» какой-нибудь инструмент. Чем лучше эстрадный песни этот академический опус ремесленника?

В наше время не должно и не может быть противоборства легкой и серьезной музыки — есть противоборство таланта и бездарности, истинного и поддельного. Не в жанре дело, а в художественном достоинстве произведения, его идейной весомости, глубине.

Музыка — особый вид деятельности. Это поистине уникальный язык, не требующий переводчика, и потому обращаться с ней надо бережно. Бывает, иной родитель насильно пытается сделать из своего чада музыканта. Любой ценой! Но социальный смысл подобной ошибки заключается в том, что в результате в искусство входит ремесленник, который будет стараться активно влиять на вкусы многих людей.

Вот появился же сейчас тип легкой музыки, которая не воспринимается как музыка, а как, скажем, проезд автомашины или поезда... Она задает какой-то пульс, ритм — и все. Музыка шума. Помню, как-то зашел я к сыну в комнату, а на его голове наушники, сам занимается математикой. «А это фон для занятий», — ответил он мне. Вот так!

Конечно, легкая музыка — самый доступный жанр. Человек, уставший на работе, где тоже не обходится без шума, отдыхает на хорошей легкой музыке. Плохая музыка — любая — утомляет.

Тем не менее хочется, чтобы рядовой слушатель не пренебрегал серьезной музыкой. А к этому его нужно как-то подвести! Вот по-

Фото Ю. Сомова.

чему я давно увлечен таким синтетическим жанром, как симфонический джаз. Мне кажется, что этот демократический жанр перекидывает очень крепкий мост между музыкой той и этой. Новое камерное произведение, наделенное современным пульсом, сразу воспринимается, например, молодежью. Я сам проверял это в концертах, когда дирижировал большими симфоническими составами, на которые публика, как правило, не «рвется». И убедился: при желании можно завлечь, завожжить и оркестром. Я говорю о слушателе, выросшем под аккомпанемент магнитофонов и транзисторов.

Было время, нас буквально пичкали только серьезной музыкой, хочешь не хочешь — слушай. Теперь другая крайность. Согласитесь: неприятно, когда заставляют есть или одни пирожные, или только мороженое.

Обратимся в не очень далекое прошлое. В юности меня даже выгоняли было из Бакинской консерватории за увлечение джазом. А вот время доказало живучесть, качественность, если хотите — классичность этого жанра. Оказалось, что джазом надо уметь «пользоваться», его не каждый может писать, в нем есть свои железные законы, которые нельзя опровергнуть.

— К сожалению, некоторые особо непримиримые критики эстрады — из числа слушателей старшего поколения — до сих пор путают, например, понятия «джаз» и «поп-музыка». Это происходит, вероятно, и потому, что телевизионные, радио мало пропагандируют лучшие джазовые композиции, знакомят с талантливыми исполнителями. Понимаю, что очень трудно в нескольких словах, но все-таки: не могли бы вы охарактеризовать коротко оба эти жанра легкой музыки, особенности их существования в нашей стране?

— На мой взгляд, поп-музыка заключает в себе нередко такой огромный поток музыкальной информации, который может просто задуться. Информация, которую несет джаз, более плавная, цельная. Она раскрывается постепенно, на протяжении длинного полотна. А в популярной музыке этот поток выдается в течение двух минут, оглушает вас и, образно говоря, сваливает со стула. Джаз — это, мож-

но сказать, утонченная музыка, основанная на импровизациях, требующая подготовленности слушателя.

Того, кто ходит, например, на ансамбль «Каданс», не загонишь на ВИА «Самоцветы». Любители поп-музыки хотят спокойно слушать ритмические рассказы о цветах, любви и прочем. Любители джаза хотят внимать более сложным сюжетам; сложным, взятым из современной жизни мыслям. Все это, конечно, завуалировано: джаз, как любое высокое искусство, не говорит открытым языком. Открытый язык — это примитивный язык. Джаз работает всегда на уровне симфонического мышления, то есть обобщения образов, образов с глубокой внутренней драматургией.

В последнее время стало заметным взаимовлияние этих жанров. На мой взгляд, джаз взял у поп-музыки острый, яркий ритм. И одновременно поп-музыка, задыхаясь в одних ритмах, сама по себе превратившись в течение весьма примитивное — отчего горят «синим пламенем» ВИА, — даже поп-музыка начинает пользоваться элементами джаза.

— Иными словами, вокально-инструментальные ансамбли, многие называют себя теперь уже рок-группами, в своем «чистом виде» зашли в тупик. Причина, конечно, и в том, что с самого начала их развитие было пущено на самотек. «Ребенок» развивался без «родительской», я имею в виду профессиональных музыкантов, опеки. Без традиций школы...

— Совершенно верно. К тому же ансамблем развелось очень много. Любый начинающий ВИА — и в самостоятельности тоже — приобретает барабан, орган, две доски-гитары и считает, что дело сделано. Штамп ВИА всем засорил уши своим однообразием, выдавая в основном «музыку шума», не уделяя достаточного внимания содержанию песен, которые сами же участники ВИА и сочиняют. Не спасают ни хорошие инструменты, когда за ними скрывается пустота; ни насильственное одевание народных песен в современные ритмы, утрирование фольклорных черт, практикуемое сегодня многими ансамблями, в результате чего возникли «экспортные варианты» народных песен. Наиболее достойные образцы подлинно творческого переинтонирования фольклора связаны как раз с глубоким проникновением в народные представления о жизни, в народное мировосприятие.

Нет понятия моды в музыке. Вернее, не должно быть!.. Вот сам по себе стиль «диско». Это интересно. Это настойчивая ритмическая мысль, которая движет, атакует, вызывает приток эмоциональности у человека. Но когда «диско» звучит в концерте только лишь потому, что это модно, — это плохо. К слову, о моде. Сейчас говорят, что возникла мода на старые, довоенные мелодии. Не совсем так. «Ретро» — не мода, а потребность. Наши деды, отцы прожили большую, сложную жизнь, устали. Не могут выдержать то, что выдерживает на концертах молодежь. Потребность в задушевности, в мелодической простоте родилась естественно. Появился даже стиль написания новых песен в интонациях прошлого — камерный, лиричный, лишенный грохочущих ритмов.

— Кстати, о «грохочущих ритмах». Многие слушатели сетуют на то, что произошла чрезмерная «механизация» эстрады, что вся она держится на электронной аппаратуре. Им возражают «оппоненты», пытаются объяснить это всевозрастающим интересом к эстраде, желанием большого количества слушателей посещать концерты. Мол, вместить всех желающих могут только огромные дворцы спорта и культуры, откуда и необходимость мощной аппаратуры, многочисленных микрофонов... Ваше мнение, Мурад Магомедович?

— Двадцатый век, век технических усовершенствований, дал музыкантам электронику, от которой вовсе отказываться, думаю, нецелесообразно. Но всему свое место. Считаю, что электроника должна играть, так сказать, эпизодическую роль. Есть такие сочинения в нынешней музыке, которые без электроники будут звучать бедно. Скажем, сочинение, посвященное космосу... Но, с другой стороны, она выхолащивает музыку, делает ее холодной, как робот... Электроника упрощает жизнь. Она шаг от очень сложного к очень простому, потому что ее технические возможности дали карты в руки самому примитивному музыканту. Элементарная, незатейливая музыка с помощью электроники может заву-

П. Миервалдис. Род. 1948. ПОРТРЕТ АКТРИСЫ МАЙИ ЭГЛИТЕ.

П. Миервалдис. МЕЧТА.

чать сложно, значительно. Однако по-настоящему сложную музыку на ней играть трудно, она будет казаться хаосом.

Есть музыканты слабые профессионально, зато умеющие виртуозно пользоваться аппаратурой, а некоторые вообще пользоваться ею как следует не умеют! Сочетание же профессионализма и виртуозности крайне редко. К числу приятных исключений я бы отнес ансамбль «Автограф», чьи участники умеют и аппаратурой управлять и сочинять интересно...

Что касается нападков иных критиков на микрофоны, то я не совсем согласен. Существует тип эстрадного певца, который, ну, не родилась с шалыпинским басом! Однако большая музыкальность, артистизм, красивый тембр голоса дают ему право выйти на сцену. И тут микрофон делает его голос объемным, корректирует, усиливает и помогает в полной мере раскрыть исполнителя. Консерваторы могут заявить: пусть без положенной силы голоса вообще не выходит к зрителям. Тогда мы лишились бы многих замечательных исполнителей, так называемых характерных певцов...

Но во всем нужна мера — и в смысле громкости звучания тоже. Под сверхгромкостью, с которой преподносят себя некоторые артисты, подчас скрываются неумение и бездарность. Самое основное в современной аппаратуре — не громкость и не усиление на зал, а запас мощности и энергии. Чем она мощнее, тем спокойнее и тише работает. «Аппаратура дышит» — есть такое выражение у музыкантов. Тут, между прочим, не худо бы подумать еще и о качестве отечественных электроинструментов, которые нуждаются в значительном улучшении.

— Как вы понимаете тезис: музыка должна воспитывать?

— То есть прививать хороший вкус! Я бы стал говорить не о воспитании, а о воздвизении музыки. Причем это относится к любой музыке, простой ли, сложной... При условии, что она должна быть всегда демократична, пусть даже сверхсложная. Вот пример: Кшиштоф Пендерецкий, чьи произведения вновь звучали недавно у нас на Международном музыкальном фестивале. Сложнейшая музыка. Но она способна так заворожить, что вы с восторгом будете слушать эти, кажется, непонятные «наплывы», оркестровки... Дело тут, естественно, еще и в таланте! Но музыка должна быть рассчитана не на головное восприятие, а на душевное.

— В одном из своих выступлений в печати вы сказали, что критерий ценности творчества музыканта — понимание слушателей, их любовь. Но тогда что вы скажете о «любви» массового слушателя к какому-либо шлягеру, бывает что и пошловатому, недолговечному?..

— Значит, это плохо воспитанная масса. У нас есть любители пускать из окон на всю улицу громкую музыку. Это же не способ воспитания, обретения музыкальной культуры! А посмотрите, что творится в санаториях, на пароходах, в поездах! Местное радио навязывает пассажирам одни и те же «мотивчики», часто подобранные не с лучшим вкусом. Выходишь из поезда ошалевший, а в голове стучат слова из надоевшей, раз десять прокрученной песни: «Девчонка из квартиры сорок пять...» Подобное явление не может стать воспитательным фактором, затронуть какие-то добрые чувства. Наоборот, оно отупляет, ожесточает... Особенно если песни, навязываемые вам, бессмысленны, основаны более на ритме, чем на мелодии.

— А таких, с позволения сказать, песен у нас немало. И винить в этом прежде всего надо, наверное, самих сочинителей, не очень-то требовательных к себе и, прямо скажем, не уважающих публику. Какие условия, по-вашему, необходимы для того, чтобы новая песня стала открытием для слушателя, а значит, и долгожителем?

— Повторюсь: модные атрибуты могут только укоротить жизнь песни. Мне кажется, что для ее написания нужны талант композитора, высокий мелодизм и оригинальность нового произведения, его интонационная свежесть. Интонация для песни особо важна! Много лет я поражаюсь высокому таланту Марка Фрадкина, который всегда пишет нестареющие песни. Он и не покажет новую песню, пока не прочувствует ее много раз. И этим он мне очень близок.

Есть композиторы, «специализирующиеся»

на шлягерах. Они подхватывают какую-либо новую тенденцию в музыке и торопятся «выстрелить» песню. Это какой-то своеобразный композиторский спорт! Шлягер сразу становится достоянием огромной массы слушателей, но, как правило, столь же быстро умирает. Он моден, «оперативен», как у вас в журналистике оперативная статья, которая меж тем, согласитесь, далеко не всегда становится художественным достижением.

— Разделяете ли вы распространенную сейчас точку зрения, что современная песня условняется?

— На мой взгляд, существуют песни для запоминания и «промурлыкивания», и есть такие, которые надо именно слушать, — их зачастую называют балладами. Они дают возможность задуматься над сюжетом, и во все не обязательно горланить их по улицам. Наш слушатель перерос тот уровень, когда ему необходима облегченная духовная пища. Зачем же его ограничивать «трехнотными» сочинениями, которые действительно сразу запоминаются и с ходу поются...

— От кого в большей степени зависит успех песни — от исполнителя, композитора или поэта?

— Как композитор думаю, что сначала должны быть хорошие стихи, которые прекрасно могут звучать и без мелодии. Ну как можно относиться к песне, если в ней есть, положим, такие слова: «Получив удар моральный, снова в парк иду центральный...» Это я недавно услышал по телевидению. Тут уж никакой исполнитель не поможет.

И коль уж зашел разговор об исполнителях, а от них, конечно, в немалой степени зависит успех нового произведения, то скажу откровенно: как в песнях бывают подлинники и подделки, так, можно сказать, и среди исполнителей тоже. Это страшно, когда артист не имеет своего лица!

Приведу пример. Подчеркиваю: я высказываю свое личное мнение. Есть у нас в эстраде такое яркое явление, как Пугачева. Она может нравиться и не нравиться, но никто не станет спорить: индивидуальность. Но вот на последнем Всесоюзном конкурсе артистов эстрады по непонятным мне до сих пор причинам первое место присуждается Наталье Рожковой, которая беззастенчиво подражает популярной певице!.. А есть еще певцы — и притом довольно известные, — которые никому не подражают, но — увы! — бездарны.

— И тем не менее вы сказали: известные певцы... Так как известность, популярность приходит к исполнителю, да и к песне тоже, главным образом, благодаря телевидению и радио (основным источникам массовой информации), не следует ли из этого, что мы встречаем на голубом зирне и в эфире далеко не самые лучшие «образцы»?..

— У нас в Дагестане есть такая пословица: «Всякая лож может показаться правдой, если в нее поверит много людей». Так и происходит зачастую, когда с утра до вечера ты слышишь одни и те же мелодии, видишь одни и те же лица. Неужели нужно навязывать всей стране вкус трех-четырех музыкальных редакторов?

— Но ведь обычно телевидение ссылается на письма слушателей...

— Знаете, что сказал однажды по этому поводу Кара Караев? «Когда редактор передачи показывает кипы писем с требованием исполнить плохую песню, то это обвинительный акт прежде всего редакторам, которые до этого упорно ее пропагандировали». Письма может писать человек понимающий и непонимающий. Показ по ТВ плохих песен и певцов рождает поток писем про них же... Уверен, что зрителям надо предоставить намного больший выбор. И тут уж можно было бы выкристаллизовать истинные таланты. А сколько у нас отличных исполнителей, музыкантов, которые не попадают на телевидение или радио! Или их показывают столь незаметно, мало и нефотогенично, что они не становятся объектом обсуждения зрителей и слушателей. Вот вспомни последний новогодний аттракцион. Как-то странно получилось: ни цирка толком, ни певца. Ни поэта, ни композитора. Разве что выделяются ведущие программы. А если появляется новый исполнитель, то он настолько затерт всеми остальными атрибутами представления, что публика и не успева

рассмотреть. Так, например, выступление талантливой певицы Ларисы Долиной, появившейся в этой передаче, явилось фоном для полета акробатов. А она лауреат эстрадных конкурсов, ее давно не мешало бы показать крупным планом.

К сожалению, авторы музыкальных передач не задумываются над тем, что певцы, беспрестанно мелькающие на голубых экранах, могут просто надоесть. Кроме того, есть и другая сторона медали: сам артист снижает требовательность к себе. Юрий Антонов, Николай Гнатюк, Ксения Георгиади, группы «Сердца четырех», «Оризонты», «Верасы»... Сколько можно показывать их — с однообразными песнями, улыбками, движениями? Создается впечатление, что благодаря такой чрезмерной занятости на ТВ им просто некогда ни обновить свой репертуар, ни элементарно поработать над собой, что, между прочим, необходимо... В эстраде появилась плеяда отличных музыкантов. Почему бы их тоже не показать? Замечательный инструменталист-музыкант Игорь Назарук крайне редко появляется на экране, у телевидения словно существует только два исполнителя этого жанра: Чижик и Раннап. А где программы Бориса Фрумкина, Давида Газарова, «Арсенала», «Каданса»?.. У нас в стране регулярно проводятся всевозможные фестивали джазовой музыки, но почему мы не видим их? Правда, справедливости ради отмечу: около месяца назад московское телевидение открыло новый цикл передач «Джазовая панорама». В добрый путь! С нетерпением жду продолжений и от всей души приветствую эту робкую попытку Главной редакции музыкальных программ увеличить свою аудиторию. Ведь интерес к джазу — и это уже бесспорно, об этом уже пишут наши центральные газеты — значительно возрос...

— Известно, что вы, житель Махачкалы, в течение многих лет выступаете с джаз-оркестром Ростовского училища искусств. Связано ли это с тем, что у нас в стране не так уж и много профессиональных джаз-оркестров?

— Да, настоящих, больших джаз-оркестров немного. Композитору, пишущему в этом жанре, трудно «пристроить» свое произведение. Но я с большим удовольствием работаю с ростовским коллективом, которым руководит Ким Назаретов. И что интересно: Ростов-на-Дону взял на себя миссию воспитания и обучения таких музыкантов! Уже больше десяти лет, как в Ростовском музучилище впервые в стране открылось отделение эстрадной и джазовой музыки и уже дало лучших джазовых исполнителей последнего периода. Они играют в лучших оркестрах страны. Три года назад при Ростовском музыкально-педагогическом институте был создан также факультет эстрадной и джазовой музыки, воспитывающий высокопрофессиональных музыкантов. Ясно, что выпускник этого института не будет заниматься халтурой, самодеятельщиной. Жаль, но примеру Ростова-на-Дону не очень-то следуют другие города... Есть некоторый сдвиг на уровне музучилищ, но не вузов. Мы так медленно двигаемся в этом направлении, нам не хватает и педагогических кадров... Формула-то проста: будет профессионализм — не будет поделок у музыкантов и дурного вкуса у слушателей.

— В июне состоялась премьера второй редакции вашего балета «Горянка» на сцене Кировского театра...

— О, это любимое детище, в которое я, можно сказать, вложил всю энергию и душу. В шестьдесят восьмом году была первая постановка «Горянки» в Ленинграде. Вторая, названная «Асият», дала мне возможность реализовать все то, что обдумывал эти годы, — дополнить партитуру, добавить свежие краски. Жизнь идет вперед, диктуя нам новые ритмы и созвучия...

Язык композитора — это дом, где он родился, радости и тревоги его земляков, его видение и понимание жизни, переплавленные в процессе творчества в определенную систему образов. Я по природе оптимист и считаю: утверждение гармонии человека и мира, в котором он живет, — главная наша задача, в каком бы жанре мы ни писали. Задача нашего искусства сегодня.

Беседу вел Н. АЛЕКСЕЕВА.

На вечные времена

А. СОФРОНОВ

Жизнь человека трудно поддается описанию. Тем более жизнь писателя, свидетеля и участника головокружительных перемен в социальном устройстве современного ему общества. Не всегда и творчество художника, его путь являются логически последовательными, развивающимися, как говорят, без сучка и задоринки.

Писатель — прежде всего мыслитель. Мыслитель, проходящий с обществом те события, которые уготованы как обществу, так и ему самому. Не знаю, но я, пожалуй, не смогу назвать имя писателя, который бы шел от одной точки своей судьбы к другой без запинок, раздумий и осмысления пройденного пути. Такой писатель, как правило, неинтересен...

Сейчас, когда перечитываешь произведения Лиона Фейхтвангера, осознаешь, как много сделано им для постижения тех сложных социальных перемен, которые выпали на все человечество и на его писательскую долю. У нас в Советском Союзе любят произведения Лиона Фейхтвангера, хорошо знают его трудный творческий путь. Он тем более нам понятен, что произведения писателя широко известны читателям нашей страны. Трудно перечислить отдельные издания книг Фейхтвангера, появившиеся только на русском языке. С 1963 по 1968 год в издательстве «Художественная литература» вышло его двенадцатитомное собрание сочинений.

В последнем, двенадцатом томе опубликовано обращение писателя к советским читателям:

«В связи с русским изданием собрания моих сочинений я хотел бы сказать моим советским читателям, как много я им обязан.

Отношение между книгой и автором становится иным в тот момент, когда писатель признает свое произведение законченным и готовым к печати. Хотя подлинный художник творит созвучно внутреннему закону, который он никак не должен нарушать, он все же может в процессе работы производить всякого рода эксперименты с героями и событиями, вносить в них различные изменения. Он — творец, а они — его будущие создания, они глина, которую он может месить как угодно, в зависимости от своих настроений, от чувств ненависти и любви. Но как только его произведение закончено и выпущено в свет — все эти люди и события выходят из-под его власти. Они начинают жить самостоятельно, они действуют, их образ связывается в сознании сотен тысяч людей с другими образами, изменяется, порождает новую жизнь, новые создания и события. Когда автор позже сталкивается со своими героями и вещами, они зачастую смотрят на него отчужденно, они изменились точно так же, как и он сам изменился с годами.

Эту самостоятельность созданного писателем мира, эту независимость творения от своего творца я с наибольшей ясностью и волнением осознал при встрече с советскими читателями. Я увидел, что герои моих произведений совершенно изменились в сознании моих советских читателей. Это заставило меня взглянуть на мои собственные создания иными глазами, подобно тому как смотрят новыми глазами на ребенка, которого давно не видели. Так при этой встрече я по-новому осознал свои прежние творения, по-новому осознал и самого себя.

...Теперь я твердо знаю, что мое литературное развитие определили два крупных события: переживания империалистической войны и впечатления от социалистического общества в Советском Союзе. Оба эти переживания помогли мне освободиться от известных предубеждений того класса, в среде которого я родился и прожил большую часть жизни.

Когда я сегодня обзираю свое творчество, то с благодарностью признаю, что моя судьба вовремя предостерегла меня от опасного эстетизма, научила приводить в правильное соотношение форму и содержание. Я с благодарностью сознаю, что линия моего драматического и эпического творчества нарастает в своей идейной значительности и что в этом развитии сыграло роль существование социалистического общества...

К этому признанию самого писателя трудно что-либо добавить. Претерпев многое в жизни, он действительно все ближе подходил к нашему обществу и к нашей русской литературе. Он был на стороне сражающегося советского народа и в ноябре 1942 года опубликовал в «Огоньке» свои впечатления о героизме советских людей: «То, чего достигла Красная Армия в течение этого года, не только защитило Советский Союз против вторгшейся армии варваров, но и открыло глаза многим миллионам во всем мире на мощь и истинную сущность Советского Союза... Весь цивилизованный мир вспоминает о Советском Союзе с восхищением и любовью».

Он знал Россию. Знал ее писателей. В журнале «Иностранная литература» в 1955 году Фейхтвангер опубликовал статью «Литература — сила, сближающая народы». В ней он говорил:

«Большая литература преодолевает границы пространства и времени... Я прочел много теоретических трудов о царской России, но впервые она открылась мне лишь в книгах Толстого и Горького. Я прочитал сотни две книг о походе Наполеона в Россию, но сущность это-

Лион Фейхтвангер. Фотография с дарственной надписью писателя журналу «Огонек». 1955 год.

го похода я понял, только когда прочитал «Войну и мир». Мне известно множество объективных изложений хода Октябрьской революции и описаний Советского Союза, но подлинные предпосылки революции я постиг лишь после прочтения рассказов и романов Горького, а Советский Союз я узнал из произведений советских писателей, в особенности Маяковского и Шолохова».

Не могу в этой связи не вспомнить глубокое раздумье Фейхтвангера о Чехове, и в частности о «Вишневом саде».

«Во всех четырех действиях пьесы почти ничего не происходит. Продается вишневый сад семьи Гаевых, вишневый сад старого дворянского рода, разорившегося и обремененного долгами, продается энергичному, напористому простолыдину, бывшему крепостному этой семьи. Вот и все.

Но эта пьеса, почти лишенная действия, — самое насыщенное и зрелое, самое трогательное и горькое, самое мудрое творение Чехова. Эта трагикомедия, освещенная мягкой, грустной и в то же время насмешливой улыбкой автора, стоит особняком. «У этой пьесы улыбка Джонатана», — писал крупнейший критик России после того, как она была поставлена Станиславским».

Да и только ли о Чехове? Летом 1955 года нам, группе советских писателей и журналистов, посчастливилось побывать в гостях у Лиона Фейхтвангера в Лос-Анджелесе, где он жил уже долгое время.

В ту пору книги Фейхтвангера «Иудейская война», «Лже-Нерон», «Семья Оппенгейм», «Еврей Зюсс», «Безобразная герцогиня», «Успех» и другие были широко известны в Советском Союзе. Как же мы, находясь в городе, где жил Лион Фейхтвангер, могли не повидать его и не передать свои сердечные чувства человеку, который так много сделал для литературы мира. Но это оказалось не так просто. Дело в том, что наша делегация была как бы в ведении госдепартамента США и сопровождал нашу группу работник госдепартамента Фрэнк Клуххон, внешне казавшийся приличным.

Мы сообщили о нашем желании, но неожиданно просьба натолкнулась на препятствия. Клуххон смущенно сказал:

— Пусть этот парень приходит сам к вам в отель.

Мы засмеялись:

— Этому «парню» пошел восьмой десяток.

— У нас есть данные, что он красный, — вяло отбивался от нас Клуххон.

— В смысле цвета нам трудно ориентироваться: никто из нас Лиона Фейхтвангера не видел. Но если вы мировоззрение определяете по методу спектрального анализа, то нам все же кажется, что сведения у людей, с которыми вы советовались по поводу нашей просьбы, неточны. Для нас он просто один из самых крупных писателей, живущих сейчас на земле... Так что настаиваем! — твердо заявили мы.

На другой день невыспавшийся Фрэнк сообщил нам:

— Пожалуйста, господа, вы можете посетить писателя Фейхтвангера.

Через четыре года Фейхтвангер заболел и скончался в больнице, но тогда он был полон жизни и находился в напряженном творческом состоянии, которое знакомо писателям. На наш вопрос, что он пишет, чувствуя, что мы все ожидаем ответа, Фейхтвангер обвел нас взглядом и сказал:

— Пишу роман «Иафет и его дочь». Сложная и трудная книга о том, как воин-завоеватель постепенно превращается в человека... Очень тяжело завоевывать мир в сердце человека. Требуются большие усилия для этого.

...Вернувшись в Москву, уже весной 1956 года я послал Фейхтвангеру письмо с просьбой что-то либо прислать для журнала «Огонек». Вскоре получил от него ответ:

«Мой дорогой Анатолий Софронов!

Очень благодарен Вам за Ваше письмо от 8 апреля.

Все это время я был совсем поглощен работой над романом «Иафет и его дочь». Я поэтому совсем не имел времени написать рассказ или очерк, который собирался. Но теперь, когда роман почти закончен, я надеюсь, что скоро я смогу сдержать свое слово и написать что-нибудь для Вас.

Как только я вздохну свободно, я предполагаю написать довольно большой очерк об историческом романе — «Величие и нищета историче-

ского романа», а затем небольшую книгу «Десять самых важных документов в истории Европы», в которой я хочу рассказать о прогрессивном историческом развитии от законов Хаммурапи до Коммунистического манифеста.

Может быть, дорогой мистер Софронов, Вы помните, что я сказал Вам: когда я кончаю книгу, я обычно перебираю в уме свои планы, и — увы — оказывается, что у меня одновременно бывает 14 различных планов, которые я просто обязан осуществить. Теперь, после окончания «Иафета и его дочери», у меня снова 14 различных планов, и сделать выбор, за что браться в первую очередь, становится все труднее и труднее, так как время, отпущенное мне, становится все короче. Но я надеюсь, что, работая над этими двумя небольшими книгами, о которых я упомянул выше, я приму правильное решение.

С самыми теплыми пожеланиями Вам и другим друзьям,

Ваш Лион Фейхтвангер».

Приближалась 40-я годовщина Великой Октябрьской революции, и я снова обратился к нашему другу с просьбой... Ответ пришел быстро:

«Дорогой, уважаемый друг! Я рад, что могу сегодня, через два дня после получения Вашего письма, переслать Вам просимую статью для праздничного номера «Огонька». С сердечными приветствиями и пожеланиями. Как всегда Ваш Лион Фейхтвангер».

Статья была получена и опубликована.

Вот что было сказано в его статье:

«Он был одним из первых, кто объездил Советский Союз после Октябрьской революции. Возвратившись, он рассказывал всем о том, какое воодушевление царит среди советских людей и какая внутренняя уверенность светится на всех лицах, несмотря на материальную нужду и угрозы, идущие извне. Большинство собеседников слушало его скептически и даже недоброжелательно. Но было много и таких, которые выражали ему свои симпатии. Когда в Германии поднялась первая волна белого террора, он чуть не погиб за свое восторженное отношение к Октябрьской революции.

Ему пришлось и в дальнейшем выдержать немало нападков и в собственной стране и за границей. Меня влекло к нему. Однако многие западные интеллигенты ненавидели Советский Союз почти животной ненавистью, и меня самого некоторые друзья ставили перед выбором: либо ты со мной, либо с ним, с Г. Л. Я стал на его сторону.

...Пришло второе испытание. Советский Союз заключил договор о ненападении с Гитлером. Антифашисты целыми группами отходили от Советского Союза. Мой друг Г. Л. не дал себя сбить с толку. Он был убежден, что Советский Союз имел правильные, разумные основания для заключения договора о ненападении и что цель Советского Союза — построение социалистического общества — осталась неизменной. Его высмеивали. Самые близкие люди покинули его. В своем эмигрантском уединении он ушел в себя еще больше.

Пришла война и с ней — величайшие бедствия для Советского Союза. Многие, даже вернейшие друзья, уже заранее оплакивали гибель Советской страны. Но мой друг Г. Л. думал по-другому. Настали дни побед под Москвой, под Сталинградом. Пришла сверхающая, окончательная победа Советского Союза. Сиял и мой друг Г. Л.

Потом началась «холодная война» и с нею — новые трудности для моего друга. Так как он был твердо уверен в миролюбии Советского Союза, многие опять стали издеваться над ним, а иногда и брали в штыки; случалось, что он подвергался преследованиям и со стороны официальных кругов.

«Разве вы не знаете, что идет «холодная война»? — кричали ему в уши со всех сторон, стоило ему проронить хоть одно слово в пользу Советского Союза. Его вера в Октябрьскую революцию и в достижение ее конечной цели оставалась непоколебимой.

Сороковая годовщина Октябрьской революции — это один из лучших дней в его жизни».

В эти дни мы отмечаем столетие со дня рождения великого писателя Лиона Фейхтвангера. Все в наше время рядом — и прошлое и настоящее. Тем более если настоящее входит составной частью в прошлое и наоборот. В удивительной по стилю статье «Автор о самом себе» Фейхтвангер писал:

«Ввиду того, что писатель Л. Ф. позволил себе заметить, что в книге Гитлера «Моя борьба», содержащей 164 000 слов, 164 000 раз нарушены правила немецкой грамматики или стилистики, собственные книги писателя Л. Ф. были преданы поруганию, на него было возведено 943 чрезвычайно грубых клеветнических обвинения и 3248 просто грубых, а в 1584 инспирированных свыше газетных статьях и 327 выступлениях по радио его книги были объявлены ядом для германского народа. 20 экземпляров этих книг, кроме того, были торжественно сожжены. Остаток же этого яда с одобрения германского правительства по-прежнему продавался за границей в немецком издании, что давало германскому правительству иностранную валюту. Таким способом Германский государственный банк, кстати сказать, конфисковавший текущие счета писателя Л. Ф., пополнил свою кассу еще на 13 000 долларов, из коих писателю Л. Ф. достались 0 долларов. После этого субсидируемый государством ипотечный банк потребовал от писателя Л. Ф., чтобы он ввиду конфискации его дома и имущества покрыл ссуду размером 63 214 имперских марок, выданную под закладную на этот дом, из своих дальнейших литературных заработков вне Германии. Германские же финансовые органы, перестав получать налоги с конфискованного имущества, приговорили писателя Л. Ф. к крупным штрафам, и прежде всего за «вывоз капиталов за границу».

...В дни празднования столетия писателя у меня снова перед глазами тихий дом Фейхтвангера в Лос-Анджелесе. Неторопливая беседа. Умный, спокойный взгляд писателя. Его верная подруга, прошедшая с ним всю жизнь, Марта.

Уже потом, когда мы в темноте сели в автомашины, нас встретил гремющий и ревуший Лос-Анджелес. Но это были недолгие мгновения. А навсегда, навечно останутся для всего человечества глубинные, сложные книги великого писателя, который не сразу находил разгадку в сердцах людей, не торопился судить их, но узнав, уже не стеснялся высказывать свои симпатии и антипатии запоминающимся словом художника на вечные времена.

США БЕЗ ГРИМА

Америка — ведущее государство капиталистического мира. Она добилась многого в различных областях человеческой деятельности. В то же время там десять миллионов граждан не имеют работы. В стране, кишащей огромным размахом строительства и современной архитектурой, миллионы людей не имеют крыши над головой.

Америка держит первое место по преступности. В городских джунглях страх и насилие сопровождают людей, калечат их психику. По словам апологетов американского образа жизни, американцы живут в «массовом», «постиндустриальном», «сверхразвитом» обществе. Но это общество известно также тем, что в нем царят бесправие, насилие и угнетение, где правит его «препохабие» капитал.

Интерес к стране за океаном был у нас издавна. Познания об Америке были подчас разноречивыми и путаными.

Разнообразна, пестра, временами непонятна и загадочна жизнь в этой стране. И изданная в Ленинграде книга «Очерки советских писателей об Америке» (составитель, автор послесловия и комментариев М. А. Сапаров) является скрупулезным изучением американской действительности, глубоким проникновением в политику, экономику и культуру Америки, высвечивающим непознанные пласты жизни народа. Советскими литераторами прослеживается огромный отрезок времени — с начала XX века до наших дней, и читателю представляется хорошая возможность проследить за кульбитами и парадоксами американской действительности.

Сборник открывается очерком Максима Горького «В Америке», написанным в 1906 году, и представляет он картину страны начала нашего века. Честные, бескомпромиссные строки зачинателя советской литературы Максима Горького о стране «желтого Дьявола» явились для многих откровением. Роскошь богатей и нищета низов поразили писателя: «Я очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо ее зеленое, бескровное, костлявое лицо. Ее глаза, тупые от голода и горячие жадностью, хитрые и мстительные или рабские, покорные и всегда нечеловеческие, я всюду видел, но ужас нищеты Ист-Сайда — мрачнее всего, что я знаю».

Какие же изменения произошли с тех пор? Читая очерки Генриха Боровика или Николая Грибачева, Юрия Жукова или Василия Пескова и Бориса Стрельникова, Сильвии Капутиной или Виталия Коротича, других советских писателей и публицистов, видишь, что капитализм в своей изначальной форме, в своей философии и морали, в своем стремлении выжать из человека все соки ради наживы остался все тем же алчным, ненасытным зверем. Доллары подменяют подлинные человеческие ценности, золотой телец превращается в божна, на который молятся миллионы жителей этой страны.

Несмотря на кажущуюся фрагментарность описания американской жизни, очерки в совокупности дают полное представление о различных явлениях американской действительности, но что более важно, на мой взгляд, показывают

Очерки советских писателей об Америке. Л., Лениздат, 1983, 576 с.

простого американца, раскрывают его изнутри. И делается это разнообразно, без повторений и одинаковостей. Как яркие и злободневные высказывания Сергея Есенина и Владимира Маяковского о крушении духовных ценностей американского общества в 20-х годах, так многозначительны слова о сегодняшней «массовой» культуре в очерках Генриха Боровика и Станислава Кондрашова.

Достоверность данного сборника и в том, что советские писатели передают свои мысли, суждения, оценки через непосредственные встречи и беседы с американцами. Многие из них жили в стране не день и не два. Так, Максим Горький находился в США более полугода, Владимир Билль-Белоцерковский вынужден был скитаться по Америке шесть с половиной лет и работал там «от окошечка небоскреба до участника «голодного марша» безработных из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско», И. Ильф и Е. Петров прожили в США свыше трех месяцев, дважды пересекали страну из конца в конец. Другие, как Генрих Боровик, Мэлор Стурзуа и Станислав Кондрашов, были корреспондентами в этой стране и проработали там много лет. У всех у них было время для глубокого изучения американской действительности.

Конечно, в сборнике собраны не все очерки советских писателей об Америке, но думается, самые лучшие, которые несут на себе отпечаток авторской индивидуальности и стилистического своеобразия. Каждый очерк охватывает какую-то часть жизни американского общества и рассматривает его проблемы через призму философского обобщения и скрупулезного анализа. Художественная пронзительность писателей дает возможность глубокого проникновения в социальную суть процессов Америки.

Да, жизнь в Америке отлична от нашей по всем параметрам. Не только в социальном и экономическом плане, но и в психологическом и моральном. Непосредственные свидетельства мастеров писательского труда о буднях сегодняшней и вчерашней Америки способствуют взаимопониманию и сотрудничеству двух великих народов, сохранению и упрочению мира на земле.

В. ДУНАЕВ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР

Даже лояльных рейгановцев начало бросать в дрожь. (И снова аналогия с «Уотергейтом». Никсон защищал до конца двух своих главных помощников — узурпаторов его доверия Холдемана и Эрлихмана. И погорел на этом.) Он же потянет Рейгана ко дну — кивали они в сторону Миза, который тоже начинал срываться и обругал журналистов, назвав их «убийцами репутации». А о сенаторах-демократах всегда благодушный Миз сказал, что это люди, которые не имеют «никакого понятия о справедливости, приличии и чести».

Вечером того дня, когда всплыли имена Люса, Грея, Маккина, Миз пригласил в Белый дом Тэрмонда, лидера республиканцев в сенате Говарда Бейкера, сенатора Пола Лэсколта. Все были не новички в политическом поkere, но никто точно уже не знал, на что он может ставить, какая следующая карта ему нужна.

Обсуждался вариант: «покопаться» в прош-

в результате чего и появилась новая подробность из частной финансовой жизни рода Мизов.

Она, эта подробность, выглядела по сравнению с предыдущими откровениями довольно невинно. Супруга, мадам Урсула Миз (в прошлом офицер полиции), взяла займы 15 тысяч долларов у калифорнийского друга ее мужа Эдвина Томаса. Займ был беспроцентный, что в Америке бывает довольно редко, и не был зафиксирован ни в одном из финансовых отчетов Эда Миза, хотя он был обязан это сделать по «Закону об этике в правительстве». Деньги были вручены Урсуле 7 января 1981 года, а через 22 дня после этого Томас стал помощником Миза с окладом в 59 500 долларов в год, а чуть позднее на правительственную работу с окладом 30 тысяч долларов попала жена Томаса — Гретхен, потом и сын Томасов. А вот это — протекция Эдвину, Гретхен и их чаду — квалифицируется «Законом об этике в правительстве» как мелкое, но все же уголовное преступление.

глубоко увяз в скандале. В настоящее время Белым домом предпринимаются отчаянные закулисные попытки замять скандал».

На пресс-конференции в Вашингтоне профессор права университета Джорджа Вашингтона Дж. Банзаф и адвокат П. Майерс квалифицировали «беспристрастное» разбирательство, затеянное министерством юстиции по команде Белого дома, как попытку свести все к расследованию «финансовой помощи», полученной Мизом, и вывести из-под удара Миза, а вместе с ним Кейси, Бейкера и других в деле о краже президентских документов. Юристы призвали назначить специального прокурора. В течение 19—20 марта всплывали имена новых финансовых благодетелей главного советника президента, названия компаний, вкусивших прелесть дружбы с «правой рукой» Рейгана. Вечером 20 марта в телевизионных новостях корреспондент Эн-би-си К. Стерн ошарашил Миза зловещей для него новостью: «Министерство юстиции начало запускать пробные шары, намекая, что оно мо-

КРАЖА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

В БЕЛОМ ДОМЕ

лых деловых операциях Метценбаума и «блокировать нападки на Миза».

Взвешивалась серьезность заявления федерального судьи Гарольда Грина, что он рассматривает вопрос о назначении специального прокурора по делу о краже картетовских бумаг.

Обменивались мнениями о слухах, что вскоре Элбоста собирается выпустить обширный доклад по «рейгангейту», в котором не будет никаких сенсационных разоблачений, но будет выявлена масса несоответствий, неувязок, разногласий в показаниях, к которым конгрессмен привлек более широкий круг людей, нежели ФБР.

На этом интимном совещании Миз был раздражителен, он не хотел слушать ни о каком специальном прокуроре, он требовал для себя поста министра. Но даже Тэрмонд заколебался: не из-за Миза, а из-за своих коллег сенаторов-республиканцев в комиссии, в настроении которых он явственно уловил перемену.

Они разъехались, пообещав все же друг другу сделать все, чтобы в ближайшие дни юридическая комиссия сената утвердила Миза.

А через пару часов вышел первый выпуск очередного номера газеты «Вашингтон пост». Еще немного — и информационные агентства передали сообщение о статье в номере, оно было подхвачено радио и телевидением. Экстренная новость в «деле Миза».

В ту ночь на вилле Миза в Маклине под Вашингтоном не ложились спать. Гудел непротолкнувшийся телефонный кабель между маклинской виллой и Белым домом. Телефонные собеседники впервые спросили друг друга, а не мстит ли им Картер за 1980 год, не застал ли он своего резидента в Белом доме,

Мадам Урсула Миз вложила займ Томасов в акции «Биотех капитал корпорейшн». А дальше специалистам уже нечего было делать. Помощники Метценбаума и других сенаторов-демократов быстро установили, в каких компаниях и предприятиях имеют акции Мизы. И выявилась поразительная вещь: все эти фирмы пользуются режимом наибольшего благоприятствования у Белого дома и администрации. Получают прекрасные гарантированные контракты, миллионы долларов наивыгоднейших займов, рассчитываются, когда бог пошлет, и прочее.

Головы демократов сверлили вопрос: а один ли Миз в Белом доме такой приткий? Но всезнающая «Вашингтон пост» молчала. Именно здесь, кстати, возникает вопрос: если предположение о наличии тайного резидента Картера в рейгановском Белом доме было всего лишь первоапрельской шуткой, то все же кто и зачем мог выдать «Вашингтон пост» сверхтайную информацию?

Конечно, ее могли вынюхать «макреры» — разгребатели грязи, придерживающиеся традиций своего родоначальника, великого разоблачителя американской коррупции Линкольна Стеффенса. Могли сделать это и сторонники Мондейла, Харта, Кеннеди, Метценбаума. Наконец, мог сработать кто-то из партнеров Миза по политическому покеру.

Если верить официальным сообщениям, министр юстиции Смит, забыв об отдыхе, провел воскресенье, 18 марта, в совещаниях, посвященных Мизу, в Белом доме. И вот на следующий день Америка узнает, что министерство юстиции приступает к «предварительному расследованию» финансовых операций Миза, которое может занять по меньшей мере 3 месяца. Подоплеку очередного фланта Смита раскрыла английская газета «Дейли мейл»: «Правая рука президента Рейгана Эдвин Миз

жет прекратить свое предварительное расследование, если выяснится, что суждение о законности финансовых операций Миза, включая получение беспроцентных займов, входит в компетенцию специального прокурора».

Итак, все же специальный прокурор? Тень его неумолимо вырастала, как бы подтверждая излюбленную поговорку Агаты Кристи, что у старых грехов длинные тени.

Ровно через сутки К. Стерн сообщил телезрителям, что юридическая комиссия сената начала собственное расследование финансовых дел Миза и обнаружила новые сомнительные вещи, что министерство юстиции игнорирует комиссию, не отвечает на ее запросы. Но, заключил корреспондент, дело быстро приближается к тому, что министерство вынуждено будет согласиться на назначение специального прокурора.

Опять тревожная ночь в роскошном маклинском особняке, три года задиравшем голову среди еще более роскошных вилл министров, сенаторов, генералов, миллионеров, вашингтонских знаменитостей первого ранга. Миз понимал, какой теперь пошел покер, у него хотели вытащить из рук колоду крапленых карт, которыми он притворился игроком, и предложить ему попробовать сыграть на некрапленых.

Ночной звонок: к 7 утра быть в Белом доме! Его встретил главный юрисконсульт президента Ф. Филдинг со свитой юристов Белого дома. Если он не хочет враз распрощаться с местом в правительстве (а если помнит читатель, Миз не только первый советник президента, но и член кабинета и Совета национальной безопасности), он должен согласиться на появление в его жизни специального прокурора.

9 утра. Миз и Рейган садятся рядом за стол

Окончание. См. «Огонек» №№ 26, 27.

и от имени Миза пишут уведомление их общему другу Смигу, что они согласны на специального прокурора, дабы «снять все голословные утверждения, относящиеся к моему имени». А дальше весь уже «честный» покер идет по какому-то скоростному сценарию. Миз посылает Смигу вдогонку фамилии сан-францисского юриста Роберта Уоллаха и вашингтонских юристов Леонарда Гармента и Макса Кампелмана, которые будут представлять его перед специальным прокурором.

Смит обращается в соответствии с «Законом об этике в правительстве» в специальную судебную коллегия из трех судей, и та назначает специальным прокурором 59-летнего вашингтонского адвоката Джэкоба А. Стайна.

Смит временно забирает заявление об отставке и соглашается оставаться на своем посту до тех пор, пока не будет утверждена кандидатура его преемника. Миз продолжает исполнять все свои обязанности в правительстве! Президент дает аудиенцию лидеру республиканцев в палате представителей конгресса Р. Майклу и отмахивается от его предупреждений, что «дело Миза» может стоить мест многим законодателям-республиканцам на ноябрьских выборах. 3 апреля президент делает полстраничное заявление, в котором выражает «удовлетворение» назначением Стайна и призывает его к «полному и беспристрастному расследованию» обвинений против Миза. Рейган разрешает всем работникам администрации «всесторонне сотрудничать» со специальным прокурором, от которого он, в свою очередь, ждет «справедливого и быстрого выяснения всех фактов».

Пресс-конференция президента 4 апреля открылась вопросами о «моральной нечистоплотности», которую демократы усмотрели в нынешней администрации, о нехватке в ней «порядочности». Рейган парировал вопросы рассуждениями морально-юридического свойства и подчеркнул, что в его правительстве царят законы «не менее священные, нежели в наших религиозных храмах, и от тех, кто работает в правительстве, требуется величайшая порядочность... высочайшая порядочность».

Олицетворение высочайшей порядочности—Эдвин Миз тем временем давал интервью газетам, журналам, радио и телевидению. Их лейтмотив: он ни в чем не виноват, во всем виноваты демократы, которые в предвыборных целях пристают к нему, побивая «все рекорды демагогии». «Правда восторгается»,—заявил он журналу «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт»,—правда покажет, что я соответствую критериям министра юстиции — высшим этическим критериям»...

В день пресс-конференции президента специальная судебная коллегия опубликовала наказ Джэкобу Стайну. Первые три пункта в нем касаются финансовых дряг. Четвертый — статуса Миза в армейском резерве. В пятом, последнем пункте ему наказано расследовать заявления Миза относительно материалов предвыборной кампании Рейгана в 1980 году... Да... Труднейший наказ! Или, если смотреть с другого бока, легчайший наказ! Миз-то по данной проблеме основывал все свои заявления на принципе «провала памяти». Новейшая американская история знает вынужденное назначение президентом Никсоном и его министром юстиции специальным прокурором по «уотергейтскому делу» в 1973 году. Затем тот же министр, отказавшись выполнить приказ Никсона уволить специального прокурора, подал в отставку. Его преемник уволил «яблоко раздора» и назначил новое «яблоко».

После долгой и острейшей закулисной возни, в которой не раз пришлось скрестить шпаги командам Белого дома, Верховного суда, конгресса, министерства юстиции, в 1978 году был принят «Закон об этике в правительстве», призванный не допустить повторения «уотергейтов». Он, как мы видели, предусматривает назначение специального прокурора — дабы не повторялись никсоновские «ночи длинных ножей» — судебной коллегией.

Стайн — четвертый по счету специальный прокурор после принятия Закона. Первые два назначались соответственно в 1979 и 1980 го-

дах для расследования обвинений в употреблении наркотиков, выдвинутых против помощников Картера. Третий назначался в 1981 году для расследования связей с мафией рейгановского министра труда Р. Донована.

О вашингтонском адвокате, которому поручено исключительно важное дело, одни пишут противоречиво, другие — однозначно и объективистски, третьи — тенденциозно. Последнее, как ни странно, относится преимущественно к его коллегам по профессии. Бросается в глаза, что назначение Стайна в целом с удовлетворением воспринято в окружении Миза. Его адвокат Л. Гармент (бывший юрисконсульт и друг Р. Никсона) сказал представителю «Нью-Йорк таймс»: «Мы рады, что судебная коллегия действовала быстро и назначила выдающегося адвоката независимым прокурором. Мы с удовольствием будем сотрудничать с ним».

В заявлении Гармента, как юркая мышь, проскальзывает радость, что специальным прокурором назначен не прокурор, не следователь, а именно адвокат. Действительно, после окончания юридического факультета столичного университета Джорджа Вашингтона в 1948 году Стайн — коренной вашингонец — всю свою юридическую карьеру построил на адвокатской практике. Он вел и гражданские и уголовные дела, занимаясь, по его словам, «всем, что подворачивалось под руку». Поднакопив денег, он стал партнером небольшой, но известной частной адвокатской конторы в Вашингтоне — «Стайн, Митчелл энд Мезинс». В 1982—1983 годах занимал престижный пост председателя коллегии адвокатов Вашингтона.

О диапазоне дел, которые вел Стайн в последнее время. Он представлял бывшего пресс-секретаря Рейгана Дж. Брейди в его иске против Дж. Хинкли, который, как известно, в марте 1981 года легко ранил Рейгана и тяжело ранил Брейди. Безусловно, такой клиент ввел Стайна в круги Белого дома. Несколько последних его клиентов обвинялись в торговле крупными партиями наркотиков, а также содержании сети публичных домов. Это мафия, которую не очень любят представлять дорожащие своей репутацией американские адвокаты.

Наконец, последнее наблюдение. Оно принадлежит «Уолл-стрит джорнэл»: «Один из вашингтонских адвокатов даже выразил удивление в связи с тем, что Стайн назначен расследовать дело Миза, а не защищать советника президента. Он уже представлял в суде нескольких адвокатов и судей, которые обвинялись в различных злоупотреблениях, и, как утверждают, он заявил, что «юристы являются прекрасными клиентами». Миз по образованию и практике юрист».

Не успел специальный прокурор приступить к делу, как новые взрывы добавили хлопот Мизу и республиканцам. Ограничимся знакомством с тремя.

1. Миз обязан был отчитываться о тех своих поездках по Америке, которые обошлись ему более чем в 250 долларов. С января 1981 года он представил лишь 9 отчетов, хотя предпринял 130 поездок. Почему? «Нечаянные упущения». Вопрос о том, кто оплатил поездки Миза, остается открытым. По-видимому, финансовые благодетели — «жирные коты».

2. В ходе предвыборной кампании 1980 года он являлся главным юрисконсультом одного из комитетов политических действий — изобретенных не так давно «американской демократией» инструментов финансирования частным капиталом выборов. Мизовский комитет «Граждане для республики», как и другие такие комитеты, имел право внести в фонд «Рейган в президенты», руководителем которого был... Миз, не более 10 тысяч долларов. Однако комитету «Граждане для республики» было плевать на закон, и он передал в фонд «Рейган в президенты» почти 200 тысяч долларов. Федеральная избирательная комиссия гонялась за Мизом в течение января — февраля 1980 года. Он же не ответил ни на одно ее письмо, ни на один из многочисленных телефонных звонков, не явился в федеральный суд в Калифорнии, куда затребовали его юристы комиссии. И лишь теперь в отзвуках сенатской канонады комитет «Граждане для

республики» согласился уплатить 1000 долларов штрафа, а «Рейган в президенты» — 4000 долларов штрафа федеральной избирательной комиссии за нарушение «американской демократии».

3. Был на рубеже 1980 и 1981 годов и фонд (500 тысяч долларов), который жертвователи соорудили, чтобы покрыть расходы, связанные с принятием Рейганом власти от Картера. Кто финансовый опекун фонда? Эд Миз. Сенатор Метценбаум и его коллеги установили, что именно Миз же не давал три с лишним года Главному счетному управлению (независимый ревизорский орган конгресса) подступиться к финансовому grossбуху фонда, если такой вообще имеется. Что стало с полумиллионном? Неизвестно. Есть только подозрение, что гононар из него Мизу за «консультации» был достоянием его веса в Белом доме.

Что могут означать новые сенсационные разоблачения? Президент неоднократно повторяет мысль: стрельба по Мизу — это стрельба не по Мизу, а стрельба по нему — президенту. («Я — тот орел, за которым они охотятся с помощью демагогии!») Он, наверное, не далек от истины, хотя трудно сказать, кого действительно хотели бы «подстрелить» демократы.

Политический покер — вещь колючая, сыграть его недаром поручили «юридическому гению» на Потомаке, как назвал Джэкоба Стайна журнал «Тайм». Из кулуаров проводимого им расследования исходят прогнозы, что раньше начала осени дело не закончится. Попытался было спутать карты политиканов — игроков в покер председатель федерального окружного суда в Вашингтоне Гарольд Грин. Он вынес постановление, обязывающее министра юстиции У. Ф. Смита назначить в соответствии с законами специального прокурора для расследования исключительно кражи документов и президентских материалов в 1980 году.

Смит опротестовал данное постановление, в результате чего апелляционный суд решил, что должны быть назначены слушания по этому делу, на которых Грин и представители Смита изложат свои доводы.

Едва состоялось решение апелляционного суда, который явно подыгрывал Белому дому, как был опубликован упоминавшийся 2400-страничный доклад подкомиссии конгресса под председательством Д. Элбосты, и в нем также содержалась рекомендация министру юстиции назначить специального прокурора. Вряд ли Элбоста проявил недоверие к специальному прокурору Стайну. Просто он хотел лишить спокойствия Кейси, Бейкера и К² — героев «рейгангейта», торжествовавших в глубине души, что расследование Стайна сосредоточивается на коррупции Миза. Требование Элбосты набирает силы в конгрессе, в конце мая в его поддержку выступил спикер палаты представителей Томас О'Нейл. Призрак специального прокурора по «рейгангейту», как кошмар, преследовал республиканскую администрацию. В частности, по следующей причине.

«Подкомиссия пришла к выводу, — говорится в докладе конгрессменов, — что лучшее доказательство указывает на то, что ориентирующие материалы Картера к дебатам попадали в организацию Рейгана — Буша через директора этой предвыборной организации Уильяма Дж. Кейси и что Кейси снабжал картеровскими ориентирующими материалами Джеймса А. Бейкера, как заявил Бейкер, чьи показания подтверждены свидетелем, заслуживающим доверия». Тем самым отвергается на сто процентов цитируемое выше положение из доклада министерства юстиции от 23 февраля о полной неизвестности, окружающей путь, проделанный ориентирующими материалами из одних рук в другие. Большинство подкомиссии сочло абсурдным вывод министерства юстиции, будто противоречия в показаниях республиканских лидеров (прежде всего Кейси, Бейкера и Миза) можно объяснить их плохой памятью или разным толкованием фактов. Иронически конгрессмены заявляют, что скорее дело тут в их «неискренности, неоткровенности». Выход предлагается один (как и судьей Грином) — вызов их на Большое феде-

ральное жюри в сопровождении специального прокурора.

Законодатели придерживаются противоположного министерству юстиции мнения относительно отсутствия якобы нарушений каких-либо норм уголовного права. Они показывают, что похищенные документы были собственностью федерального правительства, считая несерьезным мнение министерства, что «никаких правительственных документов» организации Рейгана не попадало. Зыбкость позиции республиканцев в этом вопросе особенно бросается в глаза. «Ни один видный сотрудник Белого дома не санкционировал передачу материалов... и признание в получении и использовании этих материалов во время кампании Рейгана — Буша (министерство юстиции выдало вслед за Бейкером, Стокманом и др. такое признание в докладе от 23 февраля.— Прим. авт.) само по себе служит конкретным и достоверным доказательством того, что было совершено преступление» — это лишь маленькая обобщающая частичка обширного материала в докладе подкомиссии, в котором она демонстрирует, что ею собраны достоверные доказательства, что передача картеровских ориентирующих материалов была сопряжена с совершением **уголовного преступления**. В письме Элбосты министру юстиции Смит, в котором ставится вопрос о назначении специального прокурора, говорится: «Подкомиссия (конгресса) имеет доступ к значительно большему объему материалов, нежели использовалось судьей Грином, когда он выносил свое постановление,— материалов, дающих конкретное и достоверное свидетельство совершенного преступления».

* * *

Возглавляемая Элбостой подкомиссия по людским ресурсам комиссии по делам почт и государственных служащих неслаучно занимается сомнительными вопросами, оставшимися после избирательной кампании 1980 года. Именно на эту подкомиссию в палате представителей возложены функции своего рода юрисдикции, наблюдения за исполнением «Закона об этике в правительстве». Применить этот громкий закон в реальной американской политической жизни очень сложно, его трактовка весьма противоречива. В докладе подкомиссии Элбосты говорится, что данный закон носит процессуальный характер, его цель — обеспечить соблюдение федеральными служащими различных законодательных актов, статут, положений, предписаний, правил. Нынешняя администрация смотрит на «этический» закон как на юридическое оружие укрепления власти республиканцев.

На основе своего толкования закона подкомиссия Элбосты поставила в затруднительное положение правительство, когда она, призывая министра юстиции Смита назначить специального прокурора, не ограничилась требованием провести новое тщательное расследование хищения картеровских документов. Она также потребовала проверить, мягко выражаясь, точность и правдивость показаний, которые были получены от различных лиц как Федеральным бюро расследований, так и подкомиссией по людским ресурсам. Ибо, как подчеркивает доклад подкомиссии, многие показания были «сомнительными... подозрительными... не поддававшимися проверке».

Ложные показания могут повлечь за собой штраф до 10 тысяч долларов или тюремное заключение сроком до 5 лет. Перспектива того, что специальный прокурор вскроет обман или даже мошенничество, отнюдь не улыбается власти, придерживающейся в Потомаке.

Накануне президентских выборов призрак уголовного разбирательства лиц из ближайшего окружения претендента на переизбрание в Белый дом, безусловно, как кошмар, преследует республиканскую верхушку.

В сообщении агентства Ассошиэйтед пресс отмечалось следующее обстоятельство: «Рекомендуя назначить специального прокурора, подкомиссия заявила в докладе, что она не нашла «никаких улик» участия лично Рейгана в незаконной операции с ориентирующими материалами и другими документами администрации Картера».

Но некоторые американские обозреватели не могут удержаться от напоминания, что речь идет о «Законе об этике в правительст-

ве» и этическая сторона истории для них весьма непривлекательна, если в особенности при рассмотрении к стилю работы хозяина Белого дома.

Мы опять перелистываем книгу Лоуренса Баррета «Азартная игра с историей. Рейган в Белом доме», выход которой породил весь этот «рейгангейт». Эпизод с использованием картеровских материалов лаконичен, занимает одну треть страницы 382, где речь идет о «**рейгановском кроте** в картеровском лагере, тащившем бумаги, содержавшие главные мысли, к которым президент (Картер) планировал прибегнуть на дебатах по телевидению с Рейганом».

Конгрессмен Дэвид Стокман, гласит книга, поторопился в Вашингтон из штата Мичиган, где он в поте лица зарабатывал себе переизбрание в конгресс, и, к своей неопишуемой радости, узнал, что практически всю подготовительную работу, которую он должен был провести прежде, чем начать репетиции с Рейганом его будущих теледебатов с Картером, уже проделали за него. Поэтому ему оставалось лишь отшлифовать исполнение роли Картера на предстоящих репетициях. Общее руководство подготовкой Рейгана к «этой решающей схватке на телеэкране» осуществлял Джеймс Бейкер. Позднее, когда все было позади, подчеркивает Баррет, «до рейгановцев дошло, что материалы, добытые их осведомителем, включали в себя все до единого важные положения, которыми козырял Картер».

Вот что означала налаженная Уильямом Кейси разведывательная работа в стане демократов — работа, квалифицируемая американскими уголовными кодексами как преступление.

С 382-й страницы книги Баррета, считающегося сейчас ведущим биографом 40-го президента, перейдем к другим разделам этого в целом апологетического по отношению к Рейгану произведения. Внешне они не связаны с эпизодом репетиций перед теледебатами, но внутренне они неотделимы, образуя единую органическую ткань, проливающую свет на характер такого события, как подготовка к «решающей схватке».

Нынешний хозяин Белого дома, считает биограф, плохо разбирается в философии, экономике, финансах, дипломатии и пр. Он слабо знает географию и другие науки. В связи с этим он передоверяет многие свои обязанности тем подчиненным, которым он верит. Но есть одна сфера, которую он не выпускает из собственных рук. Это сфера пропаганды, политической рекламы, или сфера использования «коммуникационных средств».

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Из дневника президента Картера: «17 июля 1980 г. В 9.00 утра я позвонил Рейгану и поздравил его с победой (на съезде республиканской партии). Сказал ему, что рад был бы возможности провести несколько дебатов в различных регионах страны. Он дал благоприятный ответ...».

Из мемуаров Картера, изданных в 1982 году, более чем за год до начала скандала «рейгангейт»: «Моя политическая команда хотела наметить большую серию дебатов с тем, чтобы преодолеть естественное преимущество, которое Рейган как профессиональный исполнитель обретет в первоначальных дебатах. Мы были убеждены, что, если состоится серия дебатов, он и я дойдем до конкретных проблем внешней и внутренней политики, что даст мне преимущество».

* * *

Избирательная кампания 1980 года открылась партийными собраниями в штате Айова, предшествовавшими первичным выборам в Нью-Гэмпшире. Баррет летел в Айову вместе с Рейганом в маленьком самолете, вмещавшем 9 человек. В кабине царил атмосфера раскованности, все балагурили, трудился лишь один человек, два часа, не прерываясь, он писал на небольших квадратных листках тезисы своего выступления по телевидению Айовы. Два часа работал над речью Рейган, отклоняя предложения профессиональных составителей речей подключиться к делу.

С одной страницы на другую Баррет повторяет: пропаганда не была для него второстепенным делом, стратегия и тактику пропа-

ганды он никому не передоверял, как передоверял многие другие проблемы. Но вот здесь и возникает вопрос. Если для «создателя и главного доставщика посланий» так важно было все продумать перед выступлением в штате Айова, где проживает полтора процента американских избирателей, то что предпринимал «профессиональный исполнитель», готовясь предстать перед всеми американскими избирателями рядом с президентом Картером?

Венцом усилий стали телевизионные дебаты в Кливленде 28 октября 1980 года. Десятки миллионов телезрителей не знали, однако, что уверенный в себе, остроумный и такой эрудированный человек, каким предстал «профессиональный исполнитель», шел на дебаты, вооруженный политической информацией из сейфов Белого дома и Совета национальной безопасности, государственного департамента и Разведывательного управления министерства обороны.

Американские специалисты по разведке приравнивают эту информацию, оказавшуюся в руках Кейси, к категории особо секретной разведывательной информации. И кстати, у нынешнего Рейгана абсолютно недвусмысленное отношение к такого рода информации. Выступая в конце мая в штаб-квартире ЦРУ, президент Рейган угрожал вышшими карами за «организацию утечки секретов вследствие несанкционированных и незаконных разглашений секретной информации», ибо это является «неподобающей, неэтичной и просто преступной акцией». А что же тогда было, когда Кейси организовывал не только утечку, но и кражу секретов у правительства Картера?

Кейси отреагировал на доклад подкомиссии Элбосты словами, что сей документ не содержит «твердых улик» и что его опубликование продиктовано «политическими мотивами». Рейган в штаб-квартире ЦРУ, уже будучи знаком с обвинениями подкомиссии, превозносил до небес заслуги Кейси в том, что шпионское ведомство США работает как никогда «продуктивно», выполняя «новые жизненно важные миссии, которые несколько лет назад многие называли бы практически неосуществимыми и нереальными».

* * *

При рассмотрении в конце июня апелляции министра юстиции Смита, опротестовавшего постановление судьи Грина о необходимости назначить специального прокурора, окружной апелляционный суд Вашингтона не вникал в существо дела. Он посвятил себя целиком интерпретированию громкого, но пустопорожнего «Закона об этике в правительстве», постановив, что механизм назначения специального прокурора не может быть запущен без согласия министра юстиции. Члены апелляционного суда не вняли мнению Грина, что в течение истекшего года, пока проводилось расследование, министр юстиции вел себя «деспотически и незаконно». Они пропустили мимо ушей и рекомендацию Грина путем назначения специального прокурора отстранить от «особо чувствительного политического дела» министра юстиции. Ибо он был назначен «по политическим соображениям», что лишает его беспристрастности в делах, затрагивающих высшие интересы администрации.

Американская пресса не скрывает изумления быстротой, с которой собрался и вынес решение апелляционный суд. Похоже, что не одной республиканской партии хотелось бы поскорее раздаться с неприятной историей, которая хоть и с малой скоростью, но продолжает катиться по скоростной предвыборной автостраде и мешает некоторым гонщикам.

У Грина и разделяющего его беспокоейство небольшой группы юристов остается пока один ход — обратиться в Верховный суд. Но слабость Грина, Элбосты и других в том, что до сих пор в юридическую и политическую борьбу не включались руководители демократической партии и стоящие за ними влиятельные круги. У них нет единства мнений в отношении случившегося. Перспектива обострения противоборства не устраивает правящую элиту. Однако кампания по свертыванию дела проходит не совсем гладко. У республиканцев не выходит из головы Миз да и различные проблемы этического и криминального свойства.

С. Гуськова — Вера и В. Баринков в роли Ступанова.

Честен, исполнитель, хороший хирург... В мирное время этих качеств, коими, бесспорно, обладает военврач Ступанов, может, вполне достаточно, чтобы считать его достойным человеком. Однако в тяжкое военное лихолетье, о котором идет рассказ в спектакле «Белая палатка» на сцене Центрального театра Советской Армии, человек испытывается не только на дисциплинированность, не только на мужество и стойкость. Настоящим защитником Родины его делает способность забыть о себе, отрешившись от эгоистического «я»; пожертвовать самым дорогим во имя общего дела. Не все были готовы к этому в начале войны; сложными, порой трагичными путями шли инь и самоотречению.

Такой вот путь выпал и на долю военного хирурга Ступанова, ибо оказалось, что недалеко от истины был один из его прежних коллег, заявивший когда-то в запале: сердце у Ступанова находится под пряжкой ремня!.. Но истина не всегда однозначна. Да, врач Ступанов проявил бездушную «исполнительность», когда, следуя лишь букве предписания, не принял в госпиталь машины с тяжелоранеными из-за того, что они не прошли предварительную обработку в медсанбате. В результате умерло три человека. Но это роковое решение родилось у него в минуты невыразимых сердечных — именно сердечных! — мук, связанных с поиском исчезнувшей единственной его дочери — санитарки Веры. Сколь нежно и слепо любит он ее, столь яростно ненавидит любимого Верой лейтенанта, в ком с первого взгляда видит угрозу разлуки с дочерью. Эта угроза преследует отца постоянно, и, чтобы избежать ее, Ступанов даже старается удерживать госпиталь, а значит, и дочь, подальше от передовой, от смертельного огня.

Артисту Валерию Баринкову выпала нелегкая задача, ибо образ Ступанова, заданный автором пьесы лауреатом Государственной премии СССР Иваном Стадником, многопланов и противоречив. С одной стороны, страстная эгоистическая любовь отца, а с другой — явная холодность, нетерпимость к людям; добросовестность и одержимость своей профессией и вдумчивость — непостижимое «буквоедство», чуть ли не бюрократизм, толкнувшие на преступление.

Как становится известно, Ступанова судил военный суд, но театр дает нам возможность судить его, так сказать, судом человеческим. И до чего же трудно нам, зрителям, вынести герою окончательный приговор, тем более что в талантливом исполнении В. Баринкова Ступанов менее преступник, чем жертва собственных ошибок и заблуждений. Страшной ценой приходит он к осознанию своей вины. Речь тут не о профессиональной, не о гражданской вине (за это он

уже наказан по всей строгости закона), а о нравственной, личностной: той вине, которая поломала жизнь и сломила его самого, которая лишила единственно дорогого ему человека. Трагическая, но и неотвратимая расплата за внутреннюю несостоятельность, за попытку как бы противопоставить себя всему миру — чтить свои выдуманные законы выше общечеловеческих...

И в этом прочтении пьесы, заставившем зрителя «ломать голову», мучиться вместе с героями и сопереживать им, видится, конечно, большая заслуга режиссера-постановщика Виталия Ованесова и художественного руководителя постановки, заслуженного деятеля искусств РСФСР Иона Унгурияну.

Спектакль населен интересными персонажами, или характерами, каждый из которых несет в себе определенную идею. Это в первую очередь и бескомпромиссный, преданный своему делу генерал-майор медслужбы Любомиров (К. Захаров), и его жена Киреева в исполнении В. Савельевой, женственная, чуткая и абсолютно бесстрашная. Это очаровательный лейтенант медслужбы Светлана Цаца Л. Кобылиной — сочетание лунной ребяческой бесшабашности, задиристости и глубокой верности в дружбе; разведчик Савинов (А. Инжеватов), человек надежный и справедливый, из тех, кто прежде болеет больше других, а потом уже своей.

— В этой пьесе, — сказал Иван Фотиевич Стадник, — мне как фронтовику хотелось сказать доброе слово о врачах — воистину бойцах переднего края, об их беззаветной храбрости и самоотверженности. Они столько сделали для Победы, нередко жертвуя жизнью, порой повторяя подвиг Матросова... Помните в спектакле эпизод, когда Любомиров и Киреева идут на верную гибель, пытаются вытащить из плеча раненого засевшую там мину, которая взрывается от первого прикосновения... А сколько еще таких эпизодов, таких мгновений между жизнью и смертью оставила в памяти война!..

Долг искусства — навсегда сохранить эти мгновения в памяти поколений. «Белая палатка» на сцене ЦАТСа — явление яркое. Спектакль создан неравнодушными людьми, которые подошли к теме взволнованно, искренне, стремясь найти точные и емкие средства художественной выразительности. Это относится не только к режиссерам, актерам, но и к художнику А. Боровскому-Бродскому и к композитору И. Афанасьеву, чья песня на стихи И. Шаферана создает особую атмосферу торжественности и печали: «...Но ты до сих пор о победе не знаешь, а я ее встретил живым...»

Н. МИХАЙЛОВА

В № 29 «Огонек» начинает печатать документальные воспоминания «Так готовилось 22 июня 1941 года» немецкого антифашиста Герхарда КЕГЕЛЯ, работавшего в предвоенные годы сотрудником германского посольства в Москве.

НЕУТОМИМЫЙ БУБКА

ДИАЛОГ ДВУХ РЕКОРДСМЕНОВ

Необозримо владения королевы спорта, как величают легкую атлетику. В нее входят 24 мужских вида, и одним из самых сложных надо считать прыжки с шестом. Они требуют от спортсменов скорости спринтера, выносливости марафонца, силы метателя молота и ловкости, сравнимой лишь с ловкостью гимнаста. Трудно себе представить, как могут соединиться все эти атлетические достоинства в одном человеке. Но они соединяются. Вот перед нами такой шестовик-«полизлот». Его фамилия — Бубка, и сейчас за его успехами следят любители легкой атлетики всех пяти континентов. В прошлом году 20-летний Сергей Бубка стал первым чемпионом мира, преодолев после шести часов борьбы высоту 5 метров 70 сантиметров, а в нынешнем сезоне он дважды превысил мировой рекорд.

Но расскажем об этом замечательном спортсмене по порядку. Десять лет назад на него обратил свое внимание донецкий тренер В. Петров, и после двух лет тренировок Сережа Бубка добился своей первой победы на высоте 2 метра 70 сантиметров. Медленно, постепенно покорялась высота молодому прыгуну — 3,50, 3,60, 4,40, 4,80... В 1980 году он вышел на гротескнейший пятиметровый рубеж. На матче СССР — ГДР он поднял потолок прыжка до 5 метров 40 сантиметров, еще через год прыгнул на 5 метров 55 сантиметров. А затем на соревнованиях День прыгуна показал многообещающий результат 5,65 и завоевал право выступать на чемпионате мира в Хельсинки...

В тот год, когда Сергей Бубка стал чемпионом мира, а затем сумел приподнять планку еще на 2 сантиметра, Тьерри Винерон установил мировой рекорд — 5 метров 83 сантиметра, и одиннадцать сантиметров, отделявшие его от французского шестовика, казались Бубке непреодолимым препятствием. Но это не значит, что Сергей смирился, отступил. Наоборот, он твердо решил обойти Винерона.

В этом году на соревнованиях в Острове он пытался преодолеть 5 метров 84 сантиметра, но, увы, неудачно. А через несколько дней, на международных соревнованиях в Братиславе, в борьбе с известным польским шестовиком В. Казакевичем, Бубка преодолел высоту 5 метров 75 сантиметров, а затем в великолепном по красоте и точности прыжке со второй попытки преодолел планку, установленную на высоте 5 метров 85 сантиметров, и это был мировой рекорд, а затем молодой прыгун был близок к тому, чтобы тут же улучшить свой результат еще на 5 сантиметров. 5 метров 90 сантиметров — фантастическая высота — пока еще не побеждена, но Сергей Бубка приблизился к ней вплотную на международных соревнованиях в Париже, посвященных юбилею газеты «Юманите». Там Сергей Бубка совершил новый рекордный прыжок на 5 метров 88 сантиметров.

Сразу же после этого рекордного взлета у Сергея Бубки взяла интервью участница этих соревнований, мировая рекордсменка по прыжкам в высоту, студентка факультета журналистики Ростовского университета Тамара Быкова, которая так же, как и Бубка, дважды покоряла рекордную высоту. В прошлом году Быкова в Риме прыгнула на 2 метра 4 сантиметра, а совсем недавно на соревнованиях в Киеве улучшила свой рекорд еще на 1 сантиметр.

Т. БЫКОВА: Поздравляю тебя, Сережа! Надеюсь ли ты установить новый мировой рекорд в Париже?

С. БУБКА: В последнее время на каждом соревновании я настраиваю на высокий результат. Чувствую, что нахожусь в хорошей спортивной форме. Сегодня мой спортивный уровень — это высота 5,80 и не ниже. Основная задача, которую я перед собой ставлю, — это выиграть, а затем как получится. Главное — победа.

Т. БЫКОВА: Сережа, твои впечатления о соревнованиях?

С. БУБКА: Все прошло великолепно. За день до открытия лил дождь, а в день соревнований наступила на редкость солнечная погода.

Т. БЫКОВА: А почему у тебя вначале прыжки не получались? Высоту 5,50 ты прыгнул с третьей попытки.

С. БУБКА: Был ветер в спину, шест, с которым я прыгал в Братиславе, оказался мягким, я не смог использовать первую попытку, вторая тоже не получилась. Ну, а в третьей пришлось мобилизоваться и выдать все, на что способен... Или пан, или пропал...

Т. БЫКОВА: Как соперники встретили твой мировой рекорд?

С. БУБКА: По-разному. Первым меня поздравил Володя Поляков. Он был третьим с результатом 5,70. Локоть друга на соревнова-

ниях, тем более за рубежом, всегда приятно чувствовать. А Винерон сказал в интервью с журналистами, что ему сейчас добиваться высоких результатов еще рано. «В Лос-Анджелес Бубка не едет, — сказал он, — вот так высоко и прыгает. А мы готовимся к основному старту». Ну что же, посмотрим...

Т. БЫКОВА: Позволь мне задать тебе традиционный вопрос. О чем ты думал, когда установил мировой рекорд?

С. БУБКА: Я был очень рад. Просто рад. Не мог устоять на месте и побежал, а ноги подгибались, настолько устал. Мне приятно, что я оправдал надежды моего тренера, что доставил радость своим родителям.

Т. БЫКОВА: К чему ты сейчас стремишься?

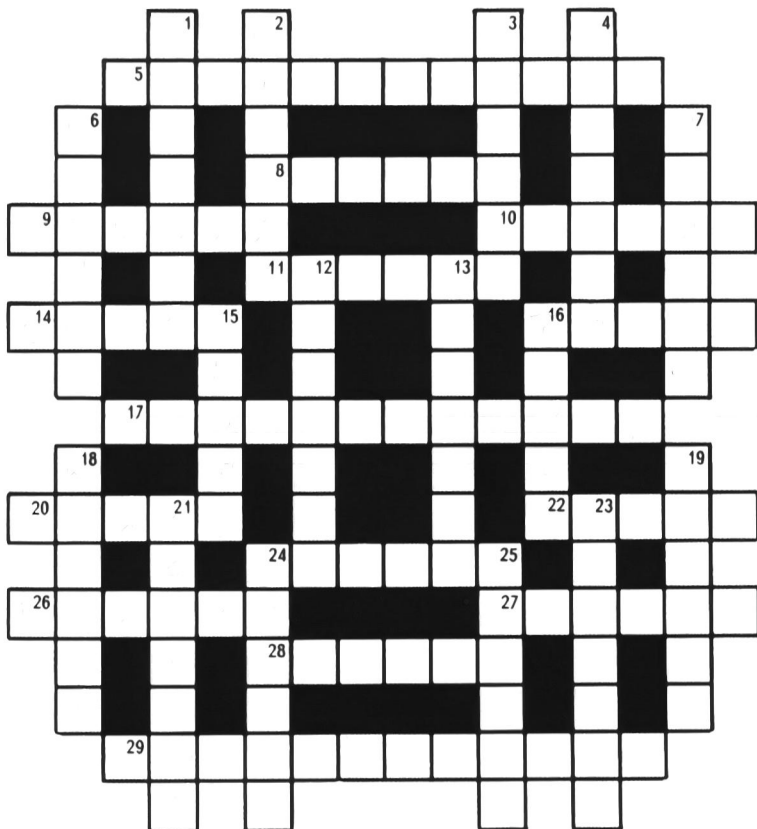
С. БУБКА: Моя мечта покорить высоту 6 метров.

Т. БЫКОВА: Чем увлекаешься, помимо спорта?

С. БУБКА: Люблю читать. Всегда удивляюсь тому, сколько познавательного могут дать книги. Очень нравятся мне стихи Омара Хайяма и Расула Гамзатова.

Т. БЫКОВА: Но я так понимаю, что стихи стихами, а высота высотой?

С. БУБКА: Да, ты права, Тамара. Давай и дальше побеждать высоту, ведь это тоже поэзия — поэзия спорта.

По горизонтали: 5. Башкирская балерина, народная артистка СССР. 8. Предмет мебели. 9. Болотная ягода. 10. Космонавт, дважды Герой Советского Союза. 11. Главный опорный звук лада. 14. Уборка зерновых культур. 16. Минерал, драгоценный камень. 17. Фонетическое письмо. 20. Охотничья собака. 22. Один из Малых Зондских островов. 24. Река на острове Калимантан. 26. Инструмент для нанесения наружной резьбы. 27. Приток Днепра. 28. Французский естествоиспытатель XVIII века. 29. Степень густоты вязких веществ.

По вертикали: 1. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 2. Продукция производства металлургии. 3. Государство в Западной Африке. 4. Областной центр в РСФСР. 6. Озеро в Казахстане. 7. Душистый, приятный запах. 12. Действующий вулкан в Мексике. 13. Крытая повозка. 15. Курорт в Краснодарском крае. 16. Римский историк. 18. Большая водоплавающая птица. 19. Духовой музыкальный инструмент. 21. Народный поэт Кабардино-Балкарии. 23. Государство на юго-западе Европы. 24. Промысловая рыба семейства карповых. 25. Рассказ А. П. Чехова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 6. Образцова. 7. Менделеевск. 9. Мезон. 11. «Тоска». 13. «Татра». 14. Митинг. 16. Кифара. 17. Радиопиз. 18. Назарово. 20. Регата. 21. Канада. 22. Курон. 24. Залив. 26. «Льгов». 27. Языкознание. 28. Ординатор.

По вертикали: 1. Шопен. 2. Кредит. 3. Изолятор. 4. Монета. 5. «Фауст». 7. Модификация. 8. Конференсье. 10. Елизавета. 12. Караваджо. 15. Гулиа. 16. «Казань». 19. Березина. 22. Канаду. 23. Кварта. 25. Взвод. 26. Лиард.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сергей Бубна — чемпион и рекордсмен мира по прыжкам с шестом. (См. в номере материал «Неутомимый Бубна».)

Фото А. Бочинина

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Такой увидел сегодня Монголию фотокорреспондент журнала «Фрайе вельт» Фолькмар БИЛЛЕБ (ГДР). Монумент Сухэ-Батору в центре столицы МНР * Национальные наряды монгольских женщин оригинальны и красивы * Растет и развивается новый город Эрдэнэт — символ монголо-советской дружбы * Ревсомольская свадьба. Жених и невеста — студенты, познакомились в Советском Союзе * В Улан-Баторе новое соседствует с историей.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

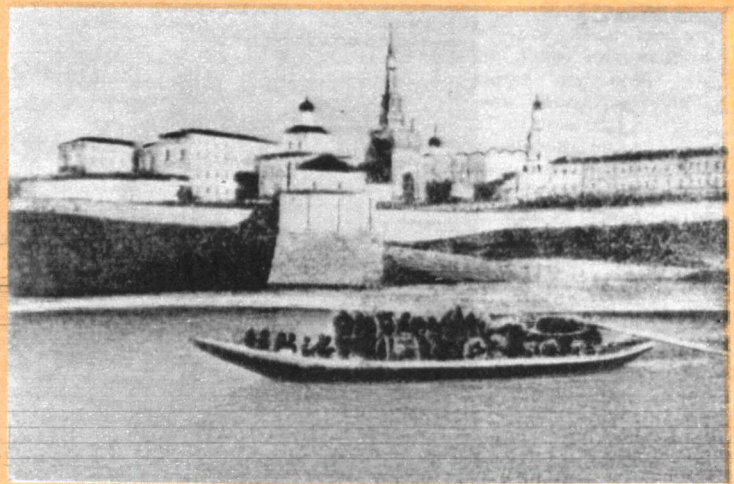
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 18.06.84. Подписано к печати 03.07.84. А 10279. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 717 000 экз. Изд. № 1718. Заказ № 2894.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

1

ОГОНЕК

СО СТАРЫХ СТРАНИЦ «ОГОНЬКА»

1926 год

1. В ночь с 4 на 5 декабря 1887 года более 100 студентов Казанского университета арестовали жандармы. Среди арестованных был Владимир Ульянов. Основание — «участие в сходке». Сходку вызвала полицейская расправа с демонстрацией у Казанского собора в Петербурге, которая произошла из-за самоубийства студентки в тюрьме «Кресты». На снимке изображена крепость у башни Сумбеки в Казани — место первого заключения В. И. Ленина.

(№ 11).

2. В 1926 году гениальная русская балерина Анна Павлова снималась вместе со знаменитой звездой кино Мэри Пикфорд в киноателее в Голливуде, но не в американском Голливуде, а в английском.

(№ 6).

3. Подвиг советского дипломатического курьера Теодора Нетте увековечил в стихах Маяковский. Нетте вез документы в Берлин и погиб, защищая их. Его товарищ Иоганн Махмасталь был ранен. Советские дипломаты застрелили двоих нападавших агентов иностранной разведки.

(№ 8).

4. О здоровье людей государство заботилось и заботится всегда. Как практический пример правильного отношения к здоровью «Огонек» опубликовал снимок, на котором изображен председатель Высшего совета физической культуры нарком здравоохранения Н. А. Семашко с дочерью на лыжной прогулке.

(№ 13).

5. «История моего дирижабля» — так называется статья К. Э. Циолковского, опубликованная в № 14 журнала «Огонек». Он рассказывает о придуманном им дирижабле из волнистого металла. Идеи великого теоретика космических полетов, вероятно, еще окажутся плодотворными и в области дирижаблестроения.

(№ 14).

6. Ромен Роллан, выдающийся французский писатель, в 1926 году отмечал свое шестидесятилетие. Фотокорреспондент запечатлел Р. Роллана с сестрой — ближайшей сотрудницей в его литературной работе.

(№ 11).

7. Это очень редкая фотография. Великий индийский поэт Рабиндранат Тагор в тот год посетил Европу. Его серьезно интересовала теория относительности. Он встретился с ее создателем Альбертом Эйнштейном.

(№ 42).

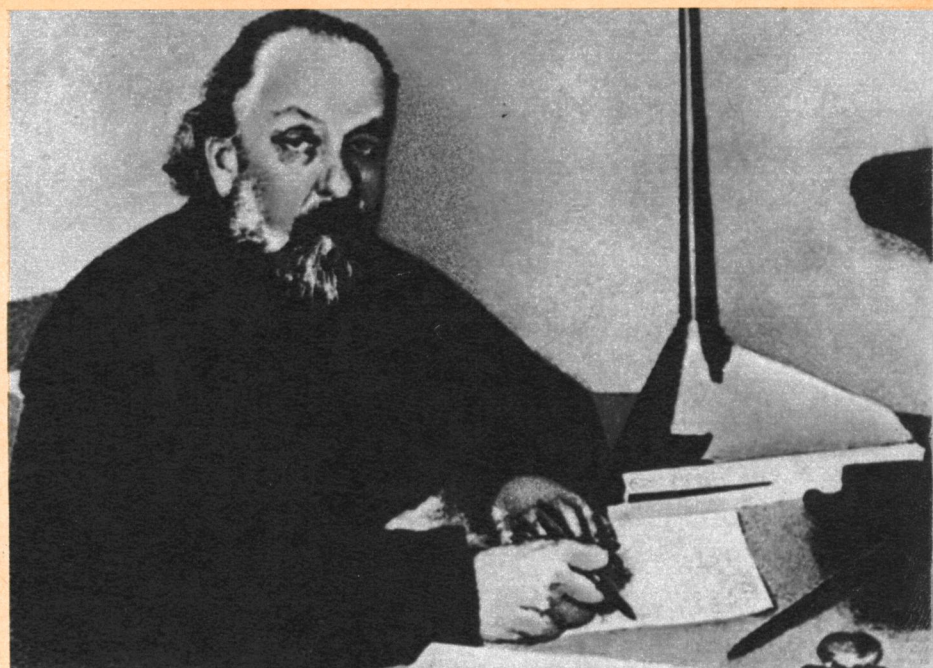
2.

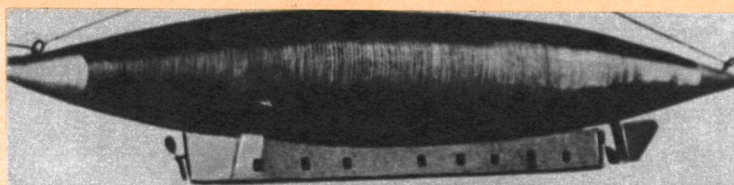
3.

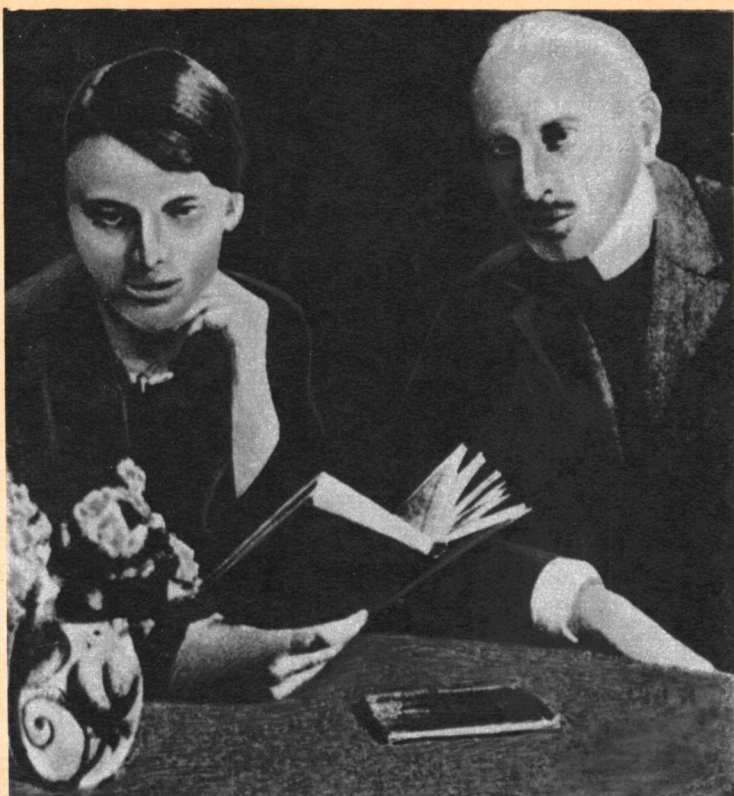
4.

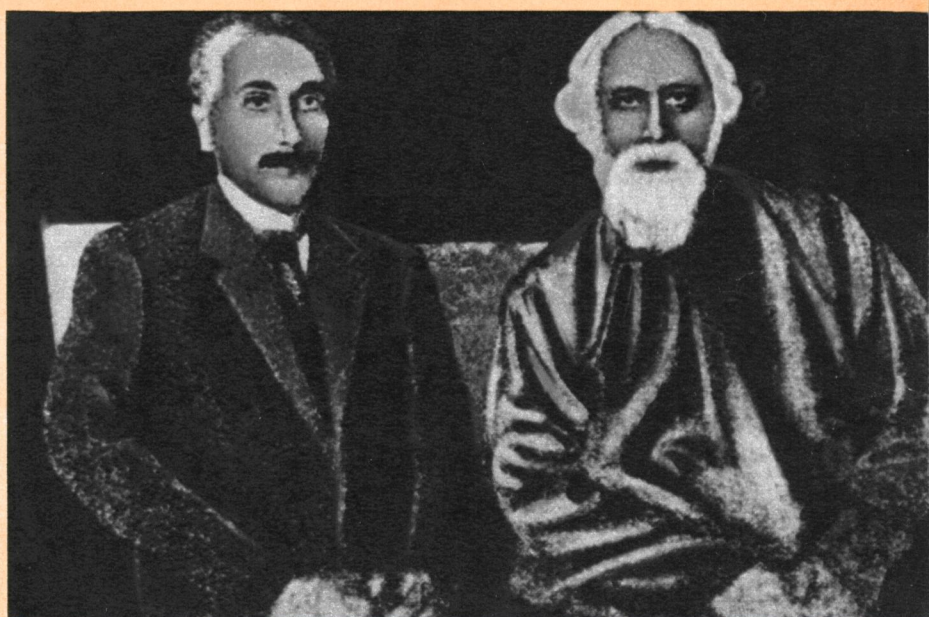
5.

6.

7.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663